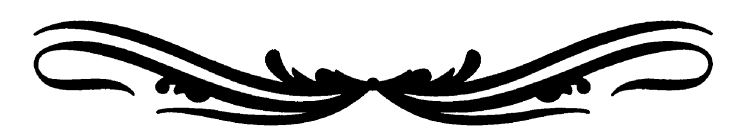
Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Владимир Бешанов



БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

УДК 94
ББК 63.3(0)
Б 57

Оформление художника *П. Волкова*

Бешанов В. В.

Б 57 Брестская крепость / Владимир Бешанов. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 352 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-37456-4

Этот подвиг был забыт на долгие двадцать лет — страна узнала о героях Брестской крепости лишь в начале 1960-х. Эта оборона стала символом стойкости и самопожертвования советского солдата. Именно здесь блицкриг дал первый сбой — по планам немецкого командования, на захват Брестской крепости отводились считаные часы, но ее гарнизон продержался более двух недель, а последние защитники продолжали сражаться до поздней осени 1941 года.

Теперь эти факты общеизвестны — однако в истории Брестской крепости еще немало спорных моментов и «белых пятен», а вопросов куда больше, чем ответов. Почему немецкое нападение застало ее защитников врасплох? Зачем накануне войны из крепости был выведен практически весь гарнизон? Каковы были соотношение сил и потери сторон? И почему правду о «бессмертном гарнизоне» вычеркнули из народной памяти на два десятилетия?

В новой книге популярного историка даны ответы на самые острые и «неудобные» вопросы. Это — первая полная летопись Брестской крепости, освещающая не только события 1941 года, но всю ее полугоравековую историю.

УДК 94
ББК 63.3(0)

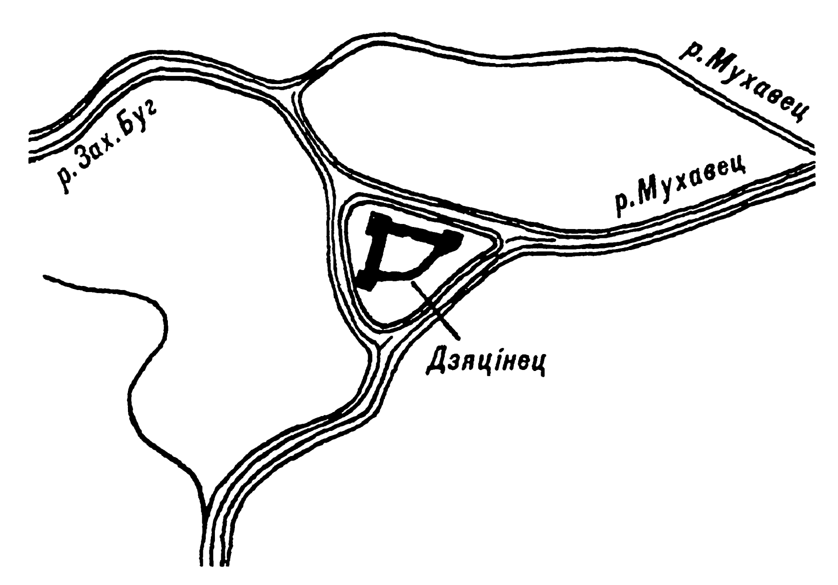
ISBN 978-5-699-37456-4

БЕРЕСТЬЕ

Брест, один из древнейших городов Беларуси, на протяжении почти всей своей истории был пограничным форпостом. Первые сведения о нем относятся к 1019 г. В «Повести временных лет» отмечается, что Берестье — хорошо укрепленный город, последний пункт перед польской землей. Городище размещалось на мысе, образованном Западным Бугом и левым рукавом реки Мухавец. Оно состояло из детинца треугольной в плане формы, укрепленного рвом, земляным валом и частоколом, и окольного города, находившегося на острове против детинца. Это место было выбрано не случайно. Реки в то время служили основными коммуникациями, по которым купцы перевозили свои товары, осуществлялись административные и деловые связи между княжествами Древней Руси, перебрасывались войска.

Выгодное расположение города на древних торговых путях, связанных с реками, текущими в разных направлениях, способствовало его быстрому росту. Берестье стало важным торговым центром древнерусского государства. Находясь на стыке русских, польских и литовских земель, город-крепость имел большое военно-стратегическое значение, что не раз становилось причиной споров между феодальными князьями за владение им.

В XI—XII вв. Берестье поочередно переходило от туровских князей к киевскому князю Ярославу Мудрому (1031), Волынскому (1077), Туровско-Пинскому (1097)



Берестейское городище. Схема размещения детинца.

княжествам, великому киевскому князю Владимиру Мономаху (1117), с 1142 г. им владели галицкие князья. Не раз пытались присоединить город к своим владениям литовские и польские властители. В 1164 г. Берестье захватил литовский князь Скирмунт и владел им до 1182 г., а затем город и окрестные земли перешли к польскому королю Казимиру Справедливому. Он возвел деревянную крепость, окруженную земляным валом. В первой четверти XIII в. Берестье отошло Даниилу Галицкому.

Город часто подвергался вражеским нашествиям, горел и опустошался. В 1241 г. под стенами Берестья произошла кровопролитная битва с монголо-татарами. Павших в сражении было так много, что запах разлагающихся тел не позволял приблизиться к городу. Летописец сообщает: «Данилови же со братом пришедшу к Берестью, и не возмогоста ити в поле, смрада ради множьства избьеных». Земли Волыни и Галиции попали в сферу монгольского влияния, Даниил был вынужден признать

зависимость от Золотой Орды и получил от хана Батыя ярлык на княжение.

Башня-донжон в Каменце. XIII в.

При волынском князе Владимире Васильковиче (в 1276—1288 гг.) в детинце Берестья была построена оборонительная каменная башня-донжон. Она была прямоугольной формы (6 × 6,3 м), толщина стен достигала 1,3 м, высота — 20 м. «Столп» был сложен из брускового кирпича с продольными бороздами на поверхности, который клали на известковый раствор. Башня стала центром обороны и командным пунктом города, а также символом, изображенным на первом гербе Берестья. Правда, у современных исследователей есть основания полагать, что берестейский донжон был копией известной Каменецкой башни, круглой в плане. В городе развивались ремесло и торговля, здесь останавливались многочисленные купеческие караваны. Для их защиты от нападений и грабежей была создана особая стража.

К началу XIV в. Русь, раздираемая междоусобицей, раскололась на отдельные княжества, беспрерывно воюющие друг с другом. В 1319 г. князь Гедимин присоединил Берестейскую землю к Великому княжеству Литовскому, однако вскоре отдал ее во владение волынскому князю Андрею Юрьевичу.

На месте старого детинца на искусственной насыпи был возведен замок. Он занимал площадь более 2 га, был окружен рвом и укреплен земляным валом, на котором

стояли крепостные стены-городни — прямоугольные в плане бревенчатые срубы, заполненные землей и камнем, и пять башен. Четыре башни были деревянными с 2—3 оборонительными ярусами, пятой была включенная в общую оборонительную систему Берестейская башня. Две башни имели ворота с подъемными мостами. По периметру стен проходила крытая боевая галерея.

Берестейский замок неоднократно подвергался осадам и разрушению. В 1334 г. город и замок захватили рыцари Тевтонского ордена, которые только через два года были выбиты оттуда князем Кейстутом Гедиминовичем. С 1341 г. Берестье считалось литовским городом. В 1349 г. его захватил польский король Казимир Великий, который после длительной польско-литовской войны вернул Берестейскую землю Литве по договору 1366 г.

В августе 1379 г. город вновь подвергся нападению тевтонских рыцарей под водительством комтура Теодориха Эльнера. Крестоносцы разграбили и сожгли Берестье, но крепость защитникам удалось отстоять. Тремя годами позже город безуспешно осаждали войска князя Януша Мазовецкого. Берестье в то время считалось богатым городом, и немало имелось желающих им править или, по крайней мере, пограбить. Здесь был построен большой постоялый двор, все большую известность приобретали берестейские ярмарки. Город, в котором проживали 2000 человек, разрастался и перекинулся на правый берег Мухавца.

Зимой 1390 г. после десятидневной осады замок пал под натиском армии короля Ягайло, повздорившего со своим двоюродным братом великим князем Витовтом. В том же году польский король предоставил Берестью самоуправление на принципах магдебургского права, а вскоре вернул его прежнему «хозяину». В XV в. Берестье стало важным торговым и ремесленным, политическим

и культурным центром польско-литовского государства. В декабре 1409 г. во время Великой войны с крестоносцами в Берестейском замке проходило тайное совещание польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта с сыном Тохтамыша ханом Джелаладдином. Обсуждался план похода против Тевтонского ордена. Результатом его реализации стала Грюнвальдская битва, в которой наряду с польскими, русскими, литовскими полками приняла участие и берестейская хоругвь. В честь одержанной победы Витовт в 1411 г. основал в городе монастырь августинцев и костел Святой Троицы. Через два года в результате административной реформы город стал центром Берестейского староства в составе Трокского воеводства, а к 1440 г. — одним из главных городов Великого княжества Литовского, местом проведения съездов и сеймов. Польский хронист Ян Длугош называл Берестье «пристанью и воротами в литовские и русские земли». В конце столетия здесь было 5 тысяч жителей и 928 застроенных участков. Местные купцы активно участвовали в международной торговле, контролировали финансовые потоки, город прославился великими Берестейскими ярмарками, а княжество измеряло длину берестейским аршином.

В 1500 г. крепость выдержала осаду 15-тысячной орды крымского хана Менгли-Гирея. Однако посад был полностью разграблен и сожжен дотла. На восстановление его из руин ушли следующие десять лет. В 1525 г. в результате пожара «на корень выгорел» Берестейский замок, погибли все оружие и припасы.

К середине XVI в. Берестье вновь стало крупным торгово-ремесленным центром. В 1563 г. берестейский староста Николай Радзивилл Черный основал здесь первую на территории современной Беларуси типографию, а три года спустя город стал центром Берестейского воеводства. К тому времени он состоял из трех частей: замка, го-

рода, или «места», на острове, окруженного водами Буга и Мухавца, а также Замухавечья, расположенного на правом берегу рукава реки. Центральная часть «места» была укреплена оборонительной стеной, периферийная — валом.

Заново отстроенный замок представлял собой достаточно мощное фортификационное сооружение с валом и пятью башнями. В старой браме висел ратный колокол — «звон великий». Основу оборонительной линии составляли объемные двухъярусные стены, внутри которых находились жилые и служебные помещения, предназначенные для «схованья» населения и хранения запасов. На верхний ярус стен, где проходила боевая галерея, вели лестницы. Под башнями, как водится, имелись камеры для содержания заключенных — «вязней». На внутренней территории располагались цейхгауз, королевские конюшни и жилые дома европейского типа с каминами, залами для приемов и застекленными окнами. Некоторые здания были связаны с башнями крытыми переходами. В арсенале находились металлические доспехи на 100 человек, 12 пушек, большая мортира, 96 гаковниц и 7 железных «ручниц», 360 ядер, формы для их отливки, холодное оружие, болты для арбалетов, пороховая мельница. Под землей к реке были проложены потайные деревянные трубы, по которым с помощью специальных помп в крепость во время осады могла подаваться вода. От водяной мельницы могла работать и механическая «ступа на толчение пороху», и сукновальня. За оружием и замковыми сооружениями присматривали слуги и ремесленники: пушкарь, плотник, бондарь, кузнец, слесарь, каменщик, печник, столяр, а также пивовары, мельники и другие. Их называли «людьми замка», и они были освобождены от подати в городскую казну. Водонасосное устройство обслуживалось отдельным специалистом — «рурмистром». От Замухавечья за-

мок отделял водяной ров, соединявший Мухавец с Бугом.

В мирное время «штатный гарнизон» состоял из 12 сторожей и 12 наблюдателей-«кликунов». Защита города и замка возлагалась на мещан и жителей волости. В случае необходимости присылали дополнительный воинский контингент. Так, во время Ливонской войны в июле 1566 г. здесь находился кавалерийский отряд в составе 600 человек. Горожане, входившие в цеховые военные объединения, согласно уставам своих цехов обязаны были иметь «супольную армату, ...бубен и хоругву... для обороны места». Каждый полк со своим оружием непременно принимал участие в военных смотрах.

Городской герб на печати 1592—1651 гг.

В 1569 г. после подписания Люблинской унии город вошел в состав Речи Посполитой, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское, и был переименован в Брест-Литовск. В октябре 1596 г. в Бресте состоялся собор, утвердивший объединение (унию) католической и православной церквей под эгидой Ватикана. Это было время расцвета польско-литовского государства. За сто лет мирной жизни население города увеличилось вдвое и к середине XVII в. превышало 10 тысяч человек. Затем времена изменились.

Осенью 1648 г. Брест-Литовск разграбили и сровняли с полем посланные Богданом Хмельницким в «белорусский» рейд украинские казаки. По словам московского посла Егора Кунакова, в Бресте «поляков и жидов, жен их и детей побили без счета, и хоромы и стены каменные

разломали и раскидали». Остальное уничтожили «освободившие» город королевские наемные рейтары.

Брест вновь поднимался из пепла и вновь оказывался на пути завоевателей.

В 1654 г. варшавский сейм принял специальную декларацию о срочном восстановлении брестских укреплений. Деревянные стены замка планировалось заменить пятью оборонительными сооружениями бастионного типа. Горожане были освобождены от общественных налогов, деньги шли с Брестской королевской экономии. Отсюда же набирали людей для фортификационных работ. К строительству привлекались все жители без исключения, включая духовенство. Руководил работами присланный королем инженер, однако дело двигалось медленно и так и не было доведено до конца ввиду последовавшей череды нашествий, которые в польской истории получили название «Потоп».

В ходе русско-польской войны 1654—1667 гг. и развязанной Швецией войны против Речи Посполитой и России Брест-Литовск неоднократно оказывался в полосе военных действий. Спор славян между собою отличался особой жестокостью. Московитами война велась в первую очередь за территории и материальные ценности, население уничтожалось практически поголовно. Указ тишайшего «московского царя православного» Алексея Михайловича прямо требовал: «Унии не быть, латинству не быть, жидам не быть». Почти полностью были вырезаны жители Витебска, Слонима, Мира, Вильно, Пинска и других городов. Виленский епископ Юрий Тышкевич позднее писал: «Не было пощады ни возрасту, ни полу; все места были залиты кровью убитых и трупами, особенно Бернардинский костел, куда в поисках убежища собралось особенно много людей».

Осенью 1655 г. Новгородской полк русской армии под командованием князей С.А. Урусова и Ю.Н. Баря-

тинского, имевших царскую инструкцию польские города «воевать и разорять», а со шведами «отнюдь не задиратца», совершил поход от Ковно на Брест, но был остановлен войском гетмана П.Я. Сапеги в 25 верстах от города. В сражении у деревни Верховичи поляки 17 ноября потерпели поражение, однако штурмовать укрепленный город, в котором находился сильный гарнизон, русские воеводы не решились. В следующем году под стенами Бреста впервые появились шведы, но и они отступили.

В мае 1657 г. Брест-Литовск не выдержал осады объединенной армии шведского короля Карла X Густава, Семиградского князя Ракоши и украинских казаков и был ими захвачен. По одной из версий, это стало возможным из-за измены наемной немецкой пехоты, перешедшей на службу шведскому королю, по другой — противник овладел городом «через трактат», т.е. заставив гарнизон сдаться на определенных условиях. Город был разграблен и большей частью сгорел. Король шведский по достоинству оценил стратегическое положение Бреста и даже планировал основать здесь укрепленный лагерь. Но в это время против Швеции выступила Дания, в связи с чем Карл X срочно покинул Брест. Тогда Павел Сапега приказал Михаилу Радзивиллу, подчашему Великого княжества Литовского, собрать отряд добровольцев и произвести диверсию с целью захвата Брестской фортеции, в которой находился вражеский гарнизон численностью до 600 человек. Операцию готовили в обстановке секретности. Сапега приказал все тщательно разведать и, выбрав нужное время, «учинить эксперимент: спешив людей, подобраться, как можно тише ...чтобы никто и пера не уронил», а затем атаковать укрепления, захватив противника врасплох. Рейд прошел удачно. 20 августа гетман личным письмом поблагодарил Радзивилла и его отряд, состоявший из обывателей Брестского воеводст-

ва, как от своей «персоны, так и от всей Речи Посполитой за совершенный труд... при отобрании Бреста, за что все Отечество должно отплатить благодарностью».

В опустошенном и разграбленном Брест-Литовске начали восстановление укреплений. Для завершения строительства сейм Речи Посполитой выделил в 1658 г. 10 миллионов злотых и планировал поставить необходимое для обороны количество пороха, ядер и оружия. Гетман Великого княжества Литовского получил наказ содержать здесь столько пехоты, сколько будет нужно. Реальные обстоятельства делали подобные декларации лишь благими пожеланиями. Не случайно в следующем году Варшавский сейм лишь продублировал ранее принятое постановление о брестских укреплениях.

8 января 1660 г. московские войска под командованием воеводы И.А. Хованского по льду подошли к укреплениям города и взяли их внезапным приступом. После этого еще пять суток велась осада замка, завершившаяся успешным ночным штурмом и гибелью защитников. Хованский стоял в Бресте до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши. В занятом городе воеводе пришлось восстанавливать укрепления для защиты собственных войск. В донесении царю Алексею Михайловичу он сообщал, что «Брест верхний город укрепил я накрепко, сверх старых крепостей по земляному городу нарубил тарасы в 2 стены рублены, а вышиною 2 сажени, а в иных местах и в 2,5, а хлебных запасов года на два будет тем людям, которые оставлены, а соли и пушечных всяких запасов гораздо много, сидеть в верхнем городе бесстрашно от неприятеля, а большого города занять некем, надобеть посадить тысячи 4, а на меньшую статью 3000, и то будет неприятелю страшно».

Однако в результате Оливского мира между Швецией и Речью Посполитой, высвободившего значительные воинские силы последней, Хованский был вынужден оста-

вить Брест. В 1661 г. в город вновь вошли польско-литовские войска. К этому времени Брест-Литовск был «весь до последнего строения разорен и сожжен», населения осталось «очень малая горсточка», погибли все члены магистрата, сгорели все архивы.

Для восстановления крепости город на четыре года был освобожден от всех налогов. Вновь отстраивались костелы и жилые дома, в 1665—1666 гг. работал даже монетный двор. Но в 1706 г. в разгар Северной войны шведские войска под командой генерала Мейерфельда захватили и разграбили Брест-Литовск, в котором размещались провиантские склады русской армии. Крепость, не выдержав осады, капитулировала. Шведская оккупация продолжалась почти шесть лет.

В результате долгих и разорительных войн, сопровождавшихся голодом и эпидемиями, Брест-Литовск пришел в упадок. Его население к середине XVIII в. составляло 1800 человек, замковые укрепление были разрушены.

Во второй половине XVIII в. Речь Посполитая, истощенная беспрерывными нашествиями, переживала тяжелый политический и экономический кризис. Государственные структуры не обладали реальной властью. Другие державы бесцеремонно вмешивались во внутренние дела страны. Шляхетство, забыв о национальных интересах, срывало сеймы и собиралось в конфедерации, магнатов не интересовало ничего, кроме укрепления личной власти. Польско-литовское дворянство, увлеченное борьбой за «вольности», бойкотировавшее любые реформы, разделившееся на враждебные группировки, непринужденно обращавшееся к иностранной помощи, в итоге развалило государство, чем не преминули воспользоваться соседи.

5 августа 1772 г. последовал первый, частичный, раздел Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией, а 12 января 1793 г. — второй. Началась интервенция

трех держав. Российская империя ввела оккупационные войска под предлогом освобождения украинских и белорусских земель от польского гнета. Заодно были «освобождены» латышские и литовские земли. В марте 1794 г. польские патриоты, стремившиеся сохранить суверенитет и целостность страны, подняли восстание, которое возглавил герой борьбы за независимость североамериканских колоний бригадный генерал Тадеуш Костюшко, провозглашенный диктатором и главнокомандующим национальными вооруженными силами. Применяя партизанскую тактику, инсургенты, пользовавшиеся поддержкой населения, действовали дерзко, стремительно и инициативно. Русские регулярные отряды их «повсюду били и гоняли, а из того ничего не выходило». Военные действия затягивались.

Для скорейшего решения проблемы императрица Екатерина II отозвала из Финляндии генерал-аншефа А.В. Суворова и в августе назначила его начальником небольшого войска с ближайшей задачей занять Брест-Литовск и устроить там магазины для армии. 6 сентября 1794 г. недалеко от Кобрина произошло сражение между шеститысячным отрядом под предводительством генерала Кароля Сераковского и корпусом А.В. Суворова, насчитывавшим 12 тысяч человек. Повстанцы потерпели поражение, а два дня спустя были настигнуты под Брестом и наголову разбиты. В город вступили русские войска. А.В. Суворов этим успехом, как и ожидалось, не ограничился. Получив подкрепление и объединив под своим командованием около 30 тысяч бойцов, он 24 октября взял штурмом Прагу — предместье Варшавы на правом берегу Вислы, что привело к капитуляции столицы и ликвидации главного очага сопротивления. Попавший в плен «опасный смутьян, бунтовщик и вольнодумец» Костюшко был заключен в Петропавловскую крепость. Король Станислав-Август, кстати, уроженец Брестчины, отрекся от

престола. А.В. Суворов за польскую кампанию получил звание фельдмаршала.

В октябре 1795 г. последовал третий раздел Речи Посполитой, в результате которого она исчезла с политической карты мира. Поморье, Центральную Польшу с Варшавой получила Пруссия, Галицкие земли с Львовом и Галичем и Южная Польша с Люблином и Краковом отошли Австрии. К России были присоединены земли Великого княжества Литовского, Левобережная Украина, Волынь, Беларусь.

Брест-Литовск вместе с другими белорусскими городами вошел в состав Российской империи и вновь оказался на границе. За Бугом теперь лежали австрийские земли. Год спустя Брест стал уездным городом Слонимской, затем Литовской и Гродненской губернии.

Инкорпорация белорусско-литовских земель в состав чужого государства происходила болезненно. Например, распущенное войско Великого княжества Литовского (18 тысяч человек) Екатерина II от греха подальше велела сослать в Екатеринославль на вечное поселение. Всего в далекие российские губернии было выслано около 50 тысяч семей. «Освобожденных» от польского гнета крестьян делили имперские рабовладельцы. Только за 1772—1800 гг. в собственность русским помещикам было роздано 208 505 «душ мужеского пола». Недовольство новыми порядками высказывали администрация и жители городов, утратившие самоуправление. Непосильным бременем для белорусских губерний стали налоги, которые собирали не ассигнациями, как на остальной территории империи, а золотыми и серебряными монетами, что было в четыре-пять раз дороже. Вводились рекрутские наборы, которых раньше здесь не знали. Притеснялась униатская церковь, к которой принадлежало до 70 процентов населения. Это ломало привычный уклад жизни, обостряло ситуацию, создавало почву для сопро-

тивления. Польское дворянство мечтало о возрождении Речи Посполитой. Большие надежды возлагались на императора Наполеона. Разгромив Пруссию, из части захваченных ею польских земель он создал в 1807 г. Великое герцогство Варшавское, которое стало верным союзником Франции. Брестские чиновники польского происхождения поставляли сведения французской разведке, шляхетская молодежь переходила границу, чтобы записаться в победоносные наполеоновские войска. Наполеон заигрывал со шляхтой и раздавал обещания «устроить Польшу». Под эти авансы племянник последнего короля Речи Посполитой Юзеф Понятовский сформировал 100-тысячную польскую армию для участия в походе на Россию.

С началом Отечественной войны 1812 г. Брест-Литовск в очередной раз стал ареной военных действий. 22 июня в город вошел австрийский корпус генерала Шварценберга, однако 3 июля он был выбит передовыми дивизиями 3-й армии генерала А.П. Тормасова. На помощь австрийцам прибыл саксонский корпус генерала Жана Луи Ренье, и русские войска после жестокого сражения под Городечно 31 июля отступили к Луцку. В начале сентября армия А.П. Тормасова соединилась на Волыни с Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова. Получив численное преимущество, русские войска перешли в наступление и, оттеснив противника за Западный Буг, 29 сентября заняли Брест-Литовск. Адмирал Чичагов пробыл здесь 15 дней и двинул армию на Слоним. В городе осталась войсковая группа под командованием генерала Ф.В. Остен-Сакена, которая вела активные боевые действия против корпуса Шварценберга. 13 ноября она была разбита и отступила на Волынь. Брест-Литовск вновь оказался в руках французов.

Значительная часть населения западных губерний вначале приветствовала вторжение «Великой армии».

Жители края связывали приход французов с революционными идеями свободы и равенства. Крестьяне надеялись на отмену крепостного права, как это было сделано в Польше, дворянство — на восстановление независимости и конституции.

Вступив на территорию Беларуси, Наполеон объявил литовские и белорусские земли «освобожденными от русского гнета». В Вильно император утвердил Временное правительство Великого княжества Литовского, власть которого распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Белостокскую волости, но контролировалась имперским комиссаром Л. Биньеном. Во главе департаментов стояли французские губернаторы и интенданты. В городах вводилась муниципальная система управления. Брестское шляхетство присягнуло на верность французскому императору одним из первых.

В обмен на обещание возродить Великое княжество Литовское Наполеон потребовал призыва в свою армию 100 тысяч человек, огромных поставок фуража и продовольствия. Начались бесконечные реквизиции, которые быстро переросли в обыкновенный грабеж, вынудивший крестьян взяться за косы и топоры. Надежды на освобождение обернулись уничтожением городов и сел, разрушением хозяйства, голодом и смертью. В Гродненской губернии погибли более 37 тысяч мужчин, в том числе 4253 в Брестском повете. Тем не менее после отступления Наполеона из Москвы возвращения русских в Беларуси ожидали со страхом. Чтобы предупредить бегство населения из западных губерний, фельдмаршал М.И. Кутузов 9 ноября издал приказ, в котором говорилось: «Вступая с армией в Беларусь, в тот край, где при нашествии неприятеля некоторые из неблагонамеренных, пользуясь бывшими замешательствами, старались разными лживыми уверениями ввести в заблуждение мирных поселян и отклонить их от священных и присягою запечатленных обязанностей за-

Памятный знак, посвященный 150-летию Отечественной войны.

конному их Государю, я нахожу нужным всем армиям, мною предводительствуемым, строжайше воспретить всякий дух мщения и нарекания в чем-либо жителям белорусским, тем паче причинения им обид и притеснений». Месяц спустя последовал царский манифест о «всеобщем прощении».

25 декабря 1812 г. русские войска, преследовавшие остатки наполеоновской армии, вошли в Брест-Литовск. Последовавшие за этим реквизиции на нужды и содержание царской армии по объемам немногим уступали французским и австро-саксонским. Во время Заграничного похода 1813—1814 гг. город играл роль тыловой базы обеспечения. Здесь формировались кавалерийские резервы для Действующей армии. В штабе резервного корпуса два года отслужил адъютант генерала А.С. Кологривова, начинающий литератор А.С. Грибоедов. К брестскому периоду относятся его первые драматургические опыты: комедии «Молодые супруги», «Своя семья, или

Замужняя невеста», а также первые опубликованные в печати статьи и стихи, посвященные любимому начальнику и мудрому Государю, «умеющему избирать и ценить достойных чиновников»:

Есть в Буге остров одинокий,
Его восточный мыс
Горою над рекой навис
Заглох в траве высокой...

(«Письмо из Брест-Литовска»)

На Венском конгрессе 1815 г. был утвержден очередной раздел Польши. Большая часть Варшавского герцогства вошла в состав Российской империи, образовав игрушечное Царство Польское. Александр I, принявший титул польского короля, на первых порах вынужден был учитывать традиции, существовавшие на этих территориях. Он позволил полякам принять конституцию, иметь собственный парламент и монетную систему и сформировать войско численностью 35 тысяч человек, состоявшее из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. Наместником в Варшаве и главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин Павлович. Ядро этой армии составили польские легионы наполеоновских войск.

«Поляки приняли эту царскую милость как нечто совершенно должное, — возмущается историограф русской армии А.А. Керсновский, — и похвалялись перед русскими, что вот возвращаются в отчизну с распущенными знаменами и барабанным боем, ничуть не побежденные «москалями»... Командный состав, командный язык — все было польское, уставы русские, но переведенные на польский. Вообще это была иностранная армия, подчиненная русскому главнокомандующему... Однако поляки, сами лишенные чувства великодушия, не способны понимать это чувство в других. Милость эту

они истолковали как заигрывание с ними, как признак слабости России, тем более что Император Александр для привлечения сердец своих польских подданных применил уже известный нам по Парижу способ, подчеркнуто пренебрежительно относясь к русским».

На белорусских землях продолжал действовать Статут Великого княжества Литовского. Во второй половине 1817 г. из политических соображений был учрежден Отдельный Литовский корпус, который состоял из двух пехотных, одной уланской дивизий и Литовской гренадерской бригады, укомплектованных уроженцами Западного края. Он также подчинялся брату императора. В состав 27-й пехотной дивизии (с 1820 г. — 24-й) корпуса наряду с другими частями входил «славный» Брестский пехотный полк, который принимал участие в Отечественной войне 1812 г.

Брест за годы войны пришел в полный упадок. Таким увидел его польский историк Юлиус Немцович: «...лет 30 не видел столицы родного воеводства моего, надеялся на захватывающую встречу с ним. О, Боже! Как же я в надежде ошибался: Брест, который в дни моей молодости не горевал, так как был богат и имел промыслы, встал передо мной во всей своей убогости. Не редкие, а периодические и, возможно, умышленные пожары, занятие домов на постой солдатами, препятствие в торговле... сделали этот город нелюдимым и убогим. Все монастыри опустошены военными госпиталями... в бригитском монастыре солдаты разместились вместе с монахинями в одном здании... Замок с 4 бастионами опустошен полностью. Видны только развалины вежи, где сидела осужденная шляхта, три двора да части от водопровода...»

К 1825 г. население Брест-Литовска составляло 11 тысяч человек. Город восстанавливался, предполагалась его перепланировка и «современная застройка». Отчего-то

зачастили пожары. Зажиточные евреи скупали землю у погорельцев в надежде сделать барыши на будущем строительстве.

Проект реконструкции охватывал значительную территорию, включая центральные острова в дельте Мухавца и предместья. Намечалась пробивка новых улиц и ликвидация отдельных старых, устройство новых площадей. Центр города сохранялся на прежнем месте — на центральном острове. Старая городская площадь оставалась в своих габаритах. По всему периметру центрального острова предполагалось обустроить набережные. Кроме того, проект предусматривал организацию новых площадей в предместьях с православными храмами на них.

Этим планам не суждено было осуществиться в связи с решением о сооружении на месте города крепости.

ФОРПОСТ ИМПЕРИИ

Выбор места для строительства крепости был обусловлен важным военно-стратегическим положением, которое занимал Брест-Литовск на западе Российской империи. Он находился на Днепро-Бугском водном канале и кратчайшей сухопутной дороге из Варшавы в Москву. Политическая обстановка, сложившаяся в последнее десятилетие XVIII в. в Европе, где разгоралась большая война, вынуждала российское правительство разрабатывать планы укрепления и инженерного обеспечения своих новых рубежей.

Решение этой задачи возлагалось на созданную в 1796 г. комиссию под руководством генерал-майора инженерных войск П.К. фон Сухтелена. В том же году для проведения топографической съемки местности в западные губернии был направлен капитан К.И. Опперман, изложивший результаты своей работы в инструкции «Для обозрения новой границы с Пруссией и Австрией» и плане к ней, согласно которому вдоль 200-километровой границы предлагалось возвести девять мощных крепостей первой линии, в их числе и крепость Брест-Литовск.

Вскоре появился еще ряд проектов. Генерал-майор Деволан в 1797 г. предложил создать на западных территориях единую систему обороны, костяк которой должны были составить три линии эшелонированных в глубину укреплений, в том числе 19 крепостей. Однако дальше

«теоретического обоснования» дело не пошло, поскольку наступательные войны «матушки» Екатерины Великой привели к изрядному расстройству государственных финансов и, в частности, к сокращению численности инженерных войск. О проблеме удержания завоеванных территорий всерьез задумались уже в царствование Александра I.

Генерал К.И. Опперман, один из авторов проекта крепости.

В 1803 г. генералу Сухтелену, возглавившему особую Инженерную экспедицию, было поручено произвести осмотр западных губерний. Тогда же Военное Министерство согласилось с его точкой зрения на необходимость укрепления западной границы империи. Подготовка экспедиции растянулась на год, а разразившаяся война с Наполеоном 1805—1807 гг. привела к новой отсрочке. Наконец осенью 1807 г. Сухтелен совершил объезд присоединенных территорий. В своем докладе он особо подчеркнул стратегически важное положение Брест-Литовска и необходимость строительства здесь крепости как опорного пункта действующей армии. Несколько позже с подобным предложением выступил генерал М.Б. Барклай-де-Толли, считавший необходимым иметь в Брест-Литовске укрепленный лагерь, который мог бы служить оперативной базой для 20-тысячной армии. Новая война, на этот раз со Швецией, перечеркнула и эти планы.

Весной 1810 г. для российского руководства стала явной неизбежность военного столкновения с наполеоновской Францией и ее союзниками. Реально оценивая

свои силы в преддверии нашествия, в котором русская армия должна была противостоять почти всей Европе, военный министр в записке «О защите западных рубежей России» предложил в начале военных действий уклоняться от генерального сражения на границах, отводить войска вглубь страны, ослабляя врага действиями легких сил и применяя тактику «выжженной земли»: «...открыть отступное действие к древним границам нашим, завлечь неприятеля в недра отечества нашего и заставить его ценою крови приобретать каждый шаг...» Оборонительные позиции предполагалось оборудовать по линии рек Двина, Березина и Днепр. Особое внимание уделялось модернизации фортификационных сооружений Риги и Киева, возведению крепостей Динабург (современный Даугавпилс) и Бобруйск, строительству бесполезного, но любезного сердцу монарха Дрисского укрепленного лагеря, предмостных укреплений в районе Борисова. В свете принятой стратегии вопрос о Брест-Литовской крепости стал неактуальным.

В 1817 г. Александр I назначил генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона своего брата Николая Павловича. Великий князь, влюбленный в инженерное дело, вкладывал всю энергию в формирование русского инженерного корпуса. Он почти ежедневно посещал подведомственные учреждения, подолгу просиживал на лекциях офицерских и кондукторских классов учрежденного в ноябре 1819 г. Главного инженерного училища, изучая черчение, архитектуру, фортификацию и другие предметы. Его ближайшим помощником стал директор инженерного департамента генерал К.И. Опперман. Этот «тандем» приступил к решительному упорядочиванию сильно запущенного после петровских времен крепостного дела. Взойдя на престол в 1825 г., Николай I одним из приоритетных мероприятий в деле обороны страны объявил постройку

новых крепостей на западной границе, которые вместе со старыми укреплениями должны были образовать три линии. К первой оборонительной линии относились возводимые на реке Висла крепость Модлин, позднее переименованная в Новогеоргиевск, Варшавская Александровская цитадель и Ивангород; ко второй — Брест-Литовск; третью должны были составить перестроенные крепости Киев, Бобруйск и Динабург.

Относительно Бреста великий князь Константин Павлович писал: «Если Гродно на границе по Неману является воротами Российской империи, ключом страны, то таким же может стать Брест-Литовск на месте слияния Мухавца с Бугом. В способах осуществления поставленной цели между этими городами существует сходство, отличаются они лишь характером местности... В Брест-Литовске, как в Гродно, наименьшее количество оборонительных линий позволяет охватить большое пространство, сохранить большинство зданий, сделать таким образом, что внутри крепости можно разместить большое количество войск и обозов».

Идея укрепления Брест-Литовска приобретала конкретные формы. 23 декабря 1823 г. инженер-генерал Н.М. Малецкий представил собственный план, который предусматривал превращение центрального острова в главный опорный пункт путем возведения вокруг города оборонительных казарм и каменной стены. Планировалось также строительство фортификаций на северном и южном островах, предмостного укрепления за западном берегу Буга и укрепленного лагеря между ним и Тересполем. Гарнизон крепости должен был состоять из 10 900 солдат. Проект Н.М. Малецкого получил одобрение и дал толчок дальнейшим разработкам.

В 1827 г. Н.М. Малецкий представил великому князю Константину два новых проекта, которые были переданы на рассмотрение начальнику артиллерии и инженер-

ных войск Западного округа генералу Оку. В ходе совместных обсуждений в проект внесли ряд изменений: отказались от идеи строительства укрепленного лагеря на левом берегу Буга, запланировали возведение кирпичных фортов перед Кобринским предместьем, изменили конфигурацию укреплений на центральном острове. Однако, по мнению генерала Ока, и в исправленном виде проект Малецкого не в полной мере отвечал поставленным задачам и требовал доработки. В 1829 г. появилось еще два проекта создания Брест-Литовской крепости: один вновь предложил генерал Н.М. Малецкий, другой — генерал К.И. Опперман. Генерал Ок, давший им оценку, высказался в пользу второго проекта, который обладал несколькими преимуществами: был дешевле, обеспечивал эффективную оборону, удачно вписывался в рельеф, предусматривал возможность перестройки полевых укреплений в долговременные, позволял использовать кирпичные здания города в интересах крепости. До утверждения проекта генерал Ок предложил произвести подробное исследование местности. В связи с этим в Брест-Литовск был направлен полковник А.И. Фельдман, который произвел необходимые замеры, на основании которых Опперман внес в проект поправки и в октябре 1830 г. представил окончательный план царю.

Николай I, император России (1796—1855). Литография Е. Демезона

Предполагалось, что на строительстве в течение двух лет ежедневно будут задействованы 1000 саперов, 7000 солдат и 1000 лошадей. Для

руководства работами по возведению крепости Брест-Литовск были сформированы строительный комитет во главе с генералом Малецким и инженерная команда под началом капитана Вильмана. Однако вспыхнувшее в Польше восстание сорвало плановые работы, вынудив бросить все силы на сооружение полевых укреплений вокруг города и усиление Брестского замка.

После того как на престол взошел Николай I, внутренняя политика империи претерпела кардинальные изменения: от космополитизма и борьбы с «русским национализмом» правительство ударилось в противоположную крайность под лозунгом «Самодержавие. Православие. Народность». Новый монарх хотя и короновался польским королем, но «поляков и жидов» откровенно не любил. Началась планомерная русификация политической, общественной и культурной жизни западных губерний. Резко ограничивались права униатской церкви, которой «рекомендовалось» вернуться в лоно православия, упразднялись привилегии, дарованные предыдущими императорами. Осенью 1830 г. в Варшаве распространились слухи о том, что император планирует использовать польскую армию для подавления революции во Франции и Бельгии. 17 ноября началось восстание, которое распространилось по всей Польше. Сейм объявил о низложении династии Романовых и отделении от России, провозгласив главой правительства Адама Чарторыйского, а главнокомандующим с диктаторскими полномочиями генерала Хлопицкого, уступившего этот пост князю Михаилу Радзивиллу. Великий князь Константин Павлович под охраной гвардии оставил Варшаву и сам отпустил оставшиеся верными присяге превосходно обученные польские полки.

В короткий срок все Царство Польское было очищено от русских войск. Лишь в районе Белостока и Брест-Литовска оставался Литовский корпус генерала Розена. На

помощь ему были двинуты Гренадерский корпус князя Шаховского и I корпус графа Палена. Поспешные, неудачные действия принявшего общее командование фельдмаршала И.И. Дибича, который рассчитывал провести молниеносную кампанию и пренебрег обеспечением тылов, а также эпидемия холеры, косившая солдат тысячами, поразившая самого главнокомандующего и великого князя Константина, привели к тому, что в апреле 1831 г. восстание перекинулось на территорию Литвы, Волыни и западной Беларуси. Однако здесь оно не получило поддержки городского населения и крестьянства и широкого размаха не имело. Брест-Литовск был обложен повстанцами, но горожане к ним присоединиться отказались. Город деятельно готовился к обороне и успешно отбил один нерешительный приступ. К августу волнения были подавлены на всей территории Беларуси, а 26 сентября русская армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича после 36-часового штурма овладела Варшавой. В октябре Польша была окончательно усмирена. Результатом поражения восстания стали упразднение конституции, сейма, отдельной польской армии, введение российского территориально-административного деления. Граф Паскевич был назначен наместником в Царстве Польском и главнокомандующим прикрывавшей западное направление 1-й армии в составе I—IV «действующих» корпусов. Отдельный Литовский корпус был переименован в VI пехотный.

Эти события послужили дополнительным толчком к скорейшей реализации плана строительства Брест-Литовской крепости. С целью пересмотра и внесения поправок ее проект вновь попал в руки генерала К.И. Оппермана. Но уже в 1832 г. правительство потребовало, не дожидаясь утверждения детальных чертежей, приступить к заготовке необходимых материалов, для чего было от-

пущено 500 тысяч рублей. Общее руководство работами поручили командиру Западного инженерного округа генерал-майору И.И. Дену. Высший надзор за ходом строительства был возложен на фельдмаршала Ф.И. Паскевича.

Генерал-инженер И.И. Ден (1787—1859)

Как уже говорилось, проектов имелось несколько, но Николай I выбрал самый радикальный: крепость было решено возвести на территории старого города, снести все мешающие постройки и стены старого замка и переселить жителей. Исторический Брест с его 800-летней историей подлежал полному уничтожению. Скорее всего это решение было принято как минимум на год раньше — слишком вольготно обращался с «подведомственным городом» барон Розен. Из предписания командира корпуса гродненскому губернатору следует, что к сооружению «крепостных укреплений и зданий» на месте жилой застройки приступили еще в мае 1830 г. Тогда же были произведены обмеры каменных монастырей и костелов «для переоборудования зданий с целью помещения учреждений другого назначения». Согласно рапорту брестского городничего от 24 августа 1831 г., при подходе к Бугу мятежнических войск солдатами VI корпуса «сверх прежде сломанных при оборонительных укреплениях обывательских в г. Бресте домов 83 сломано таковых же по волынскому форштадту 8». В 1833 г. Николай I внес собственноручные изменения в проект Оппермана и окончательно утвердил его.

Польский автор сокрушался: «...царь Николай I готовил городу гибель. Ни одно неприятельское нашествие не уничтожило так основательно древний град с его прекрасными памятниками старины, как уничтожил его император России. Он дал приказ разрушить город и вместо него построить оборонную фортификацию. От какой опасности она должна была защищать русское государство? От порывов свободолюбивых литовцев и поляков?.. Стоило ли разрушать и уничтожать материальное достоинство и культурные достижения, добытые многими поколениями?»

Началось строительство четырех временных укреплений. Центральное укрепление, или Цитадель, возводилось на месте торгово-ремесленного центра города. Волынское, или Южное, укрепление сооружалось на месте древнего детинца, где находился Брестский замок, предназначенный к сносу. Кобринское, или Северное, укрепление строилось на месте Кобринского предместья, где находились усадьбы горожан. Наконец, Западное, или Тереспольское, укрепление должно было разместиться на левом берегу Западного Буга на территории местечка Тересполь, где также решено было выселить жителей и разрушить их дома.

В июне 1833 г. развернулись земляные работы, продолжавшиеся пять лет. Тысячи солдат и согнанных на строительство крестьян, а также участники восстания проделали огромную работу, вручную перекопав и перенеся сотни тысяч кубометров земли, насыпав валы и прорыв каналы. Уже в декабре 1833 г. в Брест-Литовск из Киева была переведена гарнизонная артиллерийская рота, а через полгода из Варшавы прибыл гарнизонный батальон. В ночь с 31 мая на 1 июня 1835 г., за четыре месяца до посещения города Николаем I, в Брест-Литовске весьма своевременно вспыхнул очередной пожар, уничтоживший более 300 строений и позволивший уско-

рить расчистку территории будущей крепости. Сильно пострадали и были разобраны монастырь августинцев, католический костел и Свято-Николаевская церковь, в которой была подписана Брестская уния, а также знаменитая на всю Европу синагога. Погорельцы получали денежную компенсацию, но отстраиваться на прежнем месте уже не имели права. Согласно Положению от 27 июня 1834 г. новый город было предписано ставить в 2 км «северо-восточнее гласиса крепости», на правом берегу Мухавца в Кобринском предместье.

До возведения крепости Брест имел 726 домов, один православный и шесть католических монастырей, синагогу, иезуитский коллегиум (одним из самых знаменитых его выпускников и преподавателей был воин-философ Казимир Лыщинский, сочинивший атеистический трактат «О несуществовании бога»), 12 приходских и монастырских церквей, магистратуру, гостиный двор, больницу, 160 торговых лавок.

Во время пожара и переноса на новое место город лишился всех архитектурных и культурных памятников, архивов и коллекций. Перестали действовать православный Симеоновский монастырь, доминиканский костел, униатские Троицкая, Михайловская, Преображенская церкви. Гродненский губернатор М.М. Муравьев прислал специальную комиссию, ее чиновники работали в архивах уездного суда, городского магистрата, монастырей. Наиболее ценные материалы направлялись лично Муравьеву, они не найдены до сих пор.

Хотя горожане при переселении получали определенное возмещение за убытки «по справедливой оценке», ссуды, пособия деньгами и лесом, процесс проходил непросто. В реляциях вышестоящему начальству комендант крепости генерал-лейтенант Ляхович писал о чрезвычайном положении, которое сложилось в связи с разрушением многих жилищ «по случаю возводимых укреплений» и

ставил вопрос о принятии мер «к отвращению могущих возникнуть от того волнений».

К 1836 г. земляные работы были в основном завершены, и крепость, оборонительная линия которой состояла из ряда бастионных фортов с равелинами, представляла собой уже довольно мощный опорный пункт.

23 апреля был окончательно утвержден план долговременной фортификации, и 1 июня 1836 г. в торжественной обстановке Главнокомандующий действующей армией фельдмаршал Паскевич, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, заложил первый камень будущей крепости, в основание которой замуровали бронзовую памятную доску и шкатулку с монетами. Между землями города и крепости были поставлены межевые знаки. В 1838—1839 гг. для участия в строительстве прибыли полки 9-й и 10-й пехотных дивизий и 9-й артиллерийской бригады.

Появилась возможность заработать на грандиозном строительстве. Так, в районе деревни Гершоны купцы Либерманы основали мануфактуру по производству кирпича. Работали здесь всего 50 человек, но производительность предприятия составляла 500—700 тысяч штук в год.

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич (1782—1856)

Н.И. Палибин на страницах «Русского Архива» рассказывал о том, как во время посещения Цитадели Николай I поднял кирпич и спросил у одного из свитских:

— Из чего сделан этот кирпич?

— Полагаю, из глины, Ваше Величество.

Межевой знак между землями города и крепости

— Нет, из чистого золота, по крайней мере я так за него платил.

Принимая в соображение, что рабочая сила практически ничего не стоила, основные суммы пошли подрядчикам и их покровителям. Закрылась мануфактура через шесть лет, сразу по окончании строительства.

26 апреля 1842 г. над крепостью 1-го класса Брест-Литовск был торжественно поднят флаг. В момент открытия она была одним из самых совершенных укреплений России, которое соответствовало своему предназначению и всем требованиям обороны. О важности крепости свидетельствует то, что Николай за время своего царствования посещал ее семь раз. В то время крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника. Неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своем тылу, не решался пройти мимо крепости, вынужден был предпринимать долгую осаду или блокировать цитадель, выделив для этого значитель-

ную часть своих войск. Случалось, что война сводилась к борьбе за овладение крепостью. Ф. Энгельс отмечал: «Русские, особенно после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин, Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая по сочетанию своих стратегических возможностей является единственной в мире».

Эта «система» должна была выполнять роль важнейшего оборонительного рубежа в случае вражеского вторжения, а также имперского форпоста, контролирующего присоединенные территории. Выступая перед жителями Варшавы, Николай I, указывая на Александровскую цитадель, заявил: «Вам предстоит, господа, выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимой Польше, или жить спокойно под моим правлением. Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По велению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, разрушу Варшаву и уж не я отстрою ее снова».

Стоит добавить, что 12 февраля 1839 г. в Полоцке был составлен акт о присоединении униатской церкви к православной, а в 1840 г. на территории Беларуси было отменено действие статутов Великого княжества Литовского, особым указом запрещено слово «Беларусь».

Брест-Литовская крепость была возведена на четырех островах, образованных рукавами рек Мухавец и Западный Буг, а также системой искусственных обводных каналов. Общая длина оборонительной линии достигала 6,4 км и состояла из ряда бастионных фортов и равелинов.

Цитадель — главное укрепление — представляла собой оборонительную систему, основу которой составляла рас-

Наружная стена кольцевой казармы (рондо)

положенная по периметру центрального острова замкнутая двухэтажная казарма высотой 16 м и протяженностью 1,8 км, возведенная по проекту А.Е. Штауберта. Наружные стены казармы из прочного красного кирпича имели толщину около 2 м. В ее 500 казематах могли разместиться 12 тысяч солдат с необходимым для боевых действий снаряжением и запасом продовольствия. Ниши стен с бойницами и амбразурами были приспособлены для стрельбы из ружей и пушек. На внешней стороне полукругом выдавались вперед четыре полубашни, предназначенные для флангового обстрела атакующего противника. Во внутренний двор укрепления можно было попасть только через четверо ворот, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга.

Для нужд гарнизона перестроили уцелевшие после пожара церкви, монастыри и костелы. В здании коллегии иезуитов разместились канцелярия коменданта крепости и инженерное управление. Костел августинцев не-

которое время служил царской резиденцией, а в 1856 г. на его месте началось строительство гарнизонной церкви по проекту архитектора Д.И. Гримма. Здание монастыря базилиан было приспособлено под артиллерийские казармы. Униатскую церковь Петра и Павла, известную как Белый дворец, переделали под офицерское собрание. Последний жилой дом снесли в 1838 г. Еще через десять лет разрушили костел доминиканцев. В западной части острова в 1851 г. возвели здание арсенала длиной 136 м и шириной 22 м. Шестнадцать казематов нижнего яруса арсенала предназначались для хранения передков и зарядных ящиков, верхний ярус — для стрелкового и холодного оружия.

Цитадель с трех сторон прикрывали предмостные укрепления.

Кобринское укрепление состояло из четырех бастионных фортов и трех равелинов. (Бастион представлял собой пятиугольное сооружение, воздвигнутое в углах крепостной ограды, для обстрела местности и фланкирования крепостных стен и рвов перед ними. Передние стены бастиона называются фасадами, боковые — фланками, тыльная внутренняя сторона — горжей. Два смежных бастиона и соединяющий их участок ограды (куртина) образуют бастионный фронт. Равелин — вспомогательное фортификационное сооружение обычно треугольной формы, располагавшееся перед крепостным рвом между бастионами (перед куртиной). Служил для прикрытия крепостных стен от артиллерийского огня и атак противника, обстрела ближних подступов, а также для сосредоточения войск гарнизона перед вылазками. В трех бастионах находились небольшие казематированные редюиты — внутренние укрепления, последний оплот оборонявшихся.)

Помещения бывшего монастыря бригиток в западной части укрепления использовались вначале как пересыль-

ная тюрьма, затем здесь разместилась арестантская рота, а с 1851 г. — и следственная тюрьма. Монастырь тринитариев, расположенный позади бастиона III, стал называться Тринитарской казармой. С центральным островом Кобринское укрепление соединялось мостами через Мухавец с Кобринскими и Бригитскими воротами.

Волынское укрепление состояло из двух бастионных фортов и полубастиона с двумя равелинами. С центральным островом укрепление соединялось Волынскими (ныне Холмскими) воротами и подъемным мостом через Мухавец. Ворота с внешней стороны имели вид небольшого замка в псевдорусском стиле с башенками и зубчатой стеной.

Находившиеся на Южном острове монастыри и костелы бернардинцев и бернардинок были переоборудованы в казарменные помещения по проекту архитектора Мордвинова. В комплексе разместился Брестский кадетский корпус. Инициатива его создания принадлежала виленскому генерал-губернатору Ф.Я. Мирковичу, убежденному, что после восстания 1830—1831 гг. правительство обязано взять дело воспитания в свои руки. Мирко-

Кобринскис (Трехарочныс) ворота

Волынские (Холмские) ворота

вич сумел убедить Николая I, посетившего Брест в августе 1840 г. для ознакомления с ходом строительства крепости, в том, что гражданские учреждения в Беларуси не принесут пользы. Он настаивал на создании закрытого учебного заведения, от которого «только должно ожидать образования нового поколения людей». Правда, Миркович хотел открыть заведение в Вильно и уже организовал сбор денег на строительство. Но император на все резоны губернатора заявил: «На твои деньги я возведу оборонительную казарму и в ней устрою корпус... надеюсь, что до 1 мая 1841 года у меня здесь будет сотня кадетиков».

Корпус был учрежден указом императора от 16 апреля 1841 г. Однако еще почти год ушел на создание учебной базы, формирование штатов, отбор воспитанников. Официальное открытие состоялось 30 августа 1842 г. На церемонии присутствовали Миркович, заместитель начальника военно-учебных заведений Ростовцев, архи-

епископ Литовский и Виленский Семашко. В честь бракосочетания наследника престола по предложению местной шляхты корпус стал именоваться Александровским.

Начальником корпуса был назначен генерал-майор А.П. Гельмерсен. Его имя десятилетия пребывало в забвении, и сегодня очень мало известно фактов из его богатой событиями биографии. Но стоит только захотеть, и проявляется история целого дворянского рода, служившего Отечеству в самых различных областях. В этом роду были рыцари и депутаты, ученые и артисты, генералы и дипломаты.

Его отец, Петер Бернхардт, служил директором Санкт-Петербургского Императорского театра. Младший брат Григорий стал выдающимся российским ученым, академиком, директором Горного института, составителем первой геологической карты европейской части России.

Александр Петрович родился 13 марта 1797 г. в городе Дукерсхоф Эстлядской губернии. В 1811 г. он попал в первый набор учеников Царскосельского лицея наряду с А.С. Пушкиным, В.Е. Кюхельбеккером, А.А. Дельвигом. Однако в лицее юноша провел только один учебный год. Накануне Отечественной войны родители забрали Александра из лицея и приписали в Семеновский полк. С этого времени началась военная карьера. Пятнадцатилетний поручик конной артиллерии Гельмерсен геройски сражался на Бородинском поле; в 1813—1814 гг. участвовал в Заграничном походе русской армии. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. русская гвардия осаждала крепость Варну и приняла ее капитуляцию. В 1830—1831 гг. Александр Петрович отличился при усмирении польского восстания, участвовал в штурме Варшавы, был награжден орденом Святого Владимира с бантом и орденом Святого Станислава III степени.

Осенью 1831 г. полковник лейб-гвардии Семеновского полка А.П. Гельмерсен был направлен на «педагоги-

ческую работу» в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Задачей данного учебного заведения являлась подготовка офицеров гвардейских полков из молодых людей, получивших гражданское образование. Директором школы был генерал-майор барон Шлиппенбах, кавалерийским эскадроном командовал полковник Стунеев, а пехотную роту возглавлял полковник Гельмерсен. В 1832—1834 гг. в Школе учился М.Ю. Лермонтов, выпущенный поручиком лейб-гвардии Гусарского полка.

Еще в 1832 г. Гельмерсен женился на Антуанетте Юлии Хелене Россилион. В 1836 году у них родилась дочь София, а в 1838-м сын Петер Людвиг. В Брест-Литовске в 1843 г. родился младший сын Александр Людвиг.

За десять лет деятельности на посту начальника Александровского кадетского корпуса А.П. Гельмерсен проявил себя как талантливый педагог, великолепный организатор и, как вспоминают искренне уважавшие его воспитанники, «один из добрейших и милых людей».

Умер Александр Петрович 12 мая 1852 г. и был похоронен на кладбище деревни Тришино рядом с другими офицерами брестского гарнизона. На могиле генерала установлен уникальный памятник чугунного литья, изготовленный на средства, собранные сослуживцами. Крупный денежный вклад внес лично цесаревич Александр, который являлся не только Шефом кадетского корпуса, но и сам проходил военную службу в Семеновском полку. Примечательна надпись на надгробной доске: «Любимому и уважаемому начальнику от благодарных подчиненных».

После смерти Гельмерсена корпус поочередно возглавляли генерал-майор Мейнандер и генерал-майор В.И. Назимов. Учебной частью руководил В.Б. Чистяков, один из лучших педагогов своего времени.

В корпус принимали дворянских детей в возрасте от 10 до 18 лет из Виленской, Гродненской, Минской гу-

Памятник на могиле генерал-майора А.П. Гельмерсена

берний, а если были свободные места, — из Белостокской области и Царства Польского. Вначале здесь обучались 88 воспитанников. Позднее ежегодный набор составлял 122 человека, срок обучения был установлен в семь лет. Кадетов сводили в четыре роты — две мушкетерские, гренадерскую и неранжированную. Особую роту составляли «служители» — унтер-офицеры, фельдфебели, каптенармусы и солдаты. Они исполняли при кадетах обязанности ординарцев, кухарок и прачек. На содержание корпуса шляхта выплачивала специальный налог — 6 копеек с крестьянской души.

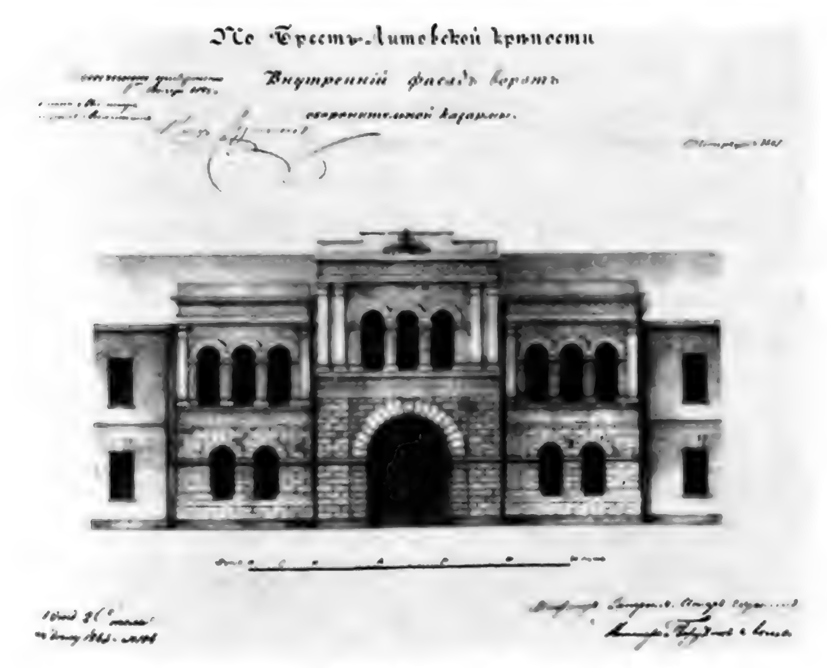
Учебное заведение было призвано обучать дворянских детей наукам и военному делу. Кроме того, оно играло большую роль в деле русификации полонизированной местной шляхты. Обучение проводилось в духе верности самодержавию на русском языке. Целью его было воспитать «верных слуг Государю и сторонников России». Преподаватели и деканы обязаны были оберегать кадетов от заразы вольнодумства. Согласно высочайше утвержденному «Секретному наставлению» от 24 октября 1849 г. необходимо было «обращать особое внимание на бдительное преподавание тех предметов, изложение которых по предосудительному духу настоящего времени может подавать неблагонамеренности больше случаев ко внушению молодым людям неправильных и превратных понятий о предметах политических... Господствующие в западной Европе идеи требуют особенного в этом отношении предостережения, по существу своему не подлежат гласности». Весьма опасными для молодежи считались такие предметы, как право, история, политэкономия и финансы. Много времени уделялось изучению языков: классических, русского, немецкого, французского.

Одно из главных мест занимали физическая и военная подготовка. Каждое лето кадетов выводили в лагеря,

которые располагались в районе мызы Катенбург. Воспитанником корпуса был один из будущих руководителей польского восстания, видный деятель Парижской коммуны Ярослав Домбровский.

Тереспольское укрепление на левом берегу Буга состояло из четырех земляных люнетов, соединенных куртиной. Люнеты представляли собой открытые с тыла сооружения из двух фронтальных и двух боковых валов. Два средних люнета имели горжу, сомкнутую оборонительной стенкой, к которой примыкал казематированный редюит. В 1847 г. позади линии люнетов было воздвигнуто Мостовое прикрытие из двух бастионов.

Тереспольские ворота и Канатный мост (на старых планах он называется Пооволочным), самый большой в то время в России, соединяли укрепление с Цитаделью.



Чертеж внутреннего фасада ворот оборонительной казармы

Над въездным проемом ворот возвышались четыре яруса узких окон-бойниц, над которыми позднее была надстроена пятиярусная башня с дозорной площадкой.

По внешней линии крепости проходил земляной вал высотой до 10 метров с расположенными внутри сводчатыми казематами из кирпича, за ним — ров, заполненный водой, с перекинутыми через него мостами. Обращенное на запад Тереспольское укрепление прикрывалось тремя рвами — по линии IX и X бастионов Мостового прикрытия, по линии люнетов, и Передовым рвом. Звездообразный ломаный в плане контур внешних укреплений позволял отражать неприятеля с любого направления, реализуя принципы так называемой тенальной фортификации.

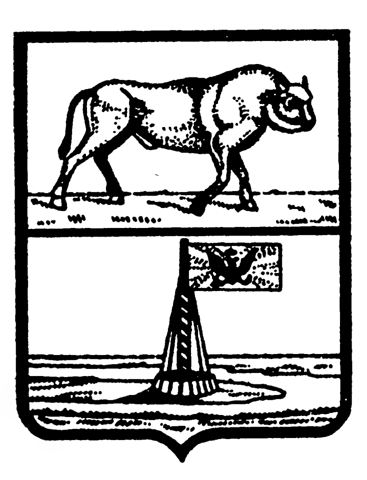
С прилегающей к крепости территорией предмостные укрепления соединялись мостами с каменными Александровскими (ныне Северными), Михайловскими (Восточ-

Южные ворота.

ными), Николаевскими (Южными) воротами, встроенными в земляные валы, и Варшавским проездом. Мощные сводчатые проходы ворот закрывались массивными створками, в стенах с обеих сторон были устроены узкие вертикальные бойницы. Общая площадь фортификационных сооружений составляла 4 квадратных километра.

Сооружение крепости нашло отражение в гербе Брест-Литовска, который был утвержден в 1845 г.: на мысе при слиянии двух рек — круг из серебряных щитов, над ним возвышается крепостной штандарт, в верхней части герба — зубр.

Новый Брест возник на месте бывшего Кобринского предместья и занимал территорию, которая была больше, чем старое «место», в пять раз. Сюда из крепости были переведены почтовая контора, еврейская школа, уездный суд, магистрат, казначейство. В здании администрации разместились уездные власти, пожарная часть, тюрьма и охранная команда. С самого начала и до 1850-х гг. все общественные здания возводились по проекту, либо под непосредственным руководством городского архитектора Роговского, назначенного на этот пост с должности уездного землемера Волковыска. В 1837 г. на строительство зданий в городе правительство выделило 437 тысяч рублей.

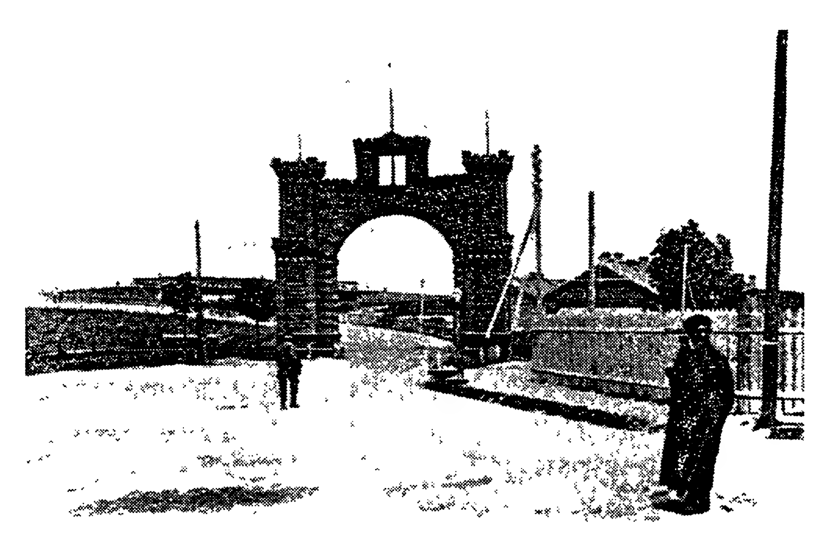

Брестский уездный герб, 1845 г.

Брест-Литовск получил плановую застройку и широкие улицы, магазины, торговую площадь, новую церковь и костел. Однако естественному развитию города долгое время препятствовал сам факт существования крепости. Каменные здания разрешалось строить

в порядке исключения. Высота их ограничивалась двумя этажами, дабы они не закрывали обзор и сектора стрельбы гарнизону, не служили ориентирами для противника. Позднее по тем же причинам запрещалось ставить высокие фабричные трубы. Даже сорок лет спустя на самых «крупных» брестских предприятиях трудилось не более 10—12 рабочих.

В городе безраздельно властвовали военные, регламентируя все аспекты городской жизни на основании высочайше утвержденного с «чрезвычайной заботливостью об интересах жителей» Положения 1834 г. В дореволюционном справочнике отмечено: «Положение о застройке города приостановило, вернее, вытеснило здесь все прочие законы, в том числе и Городовое Положение, для применения которого, в сущности, тогда не было почвы... Пока город не отстроился и не окреп на новом месте, не встречалось надобности в применении каких-либо гражданских законов». Любое строение в городе и его окрестностях могло быть возведено только с разрешения инженеров. Точно так же оно могло быть снесено по их приказу. Например, на прошение мещанина Казимира Харкевича о постройке в Бресте лесопильного завода Гродненское губернское управление наложило следующую резолюцию: «...принимая во внимание, что на возведение завода не встречается препятствия и со стороны Брест-Литовского Крепостного Инженерного Управления... и Харкевич обязался подпискою снести этот завод по требованию военного ведомства, поэтому лесопильный завод, как временный, разрешить, с тем только, чтобы на поставку при этом заводе парового котла было испрошено особое разрешение...»

Не менее рьяно генералы контролировали культурную и духовную жизнь, поскольку имели на то секретные инструкции и разъяснения, в которых указывалось: «Строго наблюдать за неприкосновенностью начала,



Въезд в город Брест-Литовск.

служащего основою нашего Государственного быта. Оно состоит в том, что Россия, как по местному своему положению, нравам народным и потребностям всех сословий, так и по вековым историческим событиям, упрочившим ее благоденствие, не может и не должна иметь иного образа правления, кроме Монархического самодержавного, в котором Государь как Покровитель Церкви и Отец Отечества есть не только средоточие, но и соединение всех властей в Государстве.... Ни под каким видом не может быть допускаемо не только порицание нашего образа правления, но даже изъявления сомнений в пользе и необходимости самодержавия в России». В гродненском архиве сохранился запрос коменданта Пяткина к губернатору: дозволять ли заезжим труппам играть пьесы на польском языке, ежели оный Пяткин сам польского языка не знает?

Да и сами жилые районы именовались «форштадтами», т.е. передовыми укреплениями. Самым крупным зданием в городе долгое время были торговые ряды, построенные по проекту генерала Дена, который был утвер-

жден лично «Главным Инженером империи». Брест-Литовск был преимущественно деревянным, одноэтажным и выглядел собранным на скорую руку, без следов исторического прошлого, без архитектуры, без памяти и, как указывал географический словарь той эпохи, без всякого «умственного развития». Посетивший его в середине XIX в. подполковник Генерального штаба П. Бобровский отмечал, что фасады домов в городе построены по одному проекту, покрашены в желтый цвет и впечатление производят мрачное. По данным на 1857 г., здесь проживало 18,8 тысячи человек, в том числе 12,7 тысячи евреев и 6 тысяч военнослужащих. Лишь в 1875 г. в Брест-Литовске, превратившемся в типичное еврейское местечко, стало действовать Городовое Положение 1870 года.

В первые двадцать лет существования крепости здесь не было постоянного гарнизона. Она служила базой для размещения пехотных корпусов действующей армии. Количество военнослужащих в Бресте и крепости в тот период составляло 5—6 тысяч человек. Кавалерия, как правило, квартировалась в деревнях. На вооружении крепостной артиллерии состояли гладкоствольные 24- и 36-фунтовые пушки, полупудовые единороги, мортиры, стрелявше ядрами, чугунными бомбами и картечью на дальность до 3500 метров.

Любая крепость — это не только укрепленный пункт с долговременными оборонительными сооружениями, но и место содержания заключенных. Брест-Литовская крепость не была исключением. Здесь, как и в других «укрепленных местах» Российской империи, размещались арестантские роты для провинившихся солдат, учрежденные указом от 21 февраля 1834 г. и проходившие по военно-инженерному ведомству. Заключенных содержали в Бригитской казарме, использовали на строительных и хозяйственных работах, жалование не платили,

бессрочных арестантов заковывали в кандалы, за малейшие провинности секли шпицрутенами. В свободное от работы время с заключенными занимались шагистикой. Начальствовали над ними крепостные коменданты, а управляли плац-майоры, служившие на правах батальонных командиров.

Впрочем, в николаевские времена вся русская армия превратилась в огромную «арестантскую роту», которую нещадно пороли и без конца муштровали. Александр I Благословенный, а вслед за ним и Николай, с увлечением насаждали в войсках «гатчинский дух» и устав. В штрафники, причем в бессрочные, можно было попасть за недостаточно развернутый носок, розги в полках расходовались возами. За явное ослушание нижних чинов могли приговорить к шестикратному «прогнанию» через тысячу человек, что заканчивалось смертью дисциплинарно наказуемого. Историограф лейб-гвардии Московского полка полковник Н.С. Пестриков описал методику воинского воспитания образца 1839 г.: «Командир полка сам обходил всех и за каждую ошибку и неправильность бил без всякого милосердия. Тогда ведь если били, так били, не то что теперь. Солдату спускали штаны и приказывали бить по голому телу тесаком. Если бьющий ударял не сильно, то его, в свою очередь, бил сзади следующий, и так часто образовывались целые шеренги бьющих один другого».

Двадцатилетняя «срочная» служба была суровой и изнурительной, а бытовое и санитарное обеспечение войск совершенно дикое. Более чем миллионные вооруженные силы почти не имели казарм и лазаретов. Заболеваемость и смертность втрое превосходила аналогичные показатели среди гражданского населения. Так, во время подавления польского восстания лейб-гвардии Московский полк потерял убитыми и ранеными 10 человек, а от болезней умерли 142 человека. В одном из

отчетов за 1835 г. указывалось, что из 231 099 человек 173 892 оказались больны, причем 11 023, т.е. каждый двадцатый, умерли. С 1841 по 1850 г. среднегодовая заболеваемость в войсках достигала 70 процентов штатного состава, смертность — 4 процента: «Новобранец, поступавший на 20 лет, имел таким образом 80 шансов из 100 умереть на службе, даже без войны». В результате огромные размеры приняло дезертирство, в офицерской среде начался массовый уход со службы. Нередким явлением стало самоубийство, вещь ранее неслыханная «в благочестивой русской армии».

Боевых командиров, помнивших эпоху наполеоновских войн, сменили плац-парадные «танцмейстеры». А.А. Керсновский писал: «Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным на долгие годы. Все начальники занялись лишь фрунтовой муштрой. Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штиблетных пуговичек, ремешков, а главное — знаменитого тихого учебного шага «в три темпа...» Замысловатые построения и перестроения сменялись еще более замысловатыми. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял — требовались «плывущие стены»!.. На стрельбу по-прежнему отводилось 6 патронов в год на человека. В иных полках не расстреливали и этих злополучных шести патронов из похвальной экономии пороха. Смысл армии видели не в войне, а в парадах, и на ружье смотрели не как на орудие стрельбы и укола, а прежде всего как на инструмент для охватывания приемов...

Боевая подготовка войск на маневрах сводилась к картинному наступлению длинными развернутыми линиями в несколько батальонов, шедших в ногу, причем все заботы командиров — от взводного до корпусного —

сводились к одному, самому главному: соблюдению равнения... Так создавалась на плацах какая-то особенная «мирно-военная» тактика, ничего общего не имевшая с действительными боевыми требованиями. Система эта совершенно убивала в войсках, особенно в командирах, всякое чувство реальности. Все было построено на фикции, начиная с «показных атак» дивизионного и корпусного учения и кончая «показом» заряжания и «показом» выстрела одиночного обучения...

Настоящий воинский дух, бессмертные российские военные традиции в полном блеске сохранили только кавказские полки. Остальная же армия мало-помалу разучилась воевать...»

Такой же порядок Николаю мечталось видеть в Европе.

Когда в феврале 1848 г. вспыхнула революция во Франции, царь составил манифест, в котором говорилось: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие сообщились сопредельной Германии, и разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, раздражительный поток сей прикоснулся наконец союзных нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России». В связи с революционным взрывом, потрясшим Европу, Брест-Литовская крепость впервые была приведена в боевую готовность. В марте 1849 г. по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа русские войска под командованием николаевского «отца-командира» И.Ф. Паскевича отправились на подавление венгерского восстания — спасать династию Габсбургов.

Брестский пехотный полк в 1844—1846 гг. в составе 13-й пехотной дивизии был «откомандирован» в Дагестан ловить мюридов Шамиля, в 1849 г. усмирял Трансильванию, затем снова оказался на Кавказе, где сражал-

ся с турками во время Крымской войны 1853—1856 гг. и заслужил Георгиевское знамя.

В эту войну благодаря своей бездарной дипломатии, Россия оказалась в условиях внешнеполитической изоляции. Совершенно неожиданно для царя изменили свою ориентацию «союзные Империя Австрийская и Королевство Прусское», недвусмысленно угрожавшие русским границам. Боевые действия велись на Дунае, Кавказе, в Крыму, под Архангельском и Петропавловском. Отдельные 100-тысячные армии приходилось держать на Балтийском побережье и в Царстве Польском. Летом 1854 г. Брест-Литовская крепость была переведена на военное положение. В связи с возможностью нападения Австрии Николай I лично разработал план военной кампании по прикрытию «центра государства». Врага намечалось встретить на реках Вепрж и Висла и, опираясь на крепости первой линии, дать ему генеральное сражение. В случае неудачного исхода русские войска должны были левым крылом отойти к Брест-Литовску, где император собирался разместить свою Ставку, пополниться людьми и снаряжением и занять оборону по линии реки Буг, угрожая флангу и тылам австрийцев в случае попытки развивать наступление на Варшаву.

«Здесь можем выждать безопасно, на что решится неприятель, — писал Николай графу Паскевичу. — Не могу думать, чтоб он отважился перейти Буг, чтоб нас атаковать под стенами крепости, ибо столь дерзкое предприятие могло бы дорого ему стоить, и неудача — повлечь изгнание его из царства, с опасностью иметь нас на фланге и быть прижату к Висле ранее, чем достигнет своей границы... Из сего, кажется мне, ясно вывесть можно, что во всяком случае Брест для нас единственный и важнейший пункт сбора. Отсюда мы можем со всем удобством действовать, как укажут обстоятельства. Прямой путь вовнутрь России нам остается сво-

бодным, и потому все, что оттуда мы получать должны: продовольствие, снаряды и даже резервы, могут достигать до армии вполне свободно».

Знак Александровского кадетского корпуса.

В связи с назревавшими событиями и «недостатком помещения для гарнизона» 4—7 июля 1854 г. в Москву был переведен Александровский кадетский корпус с более 400 его воспитанниками. Имущество вывозилось обозом, кадетов отправляли в Первопрестольную поротно на вольнонаемных извозчиках. Наиболее состоятельные родители в колясках и с запасами продуктов сопровождали своих чад до места назначения. Поход занял двадцать дней. Обратно в Брест кадеты не вернулись. В Москве корпус занял казармы 2-го Карабинерского полка. В 1859 г. было принято решение о переводе корпуса в Вильно, в 1863 г. в связи с реорганизацией учебных заведений Александровский кадетский корпус был закрыт.

А в помещениях на Волынском укреплении разместили войсковой госпиталь, каменные флигели приспособили под квартиры для господ офицеров.

Крепость была дополнительно укреплена блокгаузами и рвами, на обратных скатах валов устроили палисады. В сентябре из Петербурга в Гродно и Белосток двинулись гвардейские полки.

Конфронтация с Австрией продолжения не получила. После падения Севастополя, поражения в Крыму и скоропостижной смерти императора Николая I в феврале 1856 г. война для России была проиграна. Причинами стали дипломатические просчеты, которые привели к

потере союзников, а также излишняя самонадеянность, экономическая отсталость крепостнической системы, слабая военная и техническая оснащенность войск, отсутствие необходимых дорог и коммуникаций.

А.А. Керсновский так отозвался о Крымской кампании: «Сбивчивые приказы и путаные контрмарши... Застывший под ядрами строй, смыкающий ряды и подравнивающий носки в ожидании приказа, который будет отдан лишь тогда, когда окажется невыполнимым... Батальонный огонь, не причиняющий особого вреда противнику; колонны, атакующие в ногу, с соблюдением равнения на середину, с потерей половины состава — и без всякого результата... Эти войска учились воевать — и платили за уроки кровавой ценой, хоть и брали за то полную дань восхищения с врага. Эти войска отстаивали свои «ложементы» до последней капли крови, но были бессильны вырвать победу из рук врага. Они умели (и как умели!) умирать, но не умели побеждать, не имели «сноровки к победе».

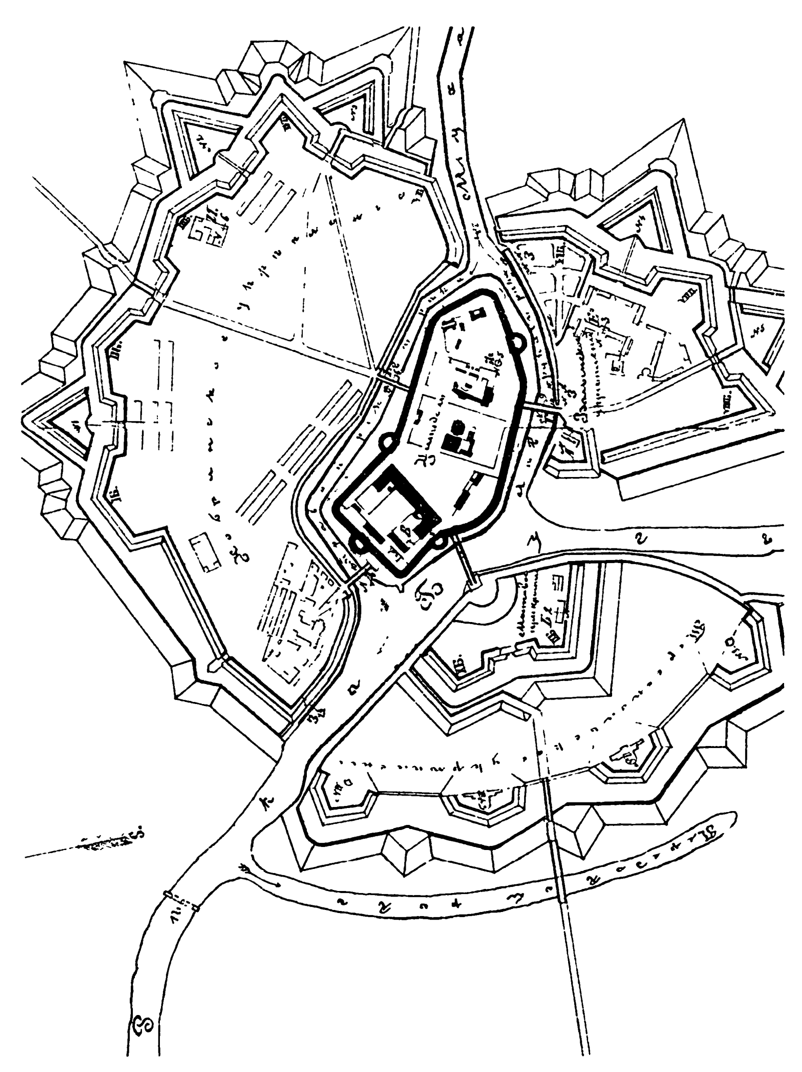
Едва был подписан мир, новый император, Александр II, приступил к военным преобразованиям. Первым делом было решено сократить непомерно разросшиеся вооруженные силы, увеличив одновременно их боеспособность. В течение шести лет в России не производили рекрутских наборов, срок службы был уменьшен до 15, а затем до 12 лет, распущено ставшее архаикой ополчение, упразднены ряд местных воинских команд, кантонисты и пахотные солдаты — последние остатки аракчеевских военных поселений. В результате к 1862 г. армия сократилась в три раза и составила 800 тысяч человек.

Работы по дальнейшему совершенствованию Брест-Литовской крепости были приостановлены. Отсутствие денежных средств, тяжелые условия Парижского мирного договора, кризис феодальной системы привели к тому, что крепостное строительство в стране было заброшено на 15 лет.

1861 г. стал годом освобождения крестьян от рабства. Но поскольку, согласно опубликованным 19 февраля Положениям, освобождались они без земли, весна в Российской империи ознаменовалась бунтами и волнениями. Народная молва утверждала, что дворяне настоящую «золотую грамоту» о воле утаили, а пустили подложную — «без царской печати и земли». Для поддержания порядка гражданские власти повсеместно прибегали к помощи армии. Так, 28 марта канцелярия гродненского губернатора обращалась к коменданту Брест-Литовска генерал-лейтенанту Бартоломею с просьбой «о вооруженном содействии в связи с переменами в устройстве крестьянского быта». 5 мая земский исправник Порадовский ходатайствовал о том, чтобы оставить в Каменце две роты 12-го Великолукского пехотного полка «для приведения крестьян в надлежащее повиновение».

В вооруженных силах между тем наступил период так называемых милютинских реформ. В 1862 г. было начато постепенное расформирование штаба Действующей армии и корпусов и переход к системе военных округов. Осенью образовались Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский округа. Высшим воинским соединением мирного времени стала дивизия. В каждом округе размещалось 7—10 дивизий пехоты и 2—4 дивизии кавалерии. Одновременно было принято решение о формировании специальных крепостных войск — восьми полков крепостной пехоты. Крепостная артиллерия была сведена в 5 батальонов и 19 отдельных рот. Брест-Литовская крепость вошла в состав Варшавского военного округа.

Из-за польского восстания военно-административная реформа была временно приостановлена. Формальной причиной для восстания послужил объявленный в октябре 1862 г. рекрутский набор, первый за семь лет. Сам по себе этот набор в 10 тысяч человек был не в тягость для



Генеральный план Брест-Литовской крепости, 1861 г.

края, но его должны были произвести исключительно среди городского населения. Поскольку бездарная, точнее, никакая национальная политика все более убеждала поляков в слабости центральной власти, состоявшийся в декабре съезд «Ржонда Народового» открыто объявил, что он набора не допустит. 10 января 1863 г. повсеместно

вспыхнуло восстание, ставившее целью возрождение Речи Посполитой. В одну ночь были произведены нападения на русские гарнизоны в различных городах. Многие вооруженные отряды возглавили офицеры русской службы Лангевич, Левандовский, Сераковский. Специальные группы «палачей-вешателей» и «кинжальщиков» раскручивали маховик «низового террора» — убивали русских чиновников, солдат, просто «москалей». Мятеж в Польше, перекинувшийся в Белоруссию и Литву, вызвал резкий конфликт России с государствами Европы, посчитавшими своим правом вмешаться с предложениями официального посредничества между Империей и Польшей.

Сложная международная обстановка и угроза интервенции вынудили Россию сосредоточить усилия на модернизации приморских крепостей, в первую очередь Кронштадта и Керчи. Русская армия была переведена на военное положение.

В Брестском уезде обстановка оставалось спокойной благодаря наличию крупных военных сил. Кроме того, в предыдущие годы шляхетство здесь было изрядно прорежено и составляло самый низкий процент в сравнении с другими уездами губернии (всего около 800 дворян). Хотя в декабре 1863 г. в городе все же появлялись распространяемые мятежниками «возмутительные листки», а в его окрестностях действовал повстанческий отряд под руководством Яна Ваньковича.

Энергичными крутыми мерами, предпринятыми виленским и варшавским губернаторами М.Н. Муравьевым и Ф.Ф. Бергом, которые сменили слывших либералами благодушных администраторов В.И. Назимова и великого князя Константина Николаевича, восстание было подавлено летом 1864 г.

«Тысячи убитых в сражениях, множество расстрелянных и повешенных, тысячи сосланных в каторгу в Си-

бирь, сожжение и опустошение многих селищ, выселение целых деревень, лишение жителей дворянского сословия, права приобретения ими имений, права государственной службы, ограничение числа воспитывающихся в высших учебных заведениях, приостановление введения благодетельных реформ, коими пользуются внутренние губернии... — вот грустные последствия увлечений и легкомысленной веры в заграничные подстрекательства» — отмечал русофил А.И. Киркор. (Среди сорока тысяч арестантов, бредущих по этапу в Сибирь, находился бывший капитан инженерной команды Брест-Литовской крепости Юзеф Калиновски. Он родился в 1835 г. в Вильно в семье профессора математики. В девять лет был отдан в местный Дворянский институт, где преподавал его отец, затем поступил в Сельскохозяйственную академию в Горках (ныне Могилевской области). С 1853 по 1857 г. Юзеф учился в Николаевской военно-инженерной школе в Санкт-Петербурге, из которой вышел поручиком русской армии. На протяжении последующих трех лет инженер Калиновски контролировал прокладку железнодорожной линии Курск—Киев—Одесса, а в ноябре 1860 г. получил назначение в Брест-Литовск. Когда началось польское восстание, капитан оказался в трудном положении. Он знал, что восстание обречено на неудачу, в принципе не одобрял кровопролития, полагая, что дело возрождения отчизны требует «не крови, но пота». Однако, горячо сочувствуя патриотам Польши, он не мог выступить против них с оружием в руках, как того требовала присяга. В начале мая 1863 г. Калиновски подал в отставку по состоянию здоровья, а вскоре присоединился к повстанцам и принял пост начальника Военного отдела в Исполнительном комитете Литвы. Его арестовали в марте 1864 г. и приговорили к смертной казни, которую заменили десятью годами каторги «во

глубине сибирских руд». Это было время глубокой религиозной перемены в нем.

Отбыв каторгу и ссылку, не имея возможности жить на родине, Юзеф Калиновски выехал в Париж, затем в Австрию, где в 1877 г. вступил в Братство кармелитов, приняв монашеское имя Рафал. Пять лет спустя он был рукоположен в сан священника и избран приором монастыря кармелитов в местечке Черная близ Кракова: «На прочном фундаменте молитвы и самоотречения, он воспринял апостольскую миссию, направленную на духовное освобождение своих угнетенных сограждан, в то время как они боролись за политическое и религиозное освобождение. Он оказал сильное влияние на возрождение польских кармелитов. Особое значение он придавал таинству покаяния, фактически, он провел так много времени, выслушивая исповеди, что в итоге был назван «мучеником исповедальни». Он умер в Вадовицах 15 ноября 1907 г.

В ноябре 1991 г. папа Иоанн Павел II канонизировал отца Рафала Юзефа Калиновского — «воплощение польского патриотизма и католицизма». Так в историческом списке брестского гарнизона наряду с генералами, писателями и героями войн появился свой святой — покровитель военных).

Царство Польское было переименовано в Привислинский край, последние остатки местной автономии упразднены, польский элемент выведен из администрации.

В Брест-Литовской крепости в качестве постоянного гарнизона появился крепостной пехотный полк, для размещения отдельных его подразделений пришлось приспособить здание арсенала. На своем месте в бывшем монастыре бригиток осталась арестантская, теперь уже военно-исправительная рота. В апреле 1863 г. специальным императорским указом в армии отменили «прогна-

ние» через строй и шпицрутены. Однако штрафники могли быть подвергнуты телесным наказаниям «в объеме» не более 50 розог.

Во время подавления январского восстания в крепости содержались «бунтовщики», например комиссар Подляшского отряда Роман Рогински. Здесь же приводились в исполнение смертные приговоры. Виселица во дворе тюрьмы, прозванной в народе «Бригитки», стояла на протяжении 30 лет. Гарнизон крепости ввиду слабой подготовки в боях с восставшими участия не принимал в отличие от квартировавших в Бресте частей 3-й пехотной дивизии: 11-го пехотного Псковского генерал-фельдмаршала князя Кутузова — Смоленского полка и 32-го Донского казачьего полка. Командир последнего полковник Г.А. Леонов имел отличия «за усмирение польского мятежа» и исполнял обязанности Брестского уездного военного начальника.

В 1867 г. гарнизон крепости состоял из одного генерала, двадцати штаб-офицеров, семидесяти девяти обер-офицеров, тридцати двух классных чинов, двух священников. Здесь находились 3588 нижних чинов и 672 арестанта. Управление было представлено комендантом «по полевой пешей артиллерии» генералом И.Е. Штаденом, «состоявшим по армейской пехоте» полковником А.П. Борисовым, плац-майором и двумя плац-адъютантами.

Крепость уже не вполне соответствовала своему назначению. На вооружение была принята нарезная артиллерия, дальнобойность, точность и разрушительное действие которой значительно превышали возможности гладкоствольных пушек. Это нужно было учитывать при строительстве фортификационных сооружений. Поэтому в 1862 г. директор Главного инженерного управления генерал-адъютант Э.И. Тотлебен представил военному министру Д.А. Милютину записку, в ко-

торой предлагалось завершить строительство крепостных укреплений в европейской части России и обеспечить их дополнительными мерами защиты от огня, особенно навесного. В частности, Тотлебен указывал на то, что высокие каменные казармы и многоярусные башни являются отныне лишь хорошими целями, неспособным эффективно противостоять осадной артиллерии, и рекомендовал прикрывать каменные постройки гласисами, разбирать верхние ярусы казематов и укрывать их толщей земли. Для реализации этих задач генерал предлагал в течение 16 лет выделять до 3 миллионов рублей ежегодно. Предложения Тотлебена рассматривались в особом комитете. Денег в империи не хватало, поэтому комитет постановил новых работ в крепостях не предпринимать, а ограничиться приведением в исправность и готовность существующих сооружений. Таким образом, в соответствии с этим решением все русские сухопутные крепости оставались в недостроенном виде, с высокими каменными постройками, неприкрытыми от разрушительного действия нарезной артиллерии.

Директор главного инженерного управления генерал-адъютант Э.И. Тотлебен (1818—1884).

Тем не менее с весны 1864 г. началась скромная по масштабам, поэтапная реконструкция Брест-Литовской крепости. В этот период дополнительными казематами был укреплен главный земляной вал, насыпаны внутренние траверсы, построены два пороховых погреба на 5000 пудов каждый, укреплены булыжными камнями берега Буга и Мухавца.

Пороховой погреб в восточной части Кобринского укрепления.

В 1864—1868 гг. по проекту Э.И. Тотлебена в горже I и III бастионов Кобринского укрепления были возведены Западный и Восточный казематные редюиты. Каждый редюит состоял из контрэскарповой галереи подковообразной формы, рва и вала, в котором размещались двухъярусная казарма, цейхгауз, два пороховых погреба, пекарня, кухня и столовая для нижних чинов. Ров перекрывался капонирами «для ружейной обороны». Гарнизон укрепления состоял из батальона пехоты. Восточный редюит занял место снесенной Тринитарской казармы. Позади редюитов вдоль правого рукава реки Мухавец были возведены две отдельные

Вход в каземат Западного редюита.

Западный редюит. Контрэскарповая галерея с капониром.

батареи, прикрывавшие северную часть оборонительной казармы Цитадели.

Для обеспечения необходимыми стройматериалами в 1867—1868 гг. на эспланаде Кобринского укрепления к северо-западу от Александровских ворот был посажен строевой лес, а в деревне Гершоны вновь построен кирпичный завод, на этот раз казенный.

Ежегодно в ноябре—декабре на стол генерал-инспектора по инженерной части ложился подписанный начальником инженеров Варшавского округа «Генеральный план Брест-Литовской крепости» с отчетом о выполненных и планируемых работах. Крепостная позиция неуклонно усиливалась и усложнялась.

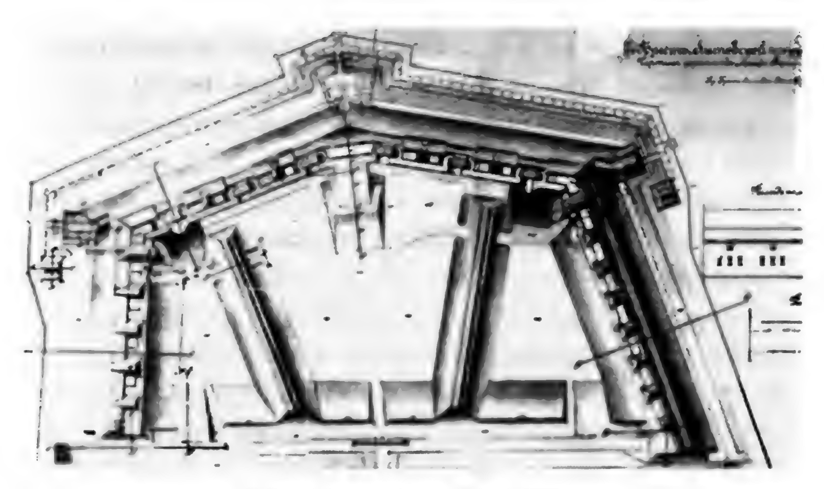
В конце 1860-х гг. севернее крепости проложили железную дорогу Москва — Варшава, насыпь которой образовала мертвую зону перед Кобринским укреплением. Для контроля за этим участком в 1869 г. было начато сооружение передового укрепления «Граф Берг» и крупной земляной батареи. Это был первый форт

Брест-Литовской крепости, вынесенный на расстояние 850 метров от главной оборонительной линии. Форт, пятиугольный в плане, состоял из контрэскарповой галереи на напольном и боковых фасах, рва и главного вала, в котором размещались два фланговых капонира, двухэтажная казематированная казарма, соединявшаяся с капонирами аппарелями. В горжевой части находились полукапонир, два пороховых погреба и кухня. Основные строительные работы были завершены в 1872 г. Мощеная дорога связывала форт с Кобринским укреплением через Александровские ворота, которые были переименованы в Белостокские. Тогда же в крепости углубили и расширили рвы, устроили в них капониры, перестроили мосты, северо-восточную часть кольцевой казармы приспособили под паровую мукомольную мельницу.

Крепость в то время имела на вооружении 757 орудий, почти половину составляли нарезные 24-фунтовые и 8-дюймовые пушки и мортиры образца 1867 г. с дальностью стрельбы до 7000 метров.

В 1876 г. в южной части Кобринского укрепления было закончено строительство сводчатой артиллерийской лаборатории с двумя мощными казематами, предназначенными «для варки составов», и «домика фейерверкера» при ней, а на Волынском — «машинного здания» для снабжения водой госпиталя. Архитектурным центром Цитадели стала законченная в 1878 г. гарнизонная Свято-Николаевская церковь. Постройка храма, его роспись, внутреннее убранство, утварь обошлись казне в 300 тысяч золотых червонцев.

До совершенства была доведена водно-инженерная система. Выше и ниже крепостной позиции на Мухавце и Буге устроили шлюзы системы Пуаре. Обводные рвы укреплений отделялись от рек плотинами, в которых были проложены «каменные трубы» с заслонками. Это по-



Чертеж укрепления «Граф Берг».

24-фунтовая чугунная крепостная пушка образца 1867 г.

зволяло регулировать уровень воды в каналах, а при необходимости ее можно было спустить и сделать канал любого укрепления сухопутным. Рядовой Корнелий Гагал, служивший в крепости в конце XIX в., вспоминал, что «воды в канале было вровень с берегом, а рыбы —

что листьев на дереве». Рыбу разводили специально на случай длительной осады, ловить ее запрещалось.

1 января 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность граждан всех сословий, достигших 21 года. Срок определили в 15 лет, из них 6 лет в строю и 9 лет в запасе. Вооруженные силы государства теперь состояли из постоянных войск и ополчения.

Опыт франко-прусской войны подтвердил неэффективность и незащищенность замкнутой крепости-лагеря перед лицом массированных бомбардировок нарезной артиллерии с дистанции 5—8 км. Пример крепости Мец, капитулировавшей вследствие того, что там заперлась 140-тысячная французская армия, заставил прийти к выводу, что «крепость губит армию, которая позволила себя в ней запереть; армия в свою очередь губит крепость, поглощая ее запасы и тем сокращая продолжительность ее существования». С этого момента основой обороны крепостей стали мощные артиллерийские форты, удаленные от центрального укрепления и приспособленные к самостоятельной и долговременной обороне. В 1873 г. было учреждено Особое совещание о стратегическом положении России, которое на основании доклада неутомимого Тотлебена признало необходимым усилить передовыми укреплениями крепости Новогеоргиевск, Ивангород, Александровская цитадель и Брест-Литовск. На заседании Тайного Совета с участием Александра II, состоявшемся 12 марта, эти предложения были приняты.

Главное инженерное управление составило типовые чертежи новых фортов и издало их в виде атласа под заглавием «Нормальные чертежи фортификационных построек». Типовым считался артиллерийский форт, обозначенный в атласе как «укрепление № 2», который представлял собой шестиугольник, окруженный рвом и валом, прикрытыми тремя капонирами. Вал снабжался валгангом для установки орудий, орудийные позиции

отгораживались шестью двухэтажными казематированными траверсами. По сути укрепление являлось выдвинутой вперед батареей, в которой практически не предусматривалось наличие пехоты.

Из-за финансовых затруднений дело долгое время ограничивалось съемкой местности, разбивкой и трассировкой укреплений. Наконец, едва начав работы, в 1876 г. их пришлось прекратить из-за надвигавшейся войны с Турцией. Все силы были брошены на укрепление обороны Черноморского побережья. В июле 1877 г. на театр военных действий убыли полки 3-й пехотной дивизии, прославившие впоследствии свои знамена в Балканском походе. В Брест-Литовске началось формирование 50, 60 и 76-го резервных батальонов.

Доставшиеся дорогой ценой успехи России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. были сведены на нет итогами Берлинского международного конгресса, созванного в июне 1878 г. по инициативе Германии. Русские внезапно обнаружили, что немцы, считавшиеся на протяжении двадцати лет самыми надежными союзниками, «оказались гораздо более похожими на врагов». В этой ситуации инженерное обеспечение западной границы империи становилось вопросом первостепенной важности.

18 ноября 1878 г. на основе топографических работ, произведенных комиссией под руководством генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева, был утвержден план усиления Брест-Литовской крепости кольцом из семи передовых укреплений, отстоящих на удалении на 3,5—4 км от Цитадели и друг от друга. В 1878—1880 гг. в северном и северо-западных секторах были построены форты I, II и III. В ходе выполнения работ план был скорректирован в пользу возведения в этих секторах еще двух укреплений: форта VIII между фортами I и II, форта IX — в районе железнодорожного вокзала между фортами II и

Каземат форта I.

III. Форты I, II, III, IX представляли собой модернизированный проект «укрепления № 2».

В 1883 г. после завершения первых четырех фортов началось строительство остальных пяти. Опыт русско-турецкой войны убедительно продемонстрировал возросшую силу ружейного огня, и это обстоятельство заставило инженеров задуматься об изменении конструкции форта, спроектированного в 1874 г. Главное инженерное управление разработало новый тип форта пятиугольного в плане и с двумя валами. Высокий внутренний вал с пятью казематированными траверсами предназначался для установки артиллерии крупного и среднего калибра. На переднем, низком, валу оборудовалась стрелковая позиция, в углах которой имелись барбеты для легких противоштурмовых пушек. Рвы напольных и горжевого фасов защищались двумя капонирами, а боковые — двумя полукапонирами. Жилая казарма с четырьмя казематами, рассчитанная на роту солдат, рас-

Надровный капонир у Александровских ворот.

полагалась внутри форта и была связана с капонирами и полукапонирами потернами, входы в которые запирались изнутри железными дверями 30-сантиметровой толщины с массивными кримальерными замками. В потернах были устроены пороховые погреба. Форты IV—VIII, которые возводились по этому проекту, имели незначительные отличия в конструкции, вызванные привязкой к конкретной местности. Форты IV и V находились в юго-восточном и восточном секторах, форты VI и VII — в западном секторе на левом берегу Буга.

Таким образом, за десять лет к 1888 г. вокруг Брест-Литовской крепости было возведено девять кирпично-земляных фортов, в каждом из которых можно было разместить гарнизон численностью около 250 человек и до 20 орудий. Форты I, II, III имели сухие рвы, а IV—IX были окружены рвами, заполненными водой. В этот же период на Тереспольском укреплении был засыпан внутренний ров и снесено Мостовое прикрытие, в

валу первого бастиона Кобринского укрепления построены Северо-Западные ворота с мостом.

Общая длина оборонительной линии достигла 30 километров. На строительство, обновление и ремонт всех укреплений Брест-Литовской крепости с 1833 по 1882 г. военно-инженерным ведомством было потрачено около 14 миллионов рублей.

Осенью 1884 г. управляющий делами Военно-научного комитета генерал-майор Л.Л. Лобко подал начальнику Главного штаба русской армии генералу Н.Н. Обручеву докладную записку, в которой обосновывал необходимость создания воздухоплавательной роты и специального органа для наблюдения за развитием военной аэронавтики и разработки научных вопросов по данной проблематике. На основе этих предложений император Александр III поручил военному министру П.С. Ванновскому подготовить представление в Государственный совет о необходимом финансировании. Вскоре при гальванической части Главного инженерного управления была образована комиссия по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек в военных целях под председательством генерал-майора М.М. Борескова. На ее работу было выделено 270 тысяч рублей.

26 января 1885 г. в Санкт-Петербурге была создана первая в русской армии воздухоплавательная команда, получившая на вооружение аэростаты «Сокол» и «Орел». Уже в конце октября военные аэронавты приняли участие в войсковых учениях под Красным Селом и Брест-Литовском, а летом следующего года — в крупных двусторонних маневрах Варшавского и Виленского военных округов, на которых присутствовал Александр III.

По окончании маневров на перроне только что построенного брестского вокзала, стоившего казне около двух миллионов рублей, состоялась официальная встреча русского императора с германским кронприн-

Приезд императора Александра III в крепость, 1886 г.

цем Вильгельмом. По наблюдению графа С.Ю. Витте, они выглядели странной парой: «Вильгельм по своим манерам, по всем своим выходкам, — так сказать, ферт; он являлся полной противоположностью по характеру Александру III, который был крайне неподвижен и вахлак». Причем будущий кайзер вел себя весьма искательно и подавал русскому императору шинель. С вокзала высокие гости в экипажах отправились в крепость, где состоялся молебен с торжественным выходом, большой обед и фейерверк.

В октябре 1887 г. было разработано Положение о воздухоплавательной части, в соответствии с которым предполагалось иметь несколько типов воздухоплавательных парков — кадровый, крепостной и полевой. Учебный кадровый парк предназначалось содержать как в мирное, так и в военное время. Крепостные парки следовало формировать в военное время, а в мирное иметь лишь материальную часть без личного состава. Полевые парки пред-

полагалось создавать по мере надобности в военное время. Для развития воздухоплавательной службы в армии в дальнейшем планировалось приступить к формированию девяти крепостных воздухоплавательных отделений. Закончилась организация военно-голубиных станций. В Брестской крепости такая станция разместилась в центре Кобринского укрепления.

В 1880-е гг. определился новый расклад сил в Европе. Наиболее «вероятным противником» России в будущих конфликтах стали заключившие военный союз Германия и Австро-Венгрия. Изменение политической обстановки влияло на дислокацию войск. Западные приграничные округа получили систему управления, аналогичную армии военного времени. Здесь сосредоточивалась основная масса кавалерии, сюда с Кавказа из внутренних округов переводили самые боевые дивизии. В 1888 г. на запад из Казанского военного округа была переброшена на запад 2-я пехотная дивизия. Из ее состава в Брест-Литовской крепости разместились два полка: 5-й пехотный Калужский Вильгельма I и 6-й Либавский принца Фридриха-Леопольда Прусского пехотный полки. Войска Варшавского округа на 99 процентов были укомплектованы выходцами из русских губерний.

24 июня 1888 г. крепость посетил с инспекторской проверкой великий князь Владимир Александрович. В программу визита входили посещение крепостного собора, осмотр укреплений, парад гарнизона. Владимир Александрович осмотрел госпиталь, голубиную станцию, зернохранилище и хлебопекарню. Затем великий князь направился к форту IV, где состоялось представление офицеров различных частей, показ форта и упражнений крепостной артиллерии.

В 1891 г. брестские номерные резервные батальоны и крепостной полк получили наименования и были развернуты в 189-й Измаилский, 190-й Очаковский, 191-й

Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки сокращенного состава, сведенные в одну резервную бригаду. В случае мобилизации она разворачивалась в штатную пехотную дивизию. В 1895 г. крепость вслед за Варшавой, Осовцом, Новогеоргиевском и Ивангородом получила воздухоплавательное отделение, на вооружении которого были свободные и привязные аэростаты, а также новейшие средства связи — телеграф и телефон.

Развитие артиллерии, увеличение ее дальнобойности, повышение мощи, появление крупнокалиберных фугасных снарядов, разработка теории «ускоренной атаки» крепостей через промежутки между фортами дали толчок к совершенствованию крепостных сооружений и применению в фортификационном деле новых материалов — бетона и брони.

В конце 1880-х гг. в Брест-Литовской крепости приступили к инженерному развитию межфортовых промежутков. В каждом секторе строили пороховые склады, насыпали земляные валы, прикрывавшие позиции артиллерийских батарей. Во второй половине 1890-х гг. часть передовых опорных пунктов была оборудована бетонными укрытиями. Много усилий было затрачено на создание сети коммуникаций, обеспечивавшей связь между объектами, а также маневрирование силами и средствами. На Кобринском укреплении вдоль аллеи от Северо-Западных ворот к Восточным возводились дома для семей офицеров.

В случае войны Брестская крепость должна была стать базой обеспечения полевых войск, действующих западнее Буга. Ее стратегическое значение еще более возросло в связи с тем, что город стал крупным узлом коммуникаций. Здесь же с началом мобилизации планировалось формировать подразделения для пополнения гарнизонов крепостей первой линии. Согласно союзному договору с Францией русская армия, проведя моби-

лизацию под прикрытием укреплений, должна была перейти к наступательным операциям в направлении Берлина или Вены. План развития крепостей, утвержденный в 1898 г. военным министром генералом Куропаткиным, предусматривал проведение крупных фортификационных работ в западных областях страны. В том же году в районе Белостока и Брест-Литовска вновь проходили маневры Варшавского и Виленского округов. Однако интересы России на Дальнем Востоке и назревавший конфликт с Японией вынудили направить основные усилия на строительство крепости Порт-Артур, модернизацию укреплений Владивостока и Николаева-на-Амуре.

До начала русско-японской войны вследствие урезанного финансирования в Брест-Литовской крепости успели лишь приступить к возведению в северо-восточном секторе бетонного форта X по проекту генерала Величко. Он находился в двух километрах восточнее фортов III и IX и стал первым самостоятельным опорным пунктом, вынесенным за пределы общей оборонительной линии. Форт имел в плане начертание трапеции, один вал, приспособленный для стрелков, в углах которого располагались барбеты для легких орудий, выкатываемых из специальных убежищ.

В 1905 г. крепостное воздухоплавательное отделение развернулось в батальон, который размещался на Западном острове.

Поражение в войне с Японией, давшее толчок к началу первой русской революции 1905—1907 гг., затормозило крепостное строительство в России. Различными комиссиями усиленно изучался опыт обороны Порт-Артура, рассматривались вопросы реорганизации старых и проектирования новых укреплений. В Брест-Литовской крепости в то время велись работы только в форту V: капониры, казематы, потерны перестраивались по старому

Воздушный шар перед подъемом. В центре — начальник военно-голубиной станции полковник Я.И. Петерсен. Фото 1909 г.

проекту, но из бетона; на валу появились пять двухъярусных казематов для прислуги противоштурмовых орудий.

Громким эхом прогремели события Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. Стачки и вооруженные выступления проходили по всей империи, в том числе на бывшей территории Речи Посполитой. Активно митинговали и бастовали рабочие и железнодорожники Брест-Литовска. Революционный дух не минул и солдат гарнизона, хотя командиры старалось максимально изолировать их от гражданского населения. В армии был реализован ряд мероприятий по материальному обеспечению военнослужащих, в частности повышено жалование нижним чинам. Солдатам стали выдавать постельные принадлежности, полотенца и носовые платки.

24 ноября 1905 г. рота крепостной артиллерии во главе со старшим писарем А.И. Александровым организовала митинг, в котором приняли участие 7, 11, 12, 15 и 16-я роты. Солдаты требовали освободить кронштадтских матросов, отбывавших наказание в Брестской крепости, и сол-

Форт V. Горжевой капонир.

дат-агитаторов гарнизона, сократить срок службы, улучшить бытовые условия, разрешить «свободные отлучки после занятий и переклички», а также «беспрепятственное курение табаку». На дверях столовых, на центральном проходе Цитадели и в других местах были расклеены воззвания, призывавшие требовать «свободной жизни солдат», объявить забастовку, не подчиняться начальникам и не выполнять служебные обязанности. Брестская военно-революционная организация РСДРП выпустила и распространила воззвания «К солдатам Брест-Литовской крепости», «Ко всем солдатам Брест-Литовской крепости и гарнизона», листовку «26 требований солдат к начальству». Выступление артиллеристов не поддержала пехота. В течение трех дней энергичными действиями коменданта крепости генерала Лазарева волнения были прекращены. Печатавшие листовки на штабной пишущей машинке писари А.И. Александров и П.И. Горохов пошли на каторгу. Командование вынуждено было удовлетворить некоторые требования: демобилизовать солдат сверхсрочной службы, улучшить питание.

Форт V. Двухъярусный каземат для прислуги противоштурмовых орудий с наблюдательным колпаком.

Строгая дисциплина, изолированная от города жизнь гарнизона, по признанию одного из агитаторов, бомбардира М.Н. Коковихина, «затрудняли партийную работу». Однако весной 1906 г. войска были выведены в летние лагеря в район полигона у форта IV. Здесь в полках развернули пропаганду представители различных социалистических партий, призывавших к борьбе с царизмом, обещавших землю, свободу и всеобщую революцию. Особо благодатную почву эти «семена» нашли во 2-м осадном артиллерийском полку, где обстановка была доведена до взрывоопасного состояния.

«8 июля 1906 года, — вспоминал М. Коковихин, после вечерней поверки, около 10 часов вечера, на шоссе, шагах в ста от палаток, небольшая группа солдат без всякого повода крикнула «ура». Этот крик, раздавшийся во внеурочное время, остальные солдаты восприняли как сигнал к восстанию, о котором говорили им агитаторы. Возгласы «ура» повторились в разных концах лагеря, пока их не подхватили все артиллеристы — две тысячи человек».

Однако обещанной революции не произошло. Другие воинские части выступление не поддержали: «Когда артиллеристы узнали, что крепостная пехота не хочет присоединиться к восстанию, их обуяла ярость (агитаторы говорили раньше, что солдаты крепостной пехоты ждут только сигнала к восстанию). Раздался крик «В ружье!» Солдаты крепостной артиллерии ринулись к палаткам, захватили винтовки и патроны, выбежали на шоссе и открыли пальбу по лагерям пехоты, находившимся на расстоянии 1—2 км. Стрельба продолжалась до тех пор, пока не иссякли патроны караульного запаса». После чего артиллеристы бросились бить офицеров, но к этому времени командиры и начальник крепостной артиллерии генерал Иванов успели бежать в Цитадель. Разочарован-

ные солдаты сожгли помещение лагерного офицерского собрания и разгромили солдатскую лавку.

Наутро боевой пыл угас, отрезвевшие «повстанцы» поодиночке и мелкими группами начали перебегать в крепость. Оставшиеся в лагере 10 июля были окружены войсками и сдались без сопротивления, 700 участников выступления были арестованы. Их собрали в десятом форту, где в течение полутора месяцев велись допросы. Большинство солдат было отпущено. Суду подверглось 32 человека, из которых пятерых оправдали, остальных приговорили к каторжным работам и отправили в арестантские роты.

По окончании русско-японской войны с Дальнего Востока в район Брест-Литовска прибыла 38-я пехотная дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Закавказье.

К инженерному обеспечению западной границы обратились вновь в 1907 г., когда наряду с вопросами модернизации либо упразднения уже существующих крепостей возникла концепция создания новой крепости в Гродно, стратегическое значение которой вытекало из ее флангового положения относительно направления движения вероятного противника на Брест-Литовск. Разрабатывались новые проекты фортов, из которых к реализации были рекомендованы три: генералов Величко, Буйницкого и полковника Малкова-Панина. Общим в этих проектах, разосланных Главным инженерным управлением во все крепости в качестве руководства, была заложенная в них возможность поэтапного развития форта, что позволяло строить укрепления в течение нескольких сезонов по мере поступления денежных средств при сохранении определенного уровня обороноспособности.

В 1909 г. под руководством военного министра генерала В.А. Сухомлинова был составлен новый план дислокации войск и стратегического развертывания армий

на случай войны, так называемое «19-е расписание». В связи с этим встал вопрос и об использовании крепостей. Предложено было упразднить Варшавский укрепленный район и Ивангород, оставив лишь крепость Новогеоргиевск, а рубеж стратегического развертывания перенести вглубь страны на линию модернизированной крепости Ковно, Брест-Литовска, вновь построенной крепости Гродно. Среди ряда мероприятий предусматривалось усовершенствование Брест-Литовской крепости путем возведения второго кольца фортов на удалении 9—9,5 км от Цитадели. Год спустя были упразднены все резервные войска и крепостная пехота. Существовавшие 27 резервных бригад и 9 крепостных пехотных полков были сведены в 7 полевых пехотных дивизий нормального состава. Брест-Литовские полки составили 48-ю пехотную дивизию, которая вскоре убыла в Казанский военный округ. Это решение, оставившее фортификации без специально обученной пехоты, являлось малооправданным, поскольку опыт войн свидетельствовал, что позиции лучше защищают те войска, которые их знают. 2-я пехотная дивизия вошла в состав вновь учрежденного XXII армейского корпуса, выдвинутого к германской границе.

Всего в Варшавском военном округе дислоцировались теперь 10 дивизий, которые входили в состав пяти корпусов, образовывавших в случае войны 2-ю армию Северо-Западного фронта (деление войск в западных губерниях на два фронта — Германский и Австрийский — было предусмотрено еще в 1902 г.).

Развернувшееся в начале XX в. строительство управляемых аэростатов в Германии, Франции и Италии и значительные по тому времени достижения этих летательных аппаратов, которые могли играть важную роль при ведении боевых действий, заставили серьезно задуматься над этим вопросом русское военное ведомство.

в 1906 г. начальник Главного инженерного управления, докладывая военному министру о необходимости иметь на вооружении дирижабли, подчеркивал, что «армии, снабженные подобными аппаратами, будут обладать могущественным средством для производства рекогносцировок и могут нанести тяжелый моральный ущерб армиям, не имеющим таковых средств». В силу технического отставания России десять управляемых аэростатов предполагалось приобрести за границей, но необходимых средств тогда найти не удалось. Лишь в 1909 г. закупили во Франции на заводе «Лебоди» один полужесткий дирижабль, получивший в России наименование «Лебедь».

В 1910 г. 2-я рота Брест-Литовского воздухоплавательного батальона получила на вооружение дирижабль французского производства «Клеман-Байяр», названный «Беркут». Аппарат поднимал в воздух пять-восемь человек и мог развивать скорость до 54 км/час. В качестве вооружения на нем устанавливались два «ружья-пулемета Мадсена» с боекомплектом в три тысячи патронов. В 1913 г. в строй вступил более крупный дирижабль «Кондор», также французского производства. Он имел радиус действия до 200 км, высоту подъема 2000 м, оборудовался приспособлениями для сбрасывания бомб и обладал продолжительностью полета до двадцати часов. Экипаж состоял из шести человек. В планах Верховного главнокомандования дирижаблям отводилась роль стратегических разведчиков. Имея на борту радиотелеграфную станцию, они должны были передавать сведения о передвижении войск противника. Кроме того, планировалось создание крепостного авиаотряда из четырех-шести самолетов.

30 июня 1911 г. инженерный комитет Главного инженерного управления рассмотрел и одобрил генеральный план развития Брест-Литовской крепости, рассчитанный на десять лет при ежегодном ассигновании около двух миллионов рублей. По экономическим соображениям в

Тереспольские ворота и Канатный мост. Зима 1911 г.

него были внесены изменения, главным из которых стало требование, чтобы линия обороны не превышала 40 км. Новый план был утвержден Комитетом Генерального штаба в 1912 г.

Согласно плану, оборонительный обвод должен был состоять из 14 фортов, 21 опорного пункта, 5 оборонительных казарм и нескольких десятков артиллерийских батарей. На расстоянии 6—7 км от крепости создавалась линия из 11 новых фортов, получивших литерное обозначение А, В, Г, М, Е, Ж, З, И, К, Л, О. В состав этой позиции вписывались и старые форты I, VIII и X. Два последних переименовывались соответственно в форты Б и Д. Между фортами планировалось возвести опорные пункты, предназначенные для подвижных резервов, казармы и артиллерийские погреба.

В модернизации крепости принимали участие видные русские военные инженеры. Во главе строительства стоял начальник инженеров крепости генерал-майор А.К. Овчинников, а с 1913 г. — генерал В.В. Голицын. У них было два помощника: по строительной части — полковник Прейсфренд, которого позднее сменил полковник

Артиллеристы Брест-Литовской крепости в форту VI. В центре — заведующий учебной командой полковник В.Г. Тизенгаузен. Фото 1912 г.

Г.И. Лагорио, по хозяйственной части полковник Н.В. Короткевич-Ночевной. Обязанности производителей работ исполняли капитаны И.О. Белинский, М.В. Миштовт, С.И. Егоров, В.К. Монахов, Д.М. Карбышев, П.П. Архипенко, штабс-капитан В.М. Догадин. Другие вакансии занимали капитаны К.Д. Сарандинаки, Н.П. Логанов, К.Д. Красивицкий, Б.Р. Добошинский, В.Г. Алексеев, М.В. Десницкий, А.В. Максимов. Всего крепостной «инженерный корпус» насчитывал 25 человек.

Полковник Г.И. Лагорио (1876—1938), помощник начальника инженеров крепости.

Надо сказать, что офицеры корпуса военных инженеров русской армии были специалистами высочайшего класса, в полном смысле слова — «штучными» специалистами. В корпус зачисляли лучших из лучших,

Штабс-капитан И.О. Белинский (1876—1966), старший производитель работ.

окончивших, кроме двухлетнего основного, дополнительный курс Николаевской инженерной академии, а таковых академия после жесточайшего отбора выпускала не более 30 человек. Слушатель, не выдержавший любого из многочисленных экзаменов, автоматически возвращался в свою часть, независимо от курса, переэкзаменовка не позволялась. На дополнительный курс можно было попасть, имея при 12-балльной шкале оценок не менее 10 баллов в среднем по всем предметам основного курса. Так, в 1911 г. выпуск военных инженеров составили 24 офицера. Одним из них, получившим назначение в Брест-Литовскую крепость, был участник русско-японской войны, в будущем генерал-лейтенант Красной Армии, Герой Советского Союза Дмитрий Михайлович Карбышев.

Капитан-инженер Д.М. Карбышев (1880—1945), старший производитель работ.

Кстати, он был женат. Ничего особенного в этом нет, странность заключается в том, что Алису Карловну из биографии знамени-

того генерала «вымарали». Все, что мы знаем — несколько зарисовок из мемуаров В.М. Догадина: она была старше Карбышева на шесть лет, страшно его ревновала ко всем женщинам гарнизона, не любила ходить в гости, предпочитая отдыхать в ресторанах, и однажды, после очередной семейной сцены, застрелилась. Остался один групповой снимок да могильный камень на Тришинском кладбище.

Проекты укреплений разрабатывались на месте самими военными инженерами, производителями работ, под общим руководством известного фортификатора, профессора Николаевской военно-инженерной академии генерала Н.А. Буйницкого, периодически приезжавшего в Брест-Литовск. Разработанные проекты рассматривались в Инженерном комитете при Главном инженерном управлении в присутствии авторов.

«Такой порядок проектирования имел глубокий смысл, — вспоминал В.М. Догадин, — так как проектировщик знал местные условия и «не витал в облаках», а как строитель осуществлял свои собственные замыслы, что вдохновляло производственника в его созидательной работе и вознаграждало его радостным чувством удовлетворения созданным сооружением». Согласно существующему положению, проект стоимостью до 500 рублей утверждался начальником инженеров крепости, стоимостью до 5000 рублей — в округе, свыше этой суммы — в Петербурге.

На первом этапе дело ограничивалось проектированием новых и укреплением старых построек. В частности, были переоборудованы форты IV, V, VII, VIII первой линии и пороховые погреба, в которых кирпичные перекрытия казематов прикрыли слоем бетона из расчета, что долговременные сооружения должны выдержать попадание 420-мм снарядов. Началось строительство нового форта «Ж».

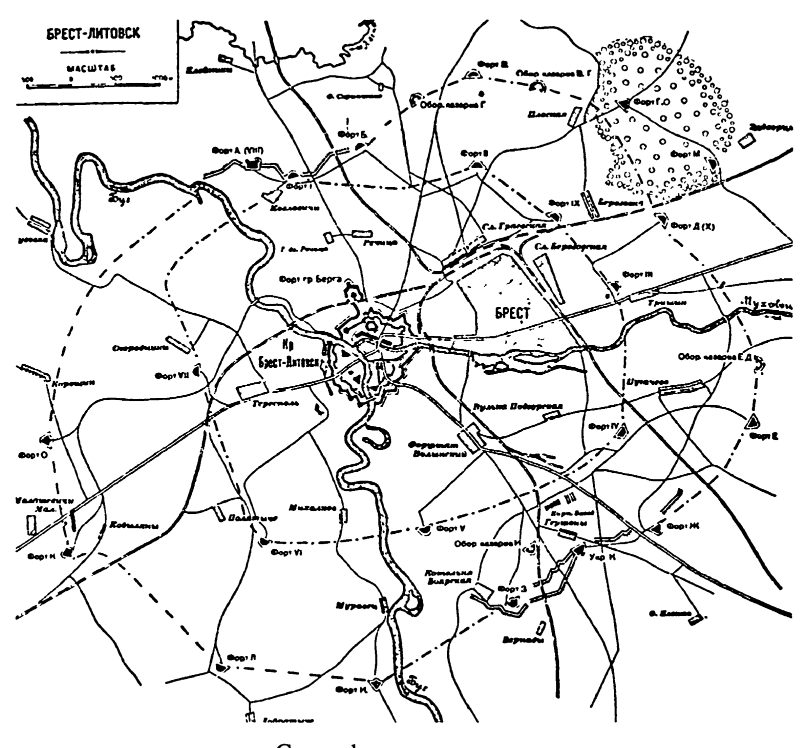


Схема фортовых поясов.

К полномасштабным работам по строительству второго кольца приступили летом 1913 г. Одного бетона предстояло уложить около 30 тысяч кубометров, объем земляных работ был в несколько раз большим. Строительные материалы, из которых основными были цемент, лес, железо и булыжный камень, доставлялись подрядчиками по договорам, которые заключало с ними крепостные инженерное управление. Прием материалов производился в присутствии представителя государственного контроля. Каменные и плотничные работы выполняли специальные артели, приезжавшие на строительный сезон из Калужской, Рязанской и соседних с ними губерний. Их работа оплачивалась сдельно в соответствии с расценками. Для их проживания строи-

ли временные бараки. Крупные земляные работы также выполняли сдельно специалисты, именовавшиеся «голлендорами» (говорили, что это потомки голландцев). Используя легкие одноконные повозки, они насыпали шестиметровые валы. На бетонных работах трудились поденно жители окрестных деревень. Количество людей в артели плотников или каменщиков достигало 30—40 человек. Поденных рабочих было до 600 человек. Поденщики получали от 80 копеек до 1 рубля в день. Тачечникам за повышенные нагрузки платили по 1 рублю 25 копеек.

Значительная часть массовых работ была механизирована, что способствовало облегчению труда рабочих, ускоряло и удешевляло стоимость работ. Щебень приготавливали из булыжного камня с помощью дробилки с паровым двигателем. Для приготовления бетона имелись две бетономешалки с локомобилями. Все необходимые материалы подвозили к объектам строительства в вагонетках по узкоколейным путям. Бетон подавался наверх по наклонному фуникулеру. Водоснабжение обеспечивалось трубопроводом и электрическим насосом. Для освещения территории строительного участка устанавливали девять дуговых фонарей и передвижной электрогенератор. Щебень промывали из водонапорного бака в вагонетках с решетчатым дном. Для производства земляных работ приобрели экскаваторы. Конторы на объектах, квартиры инженеров и различные пункты строительства были соединены между собой телефонными линиями.

Для непосредственного руководства рабочими при возведении форта или другого крупного сооружения в распоряжении производителя работ имелась контора, состоявшая из старшего и младшего десятников, табельщика, конторщика, кладовщика и трех сторожей. Обслуживание машин и механизмов возлагалось на старшего и младшего механиков и двух слесарей, состоявших в ве-

Промежуточный пороховой погреб «Ж—3».

дении центральной мастерской, отвечавшей за обеспечение строек техническими средствами. Кроме сторожей охрану объектов осуществляли крепостные жандармы, проверявшие у рабочих паспорта.

Рабочий день на строительстве начинался в 6 часов утра и с двумя перерывами на завтрак и обед продолжался до 18 часов. Бетонные работы производились большими объемами по несколько суток подряд днем и ночью в три смены.

С начала ноября, когда землю сковывало морозом, до апреля строительство замирало. Плотники и каменщики на зиму уезжали в свои деревни. Зимний период использовался для заготовки строительных материалов. Инженеры в это время готовили проекты и сметы и составляли отчеты за прошедший сезон.

Укрепления возводились в определенной последовательности в зависимости от их важности в оборонительном отношении. На строительство каждого форта отводилось три года. Работы соответственно разбивались на три этапа: постройка напольного вала с помещением для дежурной части, постройка боковых фасов, строительст-

Форт VIII (литера «Б»). Горжевой капонир.

во казармы с горжей. В первую очередь укреплялось западное направление и фланги крепостной позиции. Одним из первых, как уже говорилось, в 1911 г. под руководством капитана И.О. Белинского началось возведение форта «Ж» в районе деревни Дубинники. За строительство форта «А» недалеко от деревни Козловичи отвечал капитан П.П. Архипенко. Капитан Д.М. Карбышев был производителем работ по реконструкции форта VII, проектированию и строительству форта «И». Капитан В.М. Догадин занимался возведением в форту «Граф Берг» здания холодильника крепостного типа объемом на 100 тысяч пудов мяса и 2 миллиона порций мясных консервов. Кроме того, он осуществлял техни-

Форт VIII («Б»). Бетонированные стрелковые позиции на валу.

ческий надзор за постройкой деревянного ангара высотой 32 метра для двух дирижаблей. Пришедший в ветхость подвесной мост у Тереспольских ворот планировалось заменить балочной конструкцией из железобетона.

Однако строительство и реконструкция укреплений к началу Первой мировой войны не были завершены. Из шестнадцати фортов, запланированных к постройке и модернизации, пять так и не были начаты, шесть были готовы наполовину, два — на две трети и только форты «А» и «Ж» удалось закончить полностью.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

По данным городской статистики, накануне войны в Брест-Литовске насчитывалось более 57 тысяч жителей, в том числе 39 тысяч иудеев, около 10 тысяч русских и 7,5 тысячи поляков. К этим цифрам следует добавить около 10 тысяч солдат военного гарнизона. В крепости, комендантом которой был генерал-лейтенант В.А. Лайминг, начальником штаба — генерал-майор В.С. Вейль, размещались четыре батальона крепостной артиллерии под командованием генерал-майора А.К. фон Руктешеля, а также воздухоплавательный батальон, крепостная саперная рота, военно-голубиная станция, военный госпиталь, крепостное инженерное управление, интендантское управление, крепостная жандармская команда, отдел Варшавского артиллерийского склада. Кроме того, в городе, в районе Граевской слободки, дислоцировались части входившей в состав XIX армейского корпуса 38-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта В.П. Прасолова (149-й Черноморский, 151-й Пятигорский, 152-й Владикавказский полки, 19-й саперный батальон).

1 августа 1914 г. приказом коменданта № 17 крепость и «весь крепостной район» были объявлены в осадном положении. Семьи офицеров эвакуировались. С собой им разрешено было взять вещей не более двух пудов на каждого члена семьи. Находившийся в Брест-Литовске штаб XIX армейского корпуса под руководством генера-

ла В.Н. Горбатовского обеспечивал развертывание на исходном рубеже южнее Холма корпусов Московского военного округа, составивших 5-ю армию генерала П.А. Плеве. На восьмой день мобилизации 38-я пехотная дивизия приступила к погрузке для следования на фронт, а на ее базе формировалась 75-я пехотная дивизия второй очереди. Одновременно в крепости развернулись интенсивные работы по подготовке к обороне. Они велись круглосуточно с массовым привлечением местного населения. В среднем ежедневно на инженерных работах было занято около 70 тысяч мастеровых и работников и до 8500 телег. Новым начальником инженеров крепости был назначен генерал И.А. Лидерс.

До начала октября 14 фортов, 5 оборонительных казарм, 21 промежуточный опорный пункт и другие укрепления были почти закончены. Наиболее сильно были развиты оборонительные сооружения в западном и южном секторах. Среднее расстояние между укреплениями равнялось 1 км при общей длине фортового пояса 45 км. Промежутки литерного пояса были усилены окопами, ходами сообщения и искусственными препятствиями, в предполье созданы передовые позиции. В крепости имелось до 2 тысяч орудий, правда, значительная их часть устарела. Например, на вооружении еще состояли 6-фунтовые и полупудовые гладкоствольные мортиры образца 1805 и 1838 гг., стрелявшие чугунными сферическими гранатами, поскольку других орудий для навесной стрельбы на близкие расстояния в русской армии не существовало.

Для осмотра позиций с воздуха был запущен дирижабль «Беркут», с борта которого были произведены инспекция и фотографирование фортового пояса. Сформированный генералом В.А. Лаймингом Совет обороны констатировал, что крепость при бережном расходовании запасов способна «продержаться 8 месяцев».

Форт «Ж» (Дубинники). Снимок с дирижабля 1914 г.

7 ноября 1914 г. на территории крепости взорвалась лаборатория зарядки боеприпасов. Вместе с ней на воздух взлетели около 60 тысяч снарядов. Разрывы гремели почти сутки, в некоторых местах произошли пожары. В результате погибло около 120 рабочих, пострадали склады и жилые дома.

К весне 1915 г. крепостная позиция получила законченный вид, и крепость Брест-Литовск стала одной из наиболее подготовленных.

Город был базой снабжения русских войск, действовавших на Висле. В районе Брест-Литовска находились также два авиаотряда и крупнейший в России ремонтный авиапарк Северо-Западного фронта. Парк располагал хорошо оборудованными мастерскими, слесарным и механическим цехами, электростанцией. Русские пило-

Промежуточная оборонительная казарма «А—Б».

ты принимали активное участие в боевых действиях, вылетая на разведку и бомбардировки. В ноябре 1914 г. 6-й крепостной и 24-й корпусной авиаотряды сбросили на крепость Перемышль 23 бомбы общим весом более 29 пудов и сделали восемь фотоснимков дислокации противника. Георгиевскими крестами 4-й степени был отмечен подвиг летчиков крепостного авиационного отряда прапорщика Владимира Иванова и поручика Анатолия Алексеева, которые на своем «Вуазене» 25 июня 1915 г. сбили в воздушном бою вражеский «Альбатрос». Поединки авиаторов в то время еще носили характер рыцарских турниров: пилоты и наблюдатели палили друг в друга из личных револьверов или винтовок, а «в промежутках между схватками посылали взаимно друг другу приветствия».

Немецкое командование, в свою очередь, стремилось уничтожить русскую авиацию, посылая свои самолеты на Брест-Литовск. Основными объектами бомбардировки была территория авиаотряда и воздухоплавательного батальона.

Для выполнения боевых вылетов наполнили газом дирижабль «Кондор», но его вскоре перевели во Львов. «Беркут» был сильно изношен, технически устарел, его потолок и скорость уже не соответствовали современным требованиям и реально ощутимой пользы он принести не смог. Капитан Догадин, вспоминая свой единственный полет на дирижабле, писал: «Несовершенная работа моторов сопровождалась оглушительными взрывами, а необычность ощущений вызывала приподнято-напряженное состояние...» В первой половине сентября 1914 г. эллинг Западного острова использовался для ремонта дирижабля 12-й воздухоплавательной роты «Альбатрос», получившего повреждения от огня собственных войск в ходе ночного рейда к крепости Осовец. Боевая работа воздухоплавателей значительно осложнилась с появлением самолетов-истребителей, стрелявших зажигательными пулями, от которых наполненные водородом дирижабли легко воспламенялись. Грозным противником становилась зенитная артиллерия. При отсутствии истребителей сопровождения, небольшой высоте и малой скорости выполнять боевые задания дирижаблям становилось все труднее. Менее чем через год после начала войны «Кондор» и «Беркут» погибли.

После провала шлиффеновского «блицкрига» на Западе кайзеровский генштаб решил перенести основные усилия на Восточный фронт с целью вывести Россию из войны.

В апреле 1915 г. германо-австрийские войска начали Горлицкую операцию и, нанеся поражение Юго-Западному фронту генерала Н.И. Иванова, в начале лета заняли Львов, отбили Перемышль, вытеснив русские войска из Галиции. Одновременно немцы развернули наступление в Прибалтике. Целью верховного германского командования было уничтожение основных русских сил в Царстве Польском.

11 июня гродненский губернатор В.Н. Шебеко получил секретное письмо от главного начальника Двинского военного округа с указаниями штаба Верховного главнокомандования о подготовке мероприятий по эвакуации:

«...В случае отступления наших войск необходимо заблаговременно интенсивно выводить все средства, особенно железнодорожные; уничтожать посевы косьбой или иным путем; мужское население возраста военнообязанных, кроме жидов, удалять в тыл, дабы не оставлять в руках противника; все запасы скота, хлеба, фуража, лошадей обязательно выводить; по возможности все рельсовые пути свертывать и увозить в тыл, а не ограничиваться местной порчей путей; мосты, водокачки взрывать окончательно, где возможно, взрывать плотины».

С церквей предписывалось снимать колокола.

Через неделю подробные разъяснения получил и комендант Брест-Литовской крепости: «Реквизиции подлежат скот, лошади, повозки, продовольственные запасы, если их количество превышает месячную потребность населения, заводские узкоколейные дороги, машины и станки, если они поддаются вывозу, заводские материалы и обязательно вся медь в виде изделий и все медные части машин... Уничтожению или разрушению подлежат посевы и покосы, если они не могут быть убраны и вывезены, и заводское оборудование, могущее принести противнику пользу... За скот, лошадей и повозки должно рассчитываться наличными деньгами с отобранием расписок, а за все остальное — квитанциями... Аптеки и необходимые остающемуся населению запасы лекарств реквизиции не подлежат, строения и домашняя обстановка уничтожению не подлежат, если это не вызывается требованиями боя... Относительно удаления христианского населения главнокомандующим будут даны дополнительные указания». Что касается еврейского населения,

то его чуть ли не с начала войны подозревали в пособничестве противнику, обвиняли в «проявлении радости» по поводу успехов немецкого оружия, а русское военное командование без всяких «дополнительных указаний» имело право по своему усмотрению выселять иудеев из приграничной полосы и районов боевых действий, обыскивать и разрушать их дома и синагоги.

Перегруппировав войска, 4-я австрийская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда и 11-я германская армии генерала Августа фон Макензена 3 июля нанесли новый удар с юга в промежутке между Бугом и Вислой по главным силам русских, оборонявших Польшу. Боевые действия на этом направлении сочетались с наступлением из Восточной Пруссии и дополнялись активностью на других участках фронта. 17 июля был оставлен Люблин, 19-го пал Холм, 22 июля начался вывод русских армий из «польского мешка». С боями они отходили от Вислы к линии Буга. 23 июля под звуки гимна «Еще Польска не сгинела» полки 9-й армии принца Леопольда Баварского вступили в Варшаву.

Фронт приближался к Брест-Литовску. В связи с этим командование брестского гарнизона получило приказ приступить к реквизиции подвод, зерна и скота. Крепость готовилась к осаде. «Дополнительные указания» верховного командования относительно «удаления населения» сильно отличались от первоначального замысла: из пропагандистских соображений война была объявлена «Великой Отечественной». Русская Ставка решила применить тактику «выжженной земли»: врагу не должно было достаться ни материальных объектов, ни людских ресурсов. В случае отступления все, как военные, так и гражданские объекты, а также «строения и домашняя обстановка» подлежали тотальному уничтожению, а население Северо-Западного края — принудительному перемещению в центральные районы империи.

С целью идеологической обработки власти и православная церковь распространяли слухи о невероятных зверствах, чинимых «германцем» над мирными жителями.

1 августа генерал Лайминг отдал приказ об эвакуации гражданского населения (около 40 тысяч человек) в трехдневный срок — с 3 по 5 августа. Город был разделен на три зоны. Первой должна была эвакуироваться зона, прилегавшая к крепости. Поезда вывозили людей на Киев, Минск и Брянск. Однако они не могли вместить всех. Многие жители покинули город пешком, кто-то двинулся на восток гораздо раньше объявленного срока, слившись с потоком беженцев из деревень и местечек. Оставленные населенные пункты сжигали казаки, колонны «эвакуированных» периодически бомбили и обстреливали немцы.

«...Непродуманная эвакуация населения западных областей в глубь России стоила стране сотен тысяч жизней и превратила военную неудачу в сильнейшее народное бедствие, — писал А.А. Керсновский. — Ставка надеялась этим мероприятием «создать атмосферу 1812 года», но добилась как раз противоположных результатов. По

Беженцы. Фото 1915 г.

дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния людей. Они загромождали и забивали редкие здесь дороги, смешиваясь с войсками, деморализуя их и внося беспорядок. Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и о их пропитании. Организации Красного Креста и земско-городские союзы спасли от верной голодной смерти сотни тысяч этих несчастных. Множество, особенно детей, погибло от холеры и тифа. Уцелевших, превращенных в деклассированный пролетариат, везли в глубь России. Один из источников пополнения будущей Красной Гвардии был готов». Общее количество беженцев из Беларуси, по разным источникам, оценивается в 1,7 — 2 миллиона человек.

7 августа в Брест-Литовске получили известия о капитуляции оставленного в тылу противника гарнизона крепости Новогеоргиевск, где немцам было сдано 80 тысяч пленных, в том числе 23 генерала, 1204 орудия и свыше миллиона снарядов. Через два дня пала крепость Ковно, был оставлен Осовец. Это свидетельствовало не только о неспособности крепостей к длительному изолированному сопротивлению, но и о падении морального духа русских войск, обескровленных и разочарованных непрерывными поражениями. Так, комендант Новогеоргиевска генерал Бобырь на девятый день осады переметнулся к противнику и из германского плена приказал гарнизону сдаться. Комендант Ковно генерал Григорьев просто сбежал, как он объяснил на суде, «за подкреплениями».

Не сыграла в этой войне отведенной роли и Брест-Литовская крепость. 10-я германская армия генерала Эйхгорна продолжала успешно продвигаться между реками Вилия и Неман от Ковно в направлении Вильно и Мин-

ска, вынуждая русские войска отходить все дальше на восток. К Бресту с трех направлений подходили три корпуса противника. С юга широким фронтом надвигалась армия генерала Макензена, с юго-запада — австрийский корпус.

К этому времени крепость практически не имела гарнизона и была разоружена. Крепостной пехотный полк был расформирован еще в мирное время. Укрепления, согласно плану мобилизации, должна была занять второочередная 75-я дивизия под командованием генерал-майора М.И. Штегельмана, сформированная при XIX корпусе. Но вскоре эта дивизия была отправлена на фронт. Ее сменила 81-я пехотная дивизия, но и она убыла. На замену ей появились две ополченческие части, состоявшие из «ратников 2-го разряда», по сути белобилетников, призванных на защиту Веры, Царя и Отечества. На фронт постепенно вывозились крепостные орудия и снаряды. В крепости остались лишь склады, она стала местом формирования резервных дивизий для Действующей армии. Таким образом, к августу 1915 г. Брест-Литовская крепость имела достаточно сильные фортификационные сооружения, но по характеру гарнизона и запасов не была способна выдержать длительную осаду. По свидетельству генерала Б.В. Геруа, который командовал лейб-гвардии Измайловским полком, она производила впечатление «заброшенной помещичьей усадьбы».

Учитывая угрозу обхода Бреста австро-немецкими войсками, русское командование, чтобы избежать окружения, приняло решение оставить крепость, вывезя предварительно военное имущество и взорвав укрепления. Начавшуюся 8 августа эвакуацию обеспечивала 3-я армия генерала Радко-Дмитриева, упорными боями сдерживавшая противника у Влодавы. Генерал Лайминг всеподданнейше рапортовал: «...все чинами крепости во

главе с начальниками крепостных управлений были употреблены сверхчеловеческие усилия для того, чтобы в течение 5 дней вывезти из крепости все ценное имущество, которое свозилось в первоклассную крепость годами и даже десятилетиями». Генерал доносил также, что мосты на Буге, форты и опорные пункты первой и второй линии от литеры «В» до литеры «Ж» включительно взорваны до основания, остальные — частично разрушены. На самом деле уничтожены были литерные форты северо-восточного сектора, достроенные в основном в виде временных укреплений. Полностью был стерт в бетонную крошку новейший форт Дубинники. Солидные фортификации номерного пояса и Цитадели пострадали незначительно. Зато в последние два дня в очередной раз был уничтожен Брест-Литовск. Ополченцы и казаки, разграбив брошенные дома, приступили к их планомерному разрушению. В окна бросали факелы и гранаты, каменные здания взрывались. Согласно докладу Лайминга «город сгорел», было разрушено около 80% жилого фонда. Из 3670 зданий пострадали 2500.

Первыми к линии брестских фортов 11 августа вышли австрийцы. Приказ захватить крепость получила 12-я пехотная дивизия. В ночь с 12 на 13 августа 1915 г. австрийские отряды, сломив сопротивление русских пулеметных заслонов, заняли крепость и город. В горящем и разрушенном Брест-Литовске они не встретили ни одной живой души. Позднее немцы выпустили открытки «с видами» брестских развалин как свидетельство «варварства» русских.

Таким образом, несмотря на затраченные средства и предвоенную модернизацию, роль Брест-Литовска в Первой мировой войне свелась лишь к обеспечению на некоторое время стыка двух русских фронтов.

13 августа командующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев предписал общий отход на восток,

Брест-Литовск, оставленный русскими войсками. Немецкая открытка 1916 г.

на линию Средний Неман — Гродно — Кобрин. Однако и на этой линии удержаться не удалось. Группа армий Макензена от Бреста рвалась к Барановичам, а генерал Эйхгорн — от Вильно к Минску.

В кампании 1915 г. была окончательно уничтожена кадровая русская армия. По словам Керсновского, «в грандиозном отступлении чувствовалось отсутствие общей руководящей идеи. Войска были предоставлены сами себе. Они все время несли огромные потери — особенно 3-я армия — и в значительной мере утратили стойкость. Разгромленные корпуса Западного фронта брели прямо перед собой. Врагу были оставлены важнейшие рокадные линии театра войны, первостепенные железнодорожные узлы: Ковель, Барановичи, Лида, Лунинец. Предел «моральной упругости» войск был достигнут и далеко перейден. Удара по одной дивизии стало достаточно, чтобы вызвать отступление всей армии, а по откатившейся армии сейчас же равнялись остальные. Истощенные физически и морально, бойцы, утратив веру в свои силы, начинали сдаваться десятками тысяч.

Если июнь месяц был месяцем кровавых потерь, то август 1915 года можно назвать месяцем массовых сдач. На Россию надвинулась военная катастрофа...».

С 20 на 21 августа линия Буга и Немана пала. В русском обществе нарастало недовольство высшим военным руководством. «Нация не делает различия между отступлением, осуществленным в безукоризненном порядке, каким было наше, и бегством, — писал современник. — Одно легко путают с другим, и разум не в состоянии понять, как же это получилось, что после того, как нас все время уверяли, что наша территория была защищена от любого вторжения линией крепостей, настолько сильных, что никакая армия в мире не смогла бы их взять; как эту линию, возведение которой стоило так много денег, внезапно объявили ничего не стоящей. Впечатление, что нам лгали, охватило умы публики...» Впрочем, все крепости как на Восточном, так и на Западном фронтах не оправдали возлагавшихся на них надежд. Война оказалась для крепостей экзаменом, который они не выдержали.

Следствием военных поражений стало смещение 23 августа великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего. Эту обязанность возложил на себя царь Николай II, человек, возможно, приличный и даже канонизированный, но полководец более чем посредственный, в конце концов приведший Российскую империю к катастрофе.

В середине сентября обе противоборствующие стороны, истощив свои силы, стали закапываться в землю. На этом закончился маневренный период и началась «окопная» война.

В октябре 1915 г. начальник штаба Брест-Литовской крепости генерал-майор Филимонов сдал по описи коменданту Москвы крепостной флаг, штандарт, почетные

ключи от крепостных ворот и остатки знамени 151-го Пятигорского пехотного полка.

Немецкая оккупация Брест-Литовска продолжалась до февраля 1919 г. Немцы приступили к наведению «порядка» и ликвидации следов разрушения. Решалась это задача весьма своеобразно: обыскивались дома и руины. Все, что имело хоть какую-то ценность, сортировали, грузили в вагоны и отправляли в Восточную Пруссию. Захватчики грабили планомерно и методично. «Очистив» его от материальных ценностей, они приступили к разборке зданий и вывозу кирпичей. Взамен немцы построили полевую позицию на востоке крепости, которая состояла из связанных между собой бетонных укрытий.

В момент прихода в Брест-Литовск немецких войск в нем оставалось не более нескольких десятков жителей. Однако в начале сентября в обезлюдевший город стали постепенно возвращаться местные жители, уклонившиеся от эвакуации или перебравшиеся через линию фронта обратно в родные места. За три последующих года количество горожан выросло до семи тысяч.

Рядом с остатками городской застройки немцы возвели бараки, вышки, магазины, превратив Брест-Литовск в тыловой склад кайзеровской армии. Германские тыловые службы первыми воспользовались холодильником, построенным штабс-капитаном В.М. Догадиным. Полностью готовое здание при оставлении крепости русскими не минировалось, новое оборудование осталось практически неповрежденным. Отдельные части оккупационных войск дислоцировались в крепости, где перестроили казармы и здания госпиталя.

5 ноября 1916 г. блок Центральных держав провозгласил независимость Польши в границах Царства Польского. Поляков, выступивших против России с оружием в руках в составе австро-венгерской армии, это не устраивало. Вскоре вождь легионеров Юзеф Пилсудский и

его офицеры были арестованы, часть из них содержалась в казематах форта «Граф Берг».

В марте 1917 г. царь Николай II отрекся от престола, но Временное правительство подтвердило свои обязательства перед союзниками и намерение сражаться до победного конца. В конце марта Россия признала независимость Польши в рамках польсконаселенных территорий.

Летом 1917 г. Германия, воевавшая на два фронта и задыхавшаяся в тисках морской блокады, остро нуждалась в подписании мирного договора с Россией. Доведенная до истощения Австро-Венгрия стояла на грани голода. 19 июля немецкий рейхстаг большинством голосов принял резолюцию о мире. В ответ Вильгельм II выразил депутатам свое неудовольствие и заявил, что мир состоит в том, чтобы «взять у врага деньги, сырье, хлопок, масло и из их кармана переложить в наш карман». Кайзер внимательно следил за событиями, происходившими в России, не теряя надежды, что они примут благоприятный оборот, и большевистские лидеры сумеют реализовать свои планы, а заодно и воплотить в жизнь тайные договоренности с германскими властями.

Сегодня ни для кого не секрет, что революция в России делалась на немецкие деньги (наряду с ленинцами рейхсбанк финансировал и другие партии, которые желали поражения собственной стране), а в знаменитом «запломбированном вагоне» через территорию Германии в Петроград прибыли не только русские революционеры, но и офицеры германского генштаба.

25 октября в Петрограде произошел организованный большевиками переворот. Власть в стране перешла в руки леворадикальных партий, сформировавших Совет Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным, который считал заключение мирного договора с Германией первостепенной задачей. Уже 7 ноября исполнявший

обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, находившийся в Могилеве, получил приказ немедленно начать переговоры о перемирии с командованием австро-венгерских войск. На следующий день Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, предлагая начать мирные переговоры. Не дожидаясь ответа Антанты, 9 ноября Совнарком сместил саботировавшего указания большевиков главнокомандующего, назначив на его место прапорщика Н.В. Крыленко. Через десять дней генерал Н.Н. Духонин был растерзан «революционными солдатами». Еще долгое время, убивая офицеров, говорили: «Отправить к Духонину». Одновременно во все корпуса и дивизии были направлены телеграммы, призывавшие солдатские массы через головы командиров начать переговоры о перемирии на отдельных участках фронта и организовать братание с противником.

Дело тут вовсе не в каких-то обязательствах большевиков. Ленину «мирная передышка» нужна была не меньше, чем Германии, чтобы как можно быстрее укрепить свою власть в огромной стране, сломать старый государственный аппарат, развалить армию, создать новые силовые структуры для борьбы с внутренней «контрреволюцией». Нужны были хаос и гражданская война. Естественно, суть происходящего маскировалась демагогическими лозунгами о «революционном мире» и призывами к пролетариату воюющих стран «взять дело мира в свои руки».

Таким образом, цели председателя Совнаркома В.И. Ленина и кайзера Вильгельма II на этом этапе идеально совпадали. Берлин согласился на переговоры не мешкая. Мир с Россией даже без «хлопка и масла» позволял Германии перебросить на Западный фронт до 80 дивизий. Совнарком обратился к странам Антанты с предложением присоединиться к переговорам, обещая оказать

«полную поддержку рабочему классу каждой страны, который восстанет против своих национальных империалистов, против шовинистов, против милитаристов под знаменем мира, братства народов и социального переустройства общества». Ответа не последовало, поскольку для Антанты победа была очевидной, учитывая вступление в войне на ее стороне Северо-Американских Штатов.

19 ноября русская делегация перешла линию фронта. В ее состав входили А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников, Л.М. Карахан, А.А. Биценко, С.Д. Масловский-Мстиславский и ставшие на долгие годы неизменным советским «брендом» рабочий П.А. Обухов, крестьянин Р.И. Сташков, солдат Н.К. Беляков и матрос Ф.В. Олич. 2 декабря в Брест-Литовске было подписано соглашение о перемирии на двадцать восемь дней. Немцы немедленно стали перебрасывать свои войска на запад.

9 декабря начались сепаратные переговоры с Германией и ее союзниками. Делегацию Германии возглавляли статс-секретарь иностранных дел Рихард фон Кюль-

Прибытие русской делегации в Брест-Литовск, декабрь 1917 г.

ман и начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман, Австро-Венгрии — министр иностранных дел граф Оттокар Чернин, Болгарии — министр юстиции Попов, делегацию Турции — великий визирь Талаат-паша. Брест-Литовск на некоторое время стал центром европейской политики, так как здесь находилась резиденция генерал-фельдмаршала Леопольда Баварского, осуществлявшего непосредственное руководство германскими войсками на Восточном фронте. Заседания проходили на территории крепости в здании Инженерного управления, а затем в Белом дворце.

Глава советской делегации Адольф Иоффе, имевший установку затягивать процесс переговоров как можно дольше, предложил заключить всеобщий мир без аннексий и контрибуций. В ответной декларации от 12 декабря союзники заявили, что совершенно с этим согласны и готовы «заключить общий мир без насильственных присоединений и контрибуций», если на эти условия согласятся все причастные к войне державы. Иоффе, пораженный неожиданной покладистостью оппонентов, предложил немедленно связаться с Антантой, сообщить о согласии Германии на демократические условия мира и поинтересовался у Гофмана, в какие сроки немцы могут очистить оккупированные ими территории Польши, Литвы, Латвии и Западной Беларуси. Генерал ответил, что не собирается отводить немецкие войска ни на миллиметр, поскольку занятые части «бывшей Российской империи» служат Германии базой для ведения войны на Западном фронте, а потому до всеобщего мира они не могут быть очищены.

Как вспоминает Гофман, он выразил «искреннее» недоумение по поводу озабоченности советского правительства территориальным вопросом, дав понять, что большевиков он совершенно не касается: «...если части прежнего русского государства добровольно и по реше-

Белый дворец. Снимок 1914 г.

нию законных учреждений выскажутся за выделение из состава русского государства и за присоединение к Германской империи или к какому-либо иному государству, то это не является насильственной аннексией. Основания для этого взгляда высказали ведь сами русские правители в их декларациях о праве наций на самоопределение народов в отдельных государствах. Этот случай как раз подходит Польше, Литве и Курляндии. Представители этих трех народов заявили о своем выходе из состава русского государства. Поэтому центральные державы не считают аннексией определение дальнейшей судьбы этих трех государств путем непосредственного сношения с их представителями, без участия русских властей. Иоффе был совершенно ошеломлен». Не найдя достойного ответа, русская делегация 15 декабря заявила, что ни на какие уступки не пойдет и уехала из Бреста.

Предательство своих союзников и сепаратный сговор с врагами вызвали возмущение в российском обществе. В газете «Русь» отмечалось: «В.И. Ульянов-Ленин вполне оплатил Германии за бесплатный проезд в гер-

манском запломбированном вагоне. Он вместе со своими соратниками заплатил ей кровью, кровью тысяч русских граждан, слезами жен и матерей, разрушенной Москвой и тысячами ужасов, весьма приятных немецкому сердцу». Выдвинутые немцами условия, означавшие потерю 150 тысяч квадратных километров территории страны, были настолько позорными и грабительскими, что даже в стянутой обручем железной дисциплины партии большевиков возникла непримиримая оппозиция Ленину, предлагавшая вместо заключения мира вести революционную войну с «империалистическими хищниками». Правда, это уже было чистой воды доктринерством.

Царская армия, к этому времени распропагандированная революционными агитаторами и дезорганизованная декретами «О мире» и «О земле», реальной военной силы не представляла. Войска полками оставляли фронт, солдаты возвращались домой делить землю, громить помещичьи усадьбы, сжигать полицейские участки, экспроприировать экспроприаторов, обеспечивая тем самым «триумфальное шествие Советской власти». Для создания новой армии ничего еще не было сделано. В конце концов ЦК большевиков принял решение затягивать переговоры, преследуя этим две практические цели. Во-первых, в Петрограде надеялись на быстрое развитие революции в Европе. Во-вторых, планировалось развернуть пропагандистскую кампанию с целью защитить партийных лидеров от обвинений в продаже интересов России за немецкие деньги, внушить широким массам, что власть упорно сопротивляется требованиям Германии, а заключаемый мир носит вынужденный насильственный характер.

21 декабря немецкая сторона в категорической форме предложила в трехдневный срок прислать представителей в Брест-Литовск, угрожая в противном случае

прекратить переговоры. 27 декабря мирная конференция возобновилась. Возглавивший русскую делегацию нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий, выполняя партийные установки, развернул дискуссию по вопросу о самоопределении наций. На заседаниях нарком пламенно разоблачал «лицемерно демократический покров германских условий», вел революционную агитацию с целью «сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату». Эти речи немедленно разносились в листовках, газетах, телеграммах. Внимательно выслушав все «разоблачения», генерал Гофман 5 января 1918 г. подтвердил прежние условия: западная граница должна проходить по линии Рига, Двинск, Брест-Литовск, отсекая от бывшей империи Польшу, Литву, часть Латвии и Беларуси. При этом «будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия.

«Практически дело сводится к тому, — констатировал Троцкий, — что правительства Германии и Австро-Венг-

Делегации Германии и Австро-Венгрии после заседания.

рии берут в свои руки управление судьбами названных народов». Большевикам же хотелось взять управление в свои руки — вот и вся суть «вопроса о самоопределении наций». К примеру, когда граф Чернин спросил у Льва Давидовича, признает ли он, что украинцы самостоятельно могут вести переговоры о своей границе с австрийцами, тот ответил резко отрицательно. В перерывах между заседаниями Троцкий успел надиктовать воспоминания об Октябрьском перевороте и вместе с Каменевым съездил в Петроград, где вершились интересные дела вроде разгона Учредительного собрания и проведения III съезда Советов. Периодически в Брест приезжали партийные товарищи, военспецы из Ставки и российского Генштаба, консультанты по национальному вопросу.

К этому времени в Брест-Литовск для заключения отдельного мира прибыли представители объявившей себя «самостийною и вольною державою» Украинской Народной Республики во главе с Голубовичем, с которыми завязался серьезный и плодотворный диалог. Троцкий, признав вначале полномочия украинской делегации, вскоре убедился, что она не собирается выступать «единым фронтом» с большевиками. Тогда русская делегация поспешила заявить, что, в принципе не отрицая за Украиной права на самоопределение, она оспаривает это право за Центральной Радой «как не представляющей мнение рабоче-крестьянских масс». Немцы и австрийцы, естественно, охотно откликнулись на притязания украинцев быть признанными ради подписания выгодного договора. Белорусская делегация во главе с Цвирковичем и Рак-Михайловским к переговорам допущена не была. Белорусский вопрос не рассматривался, поскольку независимая Беларусь не нужна была ни одной из сторон.

27 января был подписан сепаратный мир между Ук-

раиной и державами Центрального блока, по которому Брестчина и Полесье становились украинскими землями, а в голодающую Австро-Венгрию направлялись тысячи вагонов с продовольствием.

Вот теперь фон Кюльман объявил русской делегации, что оглашенные ранее условия мира являются окончательными, и предложил дать ответ в течение суток. Троцкий имел с Лениным уговор: «Мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем». Однако ставить свою подпись под столь унизительным историческим документом «демон революции» не захотел. 28 января неожиданно для всех он опубликовал декларацию о том, что Советская республика прекращает военные действия, демобилизует армию, но мир подписывать не будет, и подал в отставку. В тот же день главком Н.В. Крыленко издал приказ о демобилизации, хотя американские представители и обещали бывшему прапорщику заплатить по 100 рублей за каждого русского солдата, который останется на фронте. Советская делегация покинула Брест-Литовск и убыла в Петроград, правда, не вся. Большинство военспецов попросили политического убежища у Германии.

В полдень 18 февраля (напомним, что по ходу описываемых событий в России перешли с юлианского на григорианский календарь, поэтому февраль 1918 г. начался с 14-го числа) после завершения официального срока перемирия кайзеровские войска общим числом 52 дивизии и 13 бригад перешли в наступление по всему фронту от Рижского залива до устья Дуная. Не встретив никакого сопротивления, двигаясь в походных колоннах, немцы заняли Двинск, Полоцк, Минск, вступили в Крым, подошли к Петрограду, захватили огромное количество орудий, боеприпасов и снаряжения. Генерал Гофман определил эту кампанию как «самую комичную войну», в которой ему приходилось участвовать: «Малая

группа пехотинцев с пулеметом и пушкой на переднем вагоне следует от станции к станции, берет в плен очередную группу большевиков и следует далее».

Убедившись, что немцы вполне боеспособны и могут беспрепятственно промаршировать до Петрограда, большевистское ЦК после острой дискуссии с «левыми коммунистами» приняло решение о заключении мира на условиях, выдвинутых Германией. Однако, получив согласие Советского правительства, немцы наступления не прекратили. Взяв Псков, они утром 23 февраля выдвинули еще более жесткие требования, дав на раздумье 48 часов. На это время кайзеровская армия приостановила наступление, поскольку свергать большевиков — собственных ставленников — было бы политической бессмыслицей (что послужило позже поводом объявить 23 февраля Днем рождения РККА, «остановившей немецкое продвижение под Псковом и Нарвой»). Угрожая своим уходом из ЦК и правительства, Ленин вырвал у несговорчивых соратников согласие на подписание «похабного мира».

24 февраля ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли условия ультиматума. 1 марта началась последняя сессия брест-литовских переговоров. На заседании выявилось дальнейшее ухудшение условий мира, но на этот раз русская делегация имела четкую инструкцию подписать все без обсуждения. 3 марта 1918 г. на территории крепости в здании Белого дворца был подписан мирный договор между Советской Россией, которую на этот раз представляли Г.Я. Сокольников, Г.В. Чичерин, Г.И. Петровский, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией — с другой. Договор, ратифицированный IV Всероссийским съездом Советов 15 марта и Германским военным советом 17 марта, утвержденный германским императором Вильгельмом II 26 марта, вступил в силу.

Согласно этому договору от России отходили Польша, Литва, Латвия, Эстония. В руках немцев оставались районы, которые к моменту подписания договора были заняты немецкими войсками. На Кавказе Турция получила Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. Россия, таким образом, теряла территорию площадью около 800 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек, а по дополнительному соглашению, заключенному в августе, должна была выплатить Германии контрибуцию в 6 миллиардов марок и заключить мир с правительствами Украины и Финляндии. Отдельным брестским трактатом между Германией и УНР, белорусское Подлясье, Брестчина и Полесье передавались Украине. Для белорусов, чаяния которых мало интересовали высокие договаривающиеся стороны, это был лишь очередной раздел их земли между Германией, Россией и Украиной.

Г.Я. Сокольников (1888—1938), председатель русской делегации, подписавший Брестский мир.

Брестский мир помог большевикам, как говорил Ленин, «завоевать страну» и удержаться у власти в самое трудное для них время. Следствием этого для России стали гражданская война, международная изоляция и дорога в тупик под знаменем марксизма-ленинизма длиной в 80 лет и ценой в десятки миллионов жизней.

Странам Четвертого союза договор развязал руки и дал ресурсы для продолжения войны на Западе, но это всего лишь продлило агонию. В июле 1918 г. началось

решительное наступление Антанты, и в ноябре Первая мировая война закончилась. В Германии разгоралась революция, в результате которой был свергнут Вильгельм II, вслед за этим рухнула Австро-Венгерская империя. 13 ноября ВЦИК аннулировал Брест-Литовский договор, 10 декабря Красная Армия заняла Минск, где было объявлено о восстановлении советской власти и создании Военно-революционного комитета.

Утрата Россией польских земель по результатам Брестского мира, декрет Советского правительства об аннулировании всех царских трактатов, поражение Германской и Австро-Венгерской империй создали предпосылки для того, чтобы на карте Европы вновь появилось польское государство. В ноябре 1918 г. в оставленном австрийцами Люблине возник Регентский Совет, который 10 ноября назначил временным «начальником государства» Юзефа Пилсудского. Главной его целью было возрождение независимой и сильной Речи Посполитой в границах 1792 г. Антанта оказывала полякам энергичную помощь в создании национальных вооруженных сил. По всей стране началось разоружение и изгнание немцев. 9 февраля 1919 г. польские отряды из 22-го пехотного полка оперативной группы генерала Антония Листовского и уланы из Виленской самообороны ротмистра Ежи Домбровского с боем вошли в Брест-Литовск.

С востока вслед на уходившими немцами двигались части Красной Армии, которые устанавливали советскую власть на территориях, ранее входивших в состав Российской империи. За короткий промежуток времени советскими стали 250 волостей и 13 уездов, на очереди были Гродно, Волковыск, Кобрин и Брест-Литовск. На почве проводимой советизации, глубоких политических разногласий и антибольшевистских мятежей в Беларуси с 1919 г. начались острые конфликты, переросшие затем в вооруженные столкновения между созданным 27 фев-

раля по инициативе Москвы буферным государством — Литовско-Белорусской ССР со столицей в Вильно и Польшей. Из внешнеполитических соображений В.И. Ленин хотел представить дело таким образом, что имеет место не спор между Польшей и Россией за обладание белорусскими землями, которые каждая сторона считала своими, а «преступная агрессия на суверенитет и независимость белорусского народа». В течение весны—лета 1919 г. польские войска, тесня Красную Армию, стремившуюся на запад, захватили Минск, Слуцк, Борисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачев. К началу сентября фронт стабилизировался по линии реки Березина. Пилсудский ослабил нажим и дал понять Москве, что победа Белого движения не в интересах Польши, тем самым предоставив большевикам возможность воплотить в жизнь ленинский лозунг «Все на борьбу с Деникиным».

Брест-Литовская крепость в этот период стала местом формирования самых различных национальных частей, готовых сражаться на польской стороне: украинских, белорусских, российских, казацких. С апреля 1920 г. в «красных казармах» рядом с фортом «Граф Берг» дислоцировался отряд Станислава Булак-Балаховича, в сентябре с санкции Первого Маршала Польши развернутый в Белорусскую народную армию.

21 апреля 1920 г. в Варшаве был подписан договор с Симоном Петлюрой, по которому его правительство признавалось единственной законной властью на Украине, а взамен уступало Польше восточную Галицию до рубежа реки Збруч. Через два дня была заключена военная конвенция о совместных действиях польской и украинской армий. 25 апреля поляки начали новое наступление. Армии Южного польского фронта под командованием Пилсудского прорвали на Украине советский Юго-Западный фронт, которым командовали А.И. Егоров и И.В. Сталин, в течение трех дней заняли Жито-

мир, Казатин, Жмеринку и ряд других населенных пунктов. 6 мая они взяли Киев и на широком фронте вышли к Днепру, захватив плацдармы на его восточном берегу. Месяц спустя прибывшая на Юго-Западный фронт 1-я Конная Армия С.М. Буденного мощным контрударом из района Умани проломила польский фронт и 12 июня освободила Киев. Легионеры и петлюровские гайдамаки, несмотря на подкрепления, переброшенные из Беларуси, столь же стремительно покатились обратно на запад.

4 июля, получив 200 тысяч человек пополнения, из которых более 100 тысяч составляли отловленные по деревням дезертиры, начали знаменитый поход на Вислу войска Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского. «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!... Варшаву — марш!» — гласил приказ «бойцам рабочей революции». Командующему фронтом вторил Реввоенсовет 16-й армии: «Сильней удар — и враг исчезнет. Погибнет свора панских псов. Лучи свободы проникнут в царство тьмы, и польский пролетарий вас встретит с радостью, как братьев».

В результате бегства польских войск на юге оголился фланг Северного фронта генерала С. Шептыцкого, и он отводил свои армии на линию старых немецких позиций, практически не принимая боя. Уже 11 июля Красная Армия заняла Минск, 14 июля — Вильно, 19-го — Барановичи и Гродно, а 23-го — Пинск. В этот день войскам Западного фронта была поставлена задача «нанести противнику окончательное поражение и не позже 12 августа овладеть Варшавой».

Пилсудский старался выиграть время, чтобы решить «проблему Буденного», планируя задержать наступление противника по линии Нарева и Буга, куда направлял спешно формируемые резервы. Оборона Брест-Литовска

была поручена командующему Полесской группой генералу Владиславу Сикорскому. Он рассчитывал продержаться в Брестской крепости не менее десяти дней. Однако атакованный тремя стрелковыми дивизиями 16-й армии Н.В. Сологуба, не простоял и суток.

В своих мемуарах генерал вспоминал: «1 августа в послеобеденное время советские войска, усиленные подкреплением, начали концентрическую атаку Брестской крепости... Первоначально был отражен штурм по всей линии красных войск, атакующих старинным русским способом несколькими рядами. Однако следующих атак не выдержал форт Речица, укомплектованный в основном маршевым батальоном... Бой длился до поздней ночи по участку внешней линии фортов. Не выдержал его истощенный 32-й пехотный полк, через участок которого большевики вторглись в город».

Сломив упорное сопротивление противника, в Брест-Литовск около 23 часов ворвались части 2-й и 10-й стрелковых дивизий, немедленно приступившие к форсированию Буга. В приказе Реввоенсовета РСФСР о награждении орденом Красного Знамени комдива-2 Лонгвы Романа Войцеховича говорилось: «В ходе стремительного преследования отходившего неприятеля части 2-й дивизии, воодушевляемые своим начдивом, после упорного и ожесточенного боя и взятия нескольких укрепленных полос и фортов овладели (совместно с частями 10-й дивизии) г. Брест-Литовском, захватив многочисленные трофеи, в том числе один неприятельский бронепоезд».

Пилсудский об этих событиях писал: «Безусловно, падение Бреста, на который я так надеялся, произвело на меня сильное и глубокое впечатление, таким оно было неожиданным». Немедленно был учрежден Брест-Литовский уездный ревком. Первым его председателем стал начальник политотдела 57-й стрелковой дивизии Мо-

зырской группы войск Александр Угаров, комиссаром Брестской крепости — Матвей Хавкин.

Красные полки рвались к Висле, однако польский пролетарий «братьев» не признал. «Ревкомы приволжских и донских дивизий прокламировали советскую власть по-русски и на жаргоне... Для большинства поляков вопрос выглядел просто: сначала Польша, а потом посмотрим — какая», — вспоминал участник событий.

Советская власть просуществовала в Бресте 18 дней. Увлеченный стремительным движением к Варшаве, уверенный, что противник разбит и деморализован, Тухачевский просмотрел концентрацию польских войск на своем левом фланге. В результате последовавшего 16 августа сокрушительного контрудара вдоль оси дороги Варшава — Брест-Литовск Западный фронт развалился. Понеся огромные потери, Красная Армия оставила территорию Польши и Западную Беларусь. 19 августа польские войска вновь заняли Брест-Литовск, а в октябре ворвались в Минск. Крепость стала концентрационным лагерем для тысяч пленных красноармейцев. Содержались они в нечеловеческих условиях, большинство из них погибли от голода, холода и издевательств.

Бывший красноармеец Н.П. Антонюк вспоминал: «В августе 1920 г. в плен попало к белополякам 19 тыс. красноармейцев, в том числе и я. Пленных разместили в Брестской крепости. Они практически все умерли от голода и холода. Над пленными очень издевались. Страшно об этом вспомнить. Запрягали людей в повозки вместо лошадей, зимой их оставили в летней одежде. Укрывались зачастую пленные от холода мешком, если он был, застежкой служил гвоздь. Кормили нас мерзлой брюквой. Люди умирали тысячами, их трупы не успевали закапывать...» По советским данным, в польских лагерях погибло таким образом около 55 тысяч человек.

«Так кончается эта блестящая наша операция, кото-

рая заставляла дрожать весь европейский капитал...» — с неподражаемым апломбом писал «выдающийся стратег» М.Н. Тухачевский, потерявший в этом походе только пленными и интернированными около 130 тысяч своих бойцов и почти всю артиллерию. Потеря такого количества войск, да еще ввиду начавшегося наступления Врангеля, поставили Советское правительство в безвыходное положение: выбив поляков из Минска, оно вынуждено было пойти на переговоры.

18 марта 1921 г. между РСФСР, УССР и Польшей был подписан Рижский мирный договор, разорвавший Беларусь на две части и закрепивший территорию Западной Беларуси в составе второй Речи Посполитой.

ПОЛЬСКИЙ ГАРНИЗОН

Брест стал столицей Полесского воеводства и, как в прошлые века, вновь поднимался из руин. С 1919 по 1931 г. численность населения увеличилась с 7 до 40 тысяч человек. В городе насчитывалось 4414 жилых домов, главным образом деревянных в стиле «баракко». Только три здания были трехэтажными. Зато появилась городская электростанция, а на центральных улицах — водопровод и канализация. В ежегоднике за 1930 г. сообщалось: «...Живет Брест с войска и чиновников. Трудно было бы назвать его промышленным городом... Вряд ли где-либо можно встретить город, насчитывающий более 1000 лет и не имеющим ничего, чтобы напоминало эту древность. Брест — город без традиций, без следов прошлого».

Фортификациями крепости занимались военные. Приказом по Министерству Вооруженных сил 1 августа 1921 г. был создан генеральный военный округ Брест-Литовский. Первым его командующим стал генерал Франтишек Краевски. В 1922 г. территория Польши была разделена на десять корпусных округов, одним из которых стал округ корпуса № IX, названный Полесским. Штаб корпуса располагался в городе, который 12 ноября 1923 г. переименовали в Брест-над-Бугом.

В состав корпуса входили части Белостокского и Новогрудского воеводства, северная часть Люблинского и большая часть Полесского воеводств. Он граничил с ок-

ругами Варшава, Люблин и Гродно, на востоке достигал советско-польской границы. На территории округа дислоцировались 9, 20, 30-я пехотные дивизии и 9-я кавалерийская бригада, с частями усиления и обеспечения.

Командование ОК № IX имело в своем подчинении 11 районных вспомогательных командований, 9-й окружной военный госпиталь и 9-й окружной военный суд, районный суд, прокуратуру и следственную тюрьму. В Пинске базировалась речная военная флотилия, насчитывавшая 102 боевые и вспомогательные единицы.

Вдоль советско-польской границы на территории округа дислоцировались бригада корпуса пограничной стражи «Полесье» и полк пограничников «Снув» (шесть батальонов, три кавалерийских эскадрона и артиллерийская батарея). Пограничники подчинялись командованию в Варшаве.

Самым крупным гарнизоном округа являлся Брест-над-Бугом. С 1921 по 1927 г. Брестская крепость именовалась «Укрепленным лагерем Брест», которым командовал генерал Леон Биллевич. Комендантами гарнизона были генерал Михаил Петр Милевски (до 1927 г.), подполковник Мечислав Вэнжин (до 1937 г.) и подполковник Станислав Гебултович (до 12 сентября 1939 г.).

В крепости и городе размещались два пехотных полка, полк легкой артиллерии, дивизион жандармерии, а также: бронетанковый батальон с автомобильным дивизионом, батальон связи, саперный, санитарный и обозный батальоны.

Пять лет войны довели крепостные сооружения до полного разорения. Их целенаправленно рвали динамитом при отступлении, они подвергались артиллерийским обстрелам, горели, разбирались на кирпичи немецкими оккупантами и местными жителями. Восстановительные работы в основном силами польского гарнизона продолжались почти десять лет.

Полубашня оборонительной казармы и Саперная пристань возле Тереспольских ворот, 1929 г.

К этому периоду относится легенда о Бессменном Часовом...

Когда в августе 1915 г. Брест-Литовская крепость была оставлена русской армией, среди других оказался невывезенным большой склад. Он находился в подземных казематах вблизи одного из фортов. Здесь хранились запасы продовольствия и солдатского обмундирования. Складом ведал некий полковник интендантский службы. Получив приказ немедленно взорвать подземные казематы, он заявил командованию, что этого не следует делать: поскольку окрестное население не знает о его существовании, достаточно будет лишь взорвать вход в подземелье. Предложение полковника было принято. Саперы поспешно заложили динамит и произвели взрыв, не оставив снаружи никаких следов склада. Через несколько часов в Брест вступили немцы.

Прошли годы. Русские войска в город так и не вернулись, а бывший царский полковник после Гражданской войны очутился на европейских задворках без средств к существованию. В 1924 г. он приехал в Варшаву и предложил польскому правительству купить

тайну местонахождения подземного склада. Сделка состоялась. В Брест была послана воинская команда, которая производя раскопки в указанном месте, довольно быстро наткнулась на свод подземного тоннеля. Первым через пробитую дыру в него спустился польский унтер-офицер с факелом. Но прежде чем он успел сделать несколько шагов, из темной глубины тоннеля прозвучал окрик: «Стой! Кто идет?» — и лязгнул затвор винтовки. На посту стоял русский часовой и нес службу в соответствии с воинским уставом.

Лишь после долгих переговоров с польским унтер-офицером и своим бывшим начальником он согласился оставить пост. Это был заросший волосами человек в добротной шинели, почти новых сапогах и с образцово вычищенной трехлинейкой. Оказалось, что девять лет назад его забыли сменить и заживо похоронили в подземелье. Все эти годы солдат надеялся, что русская армия возвратится в Брест и тогда засыпанный склад раскопают. В складе имелись большие запасы сухарей, консервов и других продуктов. Здесь оказались махорка, спички и много стеариновых свечей. В углублениях пола собирался стекавший со стен конденсат. Через узкую вентиляционную шахту в своде тоннеля свободно поступал воздух. Таким образом подземному Робинзону не грозили ни голод, ни жажда, но лишь возможность сойти с ума. Над его головой перемещались фронты, рушились империи, менялись власти — часовой ждал смены.

Каждый вечер, наблюдая в отверстии вентиляционной шахты, гаснущий свет, солдат делал на стене зарубку. Когда наступала суббота, он шел в отсек, где хранилось обмундирование, и надевал чистую пару белья и новые портянки. Грязное белье часовой складывал отдельной стопкой у стены каземата. Пятьдесят две таких стопки означали год жизни в подземелье. Питался

он в основном консервами, а жиром заботливо смазывал винтовку и патроны. Запаса свечей хватило на четыре года, после чего солдат был обречен на вечную темноту. Когда ему помогли подняться наверх, то от яркого солнечного света он мгновенно ослеп. Говорят, из Бреста его отвезли в Варшаву, но вернуть зрение польские врачи не смогли. Позднее он уехал на родину — то ли на Украину, то ли на Дон, и следы его затерялись.

В 1924—1927 гг. история о Бессменном Часовом кочевала по страницам польской и советской печати. Впрочем, различные источники относили ее к разным русским крепостям. Называли Осовец и Ивангород, Ковно и Вильно. Любопытно, что и во Франции после Первой мировой войны появлялись статьи о солдате, на долгие годы замурованном в подземельях Вердена. История старых крепостей, как и старинных замков, неизбежно обрастает легендами.

Сердцем Брестской крепости по-прежнему был Центральный остров. На его территории в восстановленном из руин в 1924—1926 гг. монастыре иезуитов размещались командование и штаб округа. В Белом дворце находилось офицерское казино, гостиница, бальный зал. Для украшения перед входом стояли две старинные чугунные пушки на деревянном лафете. О Белом дворце ходили слухи, что в нем обитает привидение Белой Дамы.

При командовании ОК № IX находилось руководство римско-католического и православного духовенства, охватывавшее своей деятельностью весь округ. Церковь Святого Николая, сильно поврежденная в годы войны, в 1924—1928 гг. была перестроена в костел Святого Казимира по проекту инженера Лисецкого. Украшением костела стали две фрески. Одна была посвящена Грюнвальдской битве. Другая живописала «Чудо на Висле»: на левой стороне польские жолнеры штыками сметали красных, на правой — Юзеф Пилсудский давал указания

своим полководцам, в центре Богородица, окруженная ксендзами и ранеными бойцами благословляла поляков на правое дело. Для выполнения этих работ использовались денежные средства, полученные от продажи открыток с видами крепости и города. Рядом с костелом вырос и домик для ксендза.

Гарнизонный костел.

Дом ксендза, 1928 г.

В кольцевой казарме Цитадели в районе Тереспольских ворот в 1921—1935 гг. дислоцировался 9-й саперный полк. Саперами этого полка были отстроены и отремонтированы разрушенные во время военных действий крепостные объекты. В северо-западной части Центрального острова были построены гаражи для 25 танкеток 4-го бронетанкового батальона. С августа 1921 по сентябрь 1939 г. недалеко от Трехарочных ворот находился 9-й дивизион жандармерии и библиотека. Далее в сторону Белого дворца — помещения Командования артиллерийской группы, отделов фортификации, военного строительства и вооружения. В остальной части кольцевого здания были казармы 30-й телеграфной роты, канцелярия окружного суда, типография, функционировали электростанция и гарнизонная пекарня. Два отсека у Госпитальных ворот были выделены под музей, основанный в 1938 г. офицерами, археологами-любителями. В экспозицию входили стол, за которым был подписан Брестский мир, документы, монеты, предметы обихода, найденные на территории крепости.

Многие названия были изменены. Южный остров, где находились Волынские укрепления, назывался Госпитальным и соединялся с Цитаделью Госпитальными воротами. Здесь в постройках, уцелевших после войны, размещался окружной госпиталь, жилые здания офицеров и подофицеров санитарного батальона, дом для медсестер. Напротив госпиталя был разбит гарнизонный огород с двумя теплицами. С острова через Хелмские (Южные) ворота дорога вела на Влодаву, Хелм и Ковель.

На Западном острове, густо засаженном деревьями и в память о русских воздухоплавателях получившем название Авиационного, располагались дома для семей подофицеров, в основном саперов. Остров пересекала дорога от Саперских (Тереспольских) ворот до проезда через оборонительные валы, ведущего в Тересполь и к

Ворота окружного госпиталя на Волынском укреплении, 1934 г.

Госпитальные ворота Цитадели, 1934 г.

шоссе на Варшаву. В ноябре 1938 г. здесь работала специальная комиссия, обсуждавшая план создания на Авиационном острове главной базы военной речной флотилии, которая должна была переместиться сюда из Пинска.

В Кобринском укреплении в бывшем монастыре бригиток, огороженном от внешнего мира высокой стеной, в 1921 г. была открыта военная следственная тюрьма; ее последним польским комендантом был капитан Юлиан Збышински. Осенью 1930 г. в «Бригитках» под усиленной охраной были изолированы 21 политический деятель из рядов правительственной оппозиции, арестованные по приказу диктатора Ю. Пилсудского (к слову, называвшего основной закон страны «конституткой») и обвиненные в «злоупотреблении демократией» и подготовке государственного переворота. В крепостных застенках с депутатами и сенаторами не церемонились. «В ночь с 9 на 10 октября, — писал депутат Сейма Адам Прухник, — ввели Попеля в темную комнату; один из жандармов схватил его за голову, другой за ноги, после чего повалили его на стол, положили на копчик мокрое полотенце и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом... Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен «радоваться, что так легко отделался, в следующий раз Маршал Пилсудский распорядится пустить пулю в лоб». Чего не сделаешь ради победы на выборах и «спасения страны». Хотя судебное разбирательство, начавшееся 26 октября 1930 г., проходило в Варшаве, громкий процесс был назван Брестским.

Кроме тюрьмы, на Северном острове располагались дома семей офицеров и кадровых сержантов, почта, магазины, парикмахерская и обувная мастерская, школа-семилетка, стадион, теннисные корты, за которыми зимой заливали каток. Остров пересекали две улицы — Аллея 3 Мая и улица Маршала Юзефа Пилсудского. В западной части располагались две двухэтажные серого кирпича казармы 30-го полка легкой артиллерии, построенные в 1933—1935 гг., пороховой склад, орудийная и конюшни на четыре батареи.

Следственная тюрьма, бывший монастырь бригиток.

Из Цитадели на территорию Кобринского укрепления можно было выйти через Штабные (бывшие Кобринские) и Бригитские (Белостокские) ворота. Северный остров соединялся с городом Бельскими (Северо-Западными), Брестскими (Северными) и Кобринскими (Восточными) воротами. Между Бельскими и Брестскими воротами по внешней стороне рва и вала было устроено гарнизонное кладбище, где хоронили военных и членов их семей.

В форту «Граф Берг», переименованном в форт Сикорского, до осени 1933 г. располагался дивизион 9-го полка тяжелой артиллерии, затем дивизион легкой артиллерии, пéред самой войной — взвод связи 30-го легкоартиллерийского полка. Форты внутреннего кольца использовались как войсковые склады. Внешние форты, в подавляющем большинстве своем разрушенные и разоренные, использовались для учений гарнизона, а в заполненных водой рвах купались и ловили раков.

Объекты Брестской крепости охранял специальный караульный батальон, который отвечал и за порядок внутри крепости.

В состав Брестского гарнизона входили также 35-й и 82-й пехотные полки, располагавшиеся в каменных двухэтажных казармах имени Юзефа Пилсудского в районе Граевки (ныне улица Красногвардейская). На улице 3 Мая (ныне Пушкинская) находились здания военного интендантства, казармы танкистов имени генерала Йозефа Галлера, ремонтные мастерские 4-го бронетанкового батальона и 9-го автомобильного дивизиона. Отдельные подразделения этих воинских частей располагались в крепости.

В 1936—1938 гг. на расстоянии около 7 км от Бреста по Ковельскому шоссе был сформирован военный центр подготовки специалистов противовоздушной и противохимической обороны, названный Траугуттово (ныне Южный городок). Здесь же располагался 9-й дивизион зенитной артиллерии и школа подхорунжих.

С повышением мобильности войск, развитием авиации и совершенствованием военной техники Брестская крепость как военно-оборонительный комплекс полностью утратила свое прежнее значение. Последний комендант планировал, к примеру, снести восточную часть кольцевой казармы «с целью получить перспективу и красивый вид на разветвление Мухавца». Крепость стала теперь чем-то вроде военного поселка, имеющего кроме казарм все типичные для небольшого городка общественные учреждения.

Здесь было все необходимое для повседневной жизни: костел, школа, госпиталь, гостиница, водоснабжение, канализация, электростанция, освещение улиц, дороги для транспорта и тротуары для прохожих, парк, скверы, кинотеатр, спортплощадка, библиотека, радио, почта и собственный магистрат. В крепости проживали семьи офицеров и вольнонаемных. Первоначально многие квартировались в городе, но жилья не хватало. Поэтому было принято решение о строительстве домов для

Жилой дом командного состава на Кобринском укреплении.

офицеров на Кобринском укреплении. Рядом с домами разбивали огороды. Еще в 1921 г. была создана садоводческая часть для озеленения и окультуривания территории крепости.

Сближал и объединял семьи военнослужащих спорт и совместное проведение досуга. Офицеры вносили плату в размере двух злотых. Их домочадцы пользовались спортплощадкой, посещали секции конного спорта, стрельбы, гимнастики, гребли, тенниса, зимой — каток. В 9-м саперном полку с 1922 г. существовала легкоатлетическая секция. В 1926 г. солдатами этого полка была построена пристань к берегу Буга у Саперских ворот, где проводились традиционные праздники Ивана Купалы. Каждое подразделение готовило макет сказочного или исторического события, факта или героя. Парад на плотах и лодках двигался по реке, завершалось все фейерверком. На эти праздники в крепость приезжали жители Бреста. В зале Белого дворца часто ставили спектакли приезжие театры, проходили концерты, балы и детские

82-й пехотный полк на плацу Северного городка.

праздники, а на верхней террасе Госпитальных ворот устраивались «перкальные дансинги».

Связь с городом осуществлялась с помощью узкоколейки. Маршрут ее проходил по улице Люблинской унии (ныне улица Ленина) от здания воеводского управления (современное здание облисполкома) до улицы Ново-Ягеллонской, а от нее — непосредственно до станции в Цитадели. В крепость ездили служащие и рабочие. Горожане за небольшую плату могли совершить экскурсию по ее территории.

Постоянно в крепости проживали около 4000 человек, в том числе 250 семей офицеров. В октябре 1931 г. Брест-над-Бугом посетил маршал Пилсудский, встреченный с полагающейся по такому случаю торжественностью. В крепости в здании командования округа состоялось совещание высшего командования Войска Польского.

В целом обитатели крепости жили размеренной жизнью провинциального тылового гарнизона.

СЕНТЯБРЬ 1939 ГОДА

В марте 1938 г. гитлеровская Германия присоединила к себе Австрию, а в октябре того же года оккупировала чешские Судеты. Польское правительство, проводившее антисоветскую политику, активно участвовало в расчленении Чехословакии на паях с Гитлером.

21 марта 1939 г. Германия в ультимативной форме потребовала от Польши присоединения к Рейху города Данцига (Гданьска) и права строительства экстерриториальной коммуникационной трассы через польское Поморье в Восточную Пруссию. Правительство Польши отклонило эти требования. В середине марта 1939 г. Германия оккупировала Чехию и Моравию, а 23 марта подразделения вермахта заняли Клайпеду.

В связи с надвигающейся угрозой в Польше была объявлена частичная мобилизация. Командующий округом № IX генерал Франтишек Клебэрг получил приказ вывести ближе к германской границе и развернуть 9, 20 и 30-ю пехотные дивизии, 9-ю кавалерийскую бригаду, 4-й бронетанковый батальон, бригаду корпуса погранстражи и полк «Снув». В период с 23 по 26 марта почти все части округа переместились в новые районы дислокации. Их место заняли резервные и запасные части.

11 апреля Гитлер утвердил директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.». Таким образом, в Германии началось конкретное планиро-

вание войны с Польшей, которая по замыслу должна была остаться локальным конфликтом.

Задачи вермахта в операции, получившей кодовое обозначение «Вейс», были изложены в директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию сухопутных войск от 15 июня 1939 г. Цель операции состояла в том, чтобы концентрическими ударами из Силезии, Померании и Восточной Пруссии разгромить главные силы польской армии западнее линии рек Висла и Нарев. Общая задача сводилась к тому, чтобы осуществить охват польской армии с юго-запада и северо-запада с ее последующим окружением и разгромом. Операции германских войск должны были развиваться стремительно, в соответствии с концепцией «блицкрига», чтобы сорвать мобилизацию и развертывание польских вооруженных сил.

Для достижения поставленной цели были созданы две группы армий. В Померании и Восточной Пруссии развертывалась группа армий «Север» генерал-полковника фон Бока в составе 3-й и 4-й армий. Ее ближайшей задачей являлась занятие «польского коридора», обеспечение связи с Восточной Пруссией и нанесение смыкающихся ударов восточнее Вислы в общем направлении на Варшаву. В Силезии и на территории Чехословакии сосредоточивалась группа армий «Юг» под командованием генерал-полковника фон Рунштедта в составе 8, 10 и 14-й армий, которая должна была нанести главный удар на Варшаву. Группе предстояло прорвать польский фронт, выйти к Висле и во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить польские войска, находящиеся в Западной Польше. Поддержку с воздуха обеспечивали 1-й и 4-й воздушные флоты.

С августа в Германии началась мобилизация и боевое развертывание сухопутных сил. К 1 сентября на границах Польши было сосредоточено 52 дивизии, в том числе шесть танковых и четыре моторизованные, 1 кавале-

рийская бригада и два полка СС. Силы вторжения насчитывали 1,8 миллиона человек, 3100 танков, 10 000 артиллерийских орудий, 1800 самолетов.

Подготавливая нападение на Польшу, германское руководство исходило из того, что Англия и Франция не станут вмешиваться в войну. Однако на случай, если этот прогноз не оправдается, для прикрытия западной границы Германии разворачивалась группа армий «Ц» в составе трех армий.

Чтобы обеспечить свой тыл для ведения дальнейших операций в Европе и избежать войны на два фронта, Гитлер предложил И.В. Сталину заключить пакт о ненападении между Германией и СССР и тайный протокол к нему, который предусматривал бы раздел сфер влияния, в том числе совместное участие в разделе Польши. С точки зрения советского руководства, раздувание военного конфликта в Европе было на руку Советскому Союзу. Говоря сталинскими цитатами, с одной стороны: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», а с другой: «Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население».

Советско-германский пакт, подписанный 23 августа 1939 г., открыл шлюзы Второй мировой войны.

Основная идея польского военного планирования заключалась в обороне германо-польской границы и наступлении против Восточной Пруссии. Однако вплоть до конца 1938 г. польское командование основное внимание уделяло разработке военных планов против СССР. После оккупации Германией Чехословакии поляки приступили к отработке конкретного плана войны с Германией («Захуд»). Польское командование исходило из того, что Англия и Франция поддержат Польшу в случае конфликта. Поэтому перед польскими вооруженными силами ставилась задача упорной обороной обеспе-

чить мобилизационное развертывание и сосредоточение своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Англия и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад.

Скрытое развертывание польских войск, начавшееся 23 марта 1939 г., затронуло четыре пехотные дивизии и одну кавбригаду. Были усилены соединения в ряде округов, созданы управления четырех армий и оперативной группы. В августе Главному штабу Войска Польского стало известно о выходе на исходные позиции германских групп армий «Север» и «Юг». 13—18 августа была объявлена мобилизация девяти соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. К 1 сентября Польша развернула 24 пехотные дивизии, 3 горнопехотные, 8 кавалерийских и бронемоторизованную бригаду. Эти войска были рассредоточены вдоль западной и юго-западной границы и объединены в семь армий и три оперативные группы. К началу войны поляки успели выставить около 1 миллиона человек, около 900 единиц бронетехники, 4300 орудий и 400 самолетов.

В гарнизонах округа № IX развертывались запасные части. В Бресте остались маршевые батальоны 35-го и 82-го пехотных полков, дивизион зенитной артиллерии и вспомогательные подразделения.

1 сентября 1939 г. в 4.45 германская авиация нанесла удары по аэродромам, узлам коммуникаций, железным дорогам, экономическим и административным центрам. Солдаты вермахта перешли границу Польши.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, но сделано это было формально и ничуть не поколебало уверенности Гитлера. Французские войска, которым было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами, безучастно взирали на германскую территорию, а чуть позднее Высший военный фран-

ко-британский совет принял решение воздержаться от наступательных действий на Западном фронте.

Уже 4 сентября 4-я армия генерала фон Клюге, наступавшая из Померании на Хелмно, вышла к Висле. 3-я армия генерала Кехлера нанесла удар из Восточной Пруссии, захватила Млаву и 7 сентября вышла на реку Нарев. Группа армий «Юг» развернула наступление на Тарнув, Краков, Лодзь. Сопротивление польских армий «Лодзь», «Краков» и «Карпаты» было сломлено, 5 сентября они начали общий отход за Вислу. Германские танковые и моторизованные клинья быстро продвигались в глубь страны. Польская армия «Прусы», не закончив сосредоточения, втянулась в бои с прорвавшимся противником и была разгромлена. 8 сентября передовые соединения группы армий «Юг» достигли предместий Варшавы. Дивизии 14-й армии генерала Листа, обтекая столицу с юга, рвались к Люблину.

Для жителей Бреста, как и для граждан всей Польши, война началась 1 сентября. В этот день немецкая авиация бомбила аэродром Малашевичи, Брестский вокзал, казармы 35-го и 82-го пехотных полков на Граевке. В дальнейшем город и крепость неоднократно подвергались воздушным налетам, поэтому командующий округом принял решение об эвакуации из крепости семей офицеров и вольнонаемных. Особенно интенсивная бомбардировка произошла 7 сентября, когда в город прибыл из Варшавы верховный главнокомандующий маршал Эдвард Рыдз-Смиглы вместе с Генеральным штабом. После этого высшее польское командование и штаб округа переехали в форт V.

В Брест в это время прибывали беженцы из западной и центральной Польши, надеясь укрыться от бомбежек, а также группы солдат из разбитых частей. Вся эта масса людей двигалась на восток, к Пинску. Гарнизонный госпиталь оказался переполнен ранеными.

Менее чем через две недели после начала боевых действий фронт внезапно оказался рядом с Брестом. С севера к городу стремительно приближался XIX корпус 4-й армии под командованием генерала Гейнца Гудериана в составе 3-й и 10-й танковых, 2-й и 20-й моторизованных дивизий.

Генерал Ф. Клебэрг 9 сентября был назначен командующим формируемой по приказу маршала оперативной группы «Полесье», штаб которой разместился в форту V, и получил задачу организовать оборону на линии Брест — Пинск. Из отдельных частей и мобилизованных запасников формировалась дивизия «Кобрин». В качестве заслона от внезапного нападения противника с севера на позиции по реке Лесная из крепости были направлены две артиллерийские батареи. Вечером 11 сентября Э. Рыдз-Смиглы покинул Брестскую крепость и направился на Волынь. С автоколонной главнокомандующего из Бреста и Малашевичей убыла большая часть батарей 9-го дивизиона зенитной артиллерии. В ночь с 12 на 13 сентября штаб генерала Ф. Клебэрга передислоцировался в район Пинска.

Руководить обороной Бреста был назначен 49-летний отставной генерал Константин Плисовский. Организованный им небольшой штаб наполовину состоял из офицеров запаса, среди которых были инвалиды Первой мировой войны, не пригодные к строевой службе. Начальником штаба стал подполковник Алензы Хорак, командующим пехотой — подполковник в отставке Юлиан Сосабовский, его заместителем — подполковник в отставке Константин Солтан, начальником связи — капитан Ежи Ежевски, полевой артиллерией командовал майор Станислав Комарницкий, зенитной батареей — капитан Станислав Малецки.

Группировка «Брест» состояла из маршевых батальонов 34, 35 и 82-го пехотных полков, 1-й роты маршевого ба-

тальона 33-го полка, 81-го, 82-го караульных, 56-го саперного батальонов, 112-й и 113-й отдельных танковых рот, имевших на вооружении по 15 старых французских машин «Рено» FT-17, взвода танкеток TKS, 9-го автомобильного дивизиона, 49-го дивизиона полевой артиллерии, 3-й зенитной батареи, караульной роты, роты связи, отдельных групп офицеров и солдат различных родов войск и медико-санитарной службы. Силы польской обороны в общей сложности насчитывали 4000 солдат и офицеров (по данным Чеслава Холуба, там было 3150 человек), 18 полевых орудий, 8 зениток, 36 танков и танкеток. Генерал Плисовский не имел достаточно сил для того, чтобы организовать оборону по линии фортов, и принял решение дать бой в Цитадели, а также Кобринском и Тереспольском укреплениях.

Генерал бригады К. Плисовский (1890—1940), руководитель обороны крепости.

Рота маршевого батальона 33-го пехотного полка под командованием капитана Щупака с караульным батальоном и приданным взводом танков занимали северо-западный участок Северного острова до левой стороны Брестских ворот. Батальон 82-го пехотного полка под командованием капитана Вацлава Радзишевского находился на северо-восточном и восточном участках от Брестских до Кобринских ворот. Маршевый батальон 34-го пехотного полка под командованием капитана Тадеуша Радзишевского с караульной ротой занял позиции на Авиационном острове, включая Саперные во-

рота. Батальон 35-го пехотного полка капитана Здислава Багиньского занял укрепления в южном и юго-восточном секторах Госпитального острова. Вся артиллерия и частично вкопанные в землю танки были сконцентрированы на северном направлении. На валах были оборудованы пулеметные гнезда, отрыты окопы полного профиля. На железнодорожной станции стояли два бронепоезда.

Подполковник Ю. Сосабовски оборудовал свой командный пункт между Брестскими и Штабными воротами. Генерал К. Плисовский и его импровизированный штаб осуществляли руководство обороной из железобетонного укрытия внутри Цитадели, где находилась телефонная станция.

Солдаты 56-го саперного батальона поручика Яна Полачка произвели минирование подъездов к крепости, мостов, ведущих на Центральный остров, и подступов к Цитадели.

Передовые немецкие подразделения вышли в район Брестской крепости 13 сентября и вступили в огневой контакт с выдвинутыми в предполье польскими отрядами. В тот же день генерал К. Плисовский уведомил гене-

Солдаты польской армии в крепости.

рала Ф. Клебэрга о том, что часть немецких танковых и моторизованных соединений обходят Брест с северо-востока, устремляясь к позициям польской дивизии «Кобрин». Чтобы сковать маневр противника, Плисовский выслал в восточном направлении бронепоезд № 55 «Барташ Главацки» под командованием Анджея Подгурского. В районе Жабинки с бронепоезда выгрузили взвод танкеток, которые вели разведку в сторону моста через Мухавец. Здесь они столкнулись с разведывательными бронеавтомобилями 3-й танковой дивизии немцев. В ходе боя три польские машины были подожжены, а две отступили. Дальнейшее продвижение немцев было временно остановлено огнем орудий бронепоезда. Однако, опасаясь быть отрезанным от Бреста, капитан А. Подгурски принял решение вернуться в город.

В это же время бронепоезд № 53 «Смелый» под командованием капитана Мечислава Малиновского провел разведку в сторону Высокого, в северном направлении, где столкнулся с танками 10-й немецкой дивизии. Бронепоезд обстрелял немецкие танки, а затем отступил. Предвидя, что противник вскоре захватит брестский железнодорожный узел, генерал К. Плисовский отправил оба бронепоезда в сторону Ковеля.

Утром 14 сентября 3-я танковая дивизия генерала Гейера фон Швеппенбурга захватила Жабинку, перерезав железные дороги на Кобрин и Барановичи, и вступила в огневой контакт с патрулями дивизии «Кобрин». В полдень 10-я танковая дивизия, которой командовал генерал Штумпф, заняла никем не оборонявшийся Брест и железнодорожный вокзал. 20-я мотодивизия генерала Викторина двигалась от Волчина вдоль правого берега Буга к крепости. Передовые подразделения 3-й танковой дивизии обходили город с востока и выдвигались к Бугу.

Бывший ученик русской Брестской гимназии С.Н. Синкевич вспоминал: «В город вошли передовые части гер-

манских войск, а за ними танки и бесконечные колонны моторизованной пехоты. Все солдаты были чисто выбриты и подстрижены. Форма была хорошо подогнана, и настроение у них было беззаботное и даже веселое. Военное снаряжение никак не могло сравниться с польским. Громадные грузовики и большие танки быстро двигались по направлению к крепости, которая отвечала орудийными залпами».

Разведывательный батальон и 8-й танковый полк 10-й танковой дивизии, поддержанные артиллерией и авиацией, с ходу атаковали линию польской обороны в Кобринском укреплении. Этот натиск был отбит организованным огнем противотанковых ружей, артиллерии и 112-й танковой роты под командованием поручика Ежи Островского. Непреодолимой преградой оказались польские танки, заблокировавшие Брестские ворота своими корпусами и пушечно-пулеметным огнем. Для подстраховки на случай прорыва танков противника в 150 метрах позади ворот находилась позиция батареи зенитных орудий подпоручика Анджея Блешинского. Несколько немецких машин подорвалось на минах, пехота расстреливалась в упор с хорошо замаскированных стрелковых позиций.

Во второй половине дня немцы возобновили атаки. Около 80 танков 8-го полка вели ожесточенную борьбу со 113-й танковой ротой поручика Вацлава Стокляса, оборонявшейся на огородах Северного острова. В этой схватке рота потеряла 12 машин и перестала существовать как самостоятельное подразделение, но противник был отбит. Небольшая перестрелка имела место в восточном секторе. Защитники Госпитального острова в этот день противника не видели и с тревогой вслушивались в гремевшую на другом берегу Буга канонаду.

После перегруппировки сил генерал Г. Гудериан организовал массированный штурм по всем правилам: 10-я

Польские танки «Рено», забаррикадировавшие Северные ворота.

танковая дивизия должна была наступать вдоль шоссе Чернавчицы — Брест, 20-я моторизованная — вдоль правого берега Буга, 3-я танковая дивизия — с восточной и южной стороны, завершив окружение крепости.

Германские дивизии обладали значительным перевесом в силах и средствах, что гарантировало им успех. При этом поляки ничего не могли противопоставить мощному огню немецкой артиллерии и бомбардировкам с воздуха, кроме прочности старых валов и казематов. Против 154 немецких танков имелось полтора десятка противотанковых ружей, против 260 орудий и минометов — 18 полевых орудий и 8 зениток.

Всю ночь немецкие орудия вели обстрел крепости. Поляки, в свою очередь, двумя группами добровольцев совершили вылазку в расположение противника. По докладу командира одной из групп, подпоручика Ежи Желиховского, им удалось уничтожить несколько вражеских танков и бронеавтомобилей.

Ранним утром 15 сентября после массированной артиллерийской и авиационной подготовки подразделения 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий пошли на штурм. Защитники крепости оказали упорное сопротивление. Бой, во многих местах переходивший в рукопашные схватки, продолжался весь день. Во время огневых налетов и воздушных бомбардировок защитники укреплений, оставив наблюдателей, уходили в казематы, когда наступала тишина — занимали окопы. Немецкое наступление захлебнулось на гребне крепостных валов. Генерал Г. Гудериан вновь перешел к систематическим артиллерийским и авиационным ударам, которые наносили невосполнимый урон защитникам крепости.

Раненых польских солдат относили в госпиталь, часть из них через Саперные ворота и Авиационный остров эвакуировали в Тересполь.

Около 10 часов утра 16 сентября штурмовые отряды 10-й танковой и 20-й мотодивизии силами двух пехотных батальонов при поддержке танков и артиллерии начали решительное наступление на линию польской обороны. Германская пехота поднялась на гребень валов, но атака вновь захлебнулась, так как солдаты не выполнили приказа наступать непосредственно за огневым валом артиллерии. Особенно ожесточенное сражение развернулось в районе Брестских ворот, где защищался маршевый батальон 82-го пехотного полка при поддержке нескольких орудий 49-го дивизиона легкой артиллерии.

Обеспокоенный генерал Г. Гудериан прибыл к месту событий, но и в его присутствии пехота не добилась успеха и отступила с тяжелыми потерями. Выстрелом польского снайпера был смертельно ранен адъютант командующего корпусом подполковник Браубах.

Но и положение защитников становилось безнадежным. Группировка «Брест» была на грани уничтожения, потери убитыми и ранеными составляли 40 процентов,

заканчивались снаряды и гранаты, помощи не было. Горели казармы, большим разрушениям подвергся Белый дворец и здание Инженерного управления. Многие укрепления были превращены в руины. На отдельных участках немцам удалось зацепиться за крепостные валы и вынудить польские подразделения отступить в Цитадель. Генерал К. Плисовский, получивший осколочное ранение, к этому времени утратил связь с командованием в Пинске и не имел никакой информации о положении на фронте и общей ситуации в стране. Между тем Варшава уже была полностью блокирована. Группа армий «Юг» соединилась в районе Влодавы с группой армий «Север», замкнув кольцо окружения вокруг основных сил польской армии. Общее руководство военными действиями практически отсутствовало, польское правительство готовилось покинуть страну.

Всего этого в крепости не знали. Было известно лишь то, что в направлении Тересполя и Белой Подляски частей противника еще не было, а где-то между Бугом и Вислой отходила на юг 33-я польская пехотная дивизия. 3-я германская танковая дивизия, отрезав Брест с востока, приближалась к Влодаве, 2-я моторизованная дивизия наступала на Ковель. Около 17 часов 16 октября генерал К. Плисовский созвал совещание командиров участков обороны, на котором было принято решение: «Не видя возможности дальнейшего удержания крепости и оценивая, что уход из нее не нанесет вреда всей операции», покинуть Цитадель через еще свободный путь на Тересполь — Кодень.

Поздним вечером, когда огонь немецкой артиллерии стал менее интенсивным, из крепости через Саперные ворота вышли командование и штаб обороны, маршевые батальоны 34-го и 35-го полков, караульные батальоны, артиллеристы, рота связи, обоз и машины с ранеными. С наступлением ночи дорога на Тересполь была запру-

жена отступавшими польскими частями. Прикрывать отход остались солдаты 82-го маршевого батальона и 2-я рота саперов подпоручика Казимира Гиаро. Саперы под общим руководством командира батальона должны были оставить позиции последними, уничтожив за собой мосты и заминировав дорогу.

Немцы в ночь с 16 на 17 сентября перебросили на левый берег Буга 76-й пехотный полк 20-й мотодивизии под командованием полковника Голлника, планируя наступление с западного направления. В темноте на шоссе произошло несколько стычек с немецкими патрулями.

Тем временем саперы 2-й роты ожидали у Штабных ворот подразделения 82-го маршевого батальона. В Кобринском укреплении гремел бой. Два связных, посланных к капитану В. Радзишевскому с приказом отходить, не вернулись. Позднее выяснилось, что командир заявил своим подчиненным, что разрешает им отступить, но сам будет сражаться. Солдаты решили остаться на позициях вместе с ним.

Капитан В. Радзишевский (1894—1940), командир маршевого батальона 82-го пехотного полка.

Около полуночи саперы в свете немецких ракет увидели танки и пехоту, которые двигались с севера к Цитадели. Одновременно пришло известие, что дорога на Тересполь перехвачена противником. Два взвода 2-й роты оказались отрезанными на Центральном острове. В этой обстановке поручик Полячек принял решение прорываться сквозь немецкие цепи в южном направлении по правой сто-

Нацистский флаг над башней Тереспольских ворот. 17 сентября 1939 г.

роне Буга. Небольшой отряд просочился через Госпитальный остров и Хелмские ворота и благополучно вышел в окрестности Страдичей. Затем, переправившись через Буг, саперы через трое суток присоединились к отступавшей на юг группировке «Брест».

В первой половине дня 17 сентября через Авиационный остров в Цитадель по неразрушенному мосту ворвался 76-й пехотный полк немцев. Со стороны города в кре-

Командир 76-го пехотного полка с адъютантом в Цитадели.

Польские военнопленные.

пость вошли подразделения 20-й моторизованной дивизии. Потери обеих сторон в этом сражении неизвестны. В плен в районе крепости попали 988 польских солдат и офицеров. Много тяжелораненых и контуженных пришлось оставить в госпитале. С ними до конца были врачи-офицеры, санитары и медсестры под руководством капитана Феликса Драгана.

Часть защитников во время ночного марша на Тересполь заблудилась, наткнулась на противника и была взята в плен. Однако большинство польских подразделений прибыли в назначенное место сбора в район Кодня. Около 2000 польских солдат и офицеров группировки «Брест» под командованием подполковника А. Хорака продолжали борьбу на Люблинщине до 1 октября 1939 г.

Нацистский флаг со свастикой развевался над Брестской крепостью недолго. В день, когда германские войска заняли Цитадель, а генерал Г. Гудериан перенес штаб своего корпуса из Каменца в Брест, в здание Полесского воеводства, с востока польскую границу перешла Красная Армия.

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

17 сентября в 5.00 штурмовые отряды советских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную охрану. Декларируемой целью Освободительного похода являлось оказание помощи украинцам и белорусам, которым в условиях распада польского государства грозила немецкая оккупация, избавление их от национального гнета и эксплуатации. На территорию Западной Белоруссии вступили войска Белорусского фронта под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева в составе 3, 11, 10, 4-й армий и конно-механизированной группы. Накануне бойцам и командирам зачитали боевой приказ № 01, в котором говорилось, что «белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековечными врагами — помещиками и капиталистами... Армии Белорусского фронта переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией».

Для польского руководства вмешательство СССР оказалось полной неожиданностью. На восточной границе, кроме батальонов пограничной стражи, других войск не

имелось и взять их было неоткуда. Маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал польской армии приказ: «С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию и Венгрию». Германское командование, получив сообщение о переходе Красной Армией польской границы, отдало своим войскам приказ остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Брест — Белосток.

Советские армии продвигались, практически не встречая сопротивления. К исходу первого дня передовые части 4-й армии комбрига В.И. Чуйкова, действовавшей на южном фланге Белорусского фронта, вступили в Барановичи. Вечером 21 сентября командующий армией поставил командиру 29-й танковой бригады С.М. Кривошеину задачу не позднее 14.00 следующего дня занять

«Встреча на Буге». Сентябрь 1939 г.

Брест, который согласно советско-германскому протоколу о демаркационной линии отходил к СССР. Совершив 120-километровый бросок, бригада 22 сентября достигла города. Танкисты расположились на постой на

Генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин перед началом совместного парада германских и советских войск. 22 сентября 1939 г.

восточной окраине, а комбриг прибыл в штаб генерала Г. Гудериана для координации последующих действий. Военачальники быстро нашли общий язык, так как оба владели французским. Стороны договорились о том, что все захваченные трофеи немцы передают Красной Армии.

После разрешения всех вопросов к взаимному удовольствию в 16.00 на улице Люблинской унии состоялся известный совместный парад победителей. Перед зданием воеводства были установлены импровизированные трибуны, украшенные нацистскими и советскими флагами. Мимо трибун, на которых стояли рядом генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин в окружении штабных офицеров, под звуки оркестра промаршировали сначала немцы, затем советские подразделения. После чего в крепости торжественно был спущен нацистский флаг и водружен советский. Военачальники попрощались и расстались со словами «До встречи в Берлине!» и «До встречи в Москве!». Это прозвучало почти проро-

Парад «братьев по оружию» в Брест-Литовске.

чески. Правда, Г. Гудериану в 1941 г. доехать до Москвы не хватило самой малости, зато С.М. Кривошеин в 1945-м дошел до Берлина, как обещал.

Германские войска начали отходить на запад. В Брест из Ивацевичей перебазировался штаб 4-й советской армии.

Парад «братьев по оружию».

Передача крепости представителям советского командования.

Но на этом не закончилась удивительная эпопея неукротимого капитана В. Радзишевского и солдат маршевого батальона 82-го полка. Ночью 17 сентября остатки батальона при одном орудии скрытно покинули позиции на Кобринском укреплении и, преодолев железнодорожное полотно, вновь заняли оборону в форту Сикорского. В течение двух суток немцы занимались очисткой крепости и, считая, что форт пуст, не обращали на него внимания.

19 сентября появился мотоциклетный патруль с парламентерами, предложившими полякам сдаться в связи с бессмысленностью дальнейшего сопротивления. Это предложение не было принято. Германские солдаты блокировали форт, установили несколько гаубиц и с утра 20 сентября начали систематический обстрел укреплений. Однако артиллерийский огонь фугасными снарядами среднего калибра не мог причинить гарнизону особых потерь, а пехота противника не атаковала. Форт находился на хорошо просматриваемой и простреливаемой с высоких валов открытой местности, и генерал Гудериан решил передать эту «занозу» русским.

Передача крепости представителям советского командования.

Вечером 22 сентября после мощного артиллерийского налета в форт попытались ворваться два советских бронеавтомобиля. Первый из них поляки подожгли выстрелом из пушки, второй свалился в ров. Затем в атаку трижды поднималась советская пехота и каждый раз была подбита с потерями. 23 сентября «братья по оружию» были заняты приемосдачей Бреста и крепости. 24-го и 25-го вновь были предприняты попытки овладеть фортом Сикорского атаками с разных направлений.

Наконец, 26 сентября советские военачальники подошли к делу серьезно: была применена тяжелая артиллерия и предпринят массированный штурм. Защитники форта в этот день понесли тяжелые потери, но снова удержали позиции. Вечером перед фортом появились советские парламентеры, выразившие «недоумение» по поводу сопротивления польских солдат, ведь Красная Армия пришла, чтобы помочь полякам, а потому они должны сложить оружие и сдаться. На это В. Радзишевский ответил, что если русские не являются врагами, то должны оставить в покое польский форт. Однако все ресурсы обороняющихся были исчерпаны. Ночью капитан со-

брал последних защитников, поблагодарил за службу и посоветовал всем способным передвигаться самостоятельно пробираться домой. К утру в форту остались только тяжелораненые. Капитан В. Радзишевский с небольшой группой добрался до деревни Мухавец. Здесь в доме местной жительницы они переоделись в гражданскую одежду, оставили документы и разошлись в разные стороны. Радзишевский направился в Брест, а затем в Кобрин, где должна была находиться его семья. Он нашел жену и дочь, но скоро по доносу был арестован, передан в НКВД и снова очутился в Брестской крепости, на этот раз в «Бригитках», где содержались польские офицеры.

Уходя из Бреста, немцы передали советскому командованию всех плененных солдат и офицеров. В их числе были защитники крепости и тяжелораненые, оставленные на Госпитальном острове. Пленных, отделив солдат от офицеров, содержали в городской тюрьме и крепостных казематах, используя на работах по расчистке развалин в Цитадели. После сортировки и проверки большинство рядовых, в первую очередь жителей Западной Белоруссии и Западной Украины, были отпущены по домам. Офицеров, полицейских, жандармов и раненых, отделив медперсонал, в течение октября—ноября под конвоем доставляли на железнодорожную станцию, грузили в вагоны и вывозили на Смоленщину в Катынские лагеря, где почти все они сгинули. Среди них был и герой обороны Брестской крепости 1939 года Вацлав Радзишевский.

До начала октября обе стороны разоружали оставшиеся польские части, а Москва и Берлин согласовывали вопрос о будущей границе, которая в конце концов пролегла по «линии Керзона». Не обошлось без накладок.

По соглашению от 2 октября граница должна была пройти по восточному берегу реки Буг, но на месте бы-

Мемориальное кладбище солдат польского гарнизона.

стро выяснилось, что при таком раскладе Западный остров с Тереспольскими укреплениями и часть фортов Брестской крепости оказываются на немецкой территории. Поздним вечером того же дня командующий Белорусским фронтом Ковалев направил в Москву телеграмму: «Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части — западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут прикрыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Малашевичей достанется немцам. Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска, оставив за СССР часть территории на западном берегу реки».

Из Москвы пришел ответ, что изменить соглашение уже невозможно. Тогда, чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские войска запрудили Буг и взорвали перемычки крепостного рва Тереспольского укрепления. В итоге вода пошла по обводному каналу, который советский представитель выдал немцам за русло Буга, по которому и была проведена граница (конечно, немцы не настолько были глупы, чтобы не разобраться в географии, но возражать не стали).

Этнические польские земли остались под оккупацией Германии. Западная Украина и Западная Белоруссия с населением 12 миллионов человек отходила Советскому Союзу. После этого «в порядке дружественного обоюдного согласия» началось освоение приобретенных территорий. Германия свою часть Польши объявила генерал-губернаторством. Политбюро ЦК ВКП(Б) приняло 1 октября программу советизации западных областей, которая стала неукоснительно осуществляться.

С приходом Красной Армии в Бресте было создано Временное управление — орган власти, который занимался политико-административными, хозяйственными и культурными вопросами. В его состав входили члены Коммунистической партии Западной Белоруссии, представители местного населения и военные. Однако решающую роль в новом аппарате управления играли уполномоченные, прибывшие из восточных районов. Избранное 22 октября Народное собрание Западной Белоруссии провозгласило советскую власть и обратилось с просьбой о включении ее в состав Советского Союза. 1—2 ноября Верховный Совет СССР просьбу удовлетворил.

4 декабря 1939 г. Брест стал одним из областных центров БССР. Одновременно были сформированы областные и городские органы исполнительной власти.

С первых недель установления советской власти в за-

падных областях началась унификация государственного строя и управления, осуществляемая ударными темпами и жесткими командными методами. Были приняты законы о национализации крупной промышленности и банков, на практике допускавшие изъятие мелких ремесленных мастерских и частных домов. Помещичья земля была конфискована, ликвидированы осаднические хозяйства. Эти мероприятия вызывали различную, часто прямо противоположную реакцию, разных общественных слоев и национальностей. Например, раздел земли и национализация крупной промышленности получили одобрение значительной части белорусского населения. Грубые административные действия против церкви и духовенства провоцировали протесты.

Прибывшие вслед за войсками органы НКВД начали аресты крупных чиновников, капиталистов и земельной аристократии. Затем в соответствии с теорией классовой борьбы наступила очередь военных, полицейских, польских поселенцев, «кулаков», деятелей культуры. Одним из первых объектов на территории Брестской крепости, введенных в строй и заработавших с полной нагрузкой, стали знаменитые «Бригитки». Весной 1940 г. репрессивными органами новой власти при поддержке местных активистов была начата операция по депортации осадников, бывших работников польской администрации, прочих «враждебных элементов» и их семей. По подсчетам современных историков, в 1939—1941 гг. в регионе было репрессировано 10% населения всех национальностей. Последний эшелон с депортированным отправился из Бреста 21 июня 1941 г.

Армии Белорусского фронта образовали Белорусский военный округ, преобразованный 11 июля 1940 г. в Западный Особый военный округ. На границе встали 3, 10 и 4-я армии, получившие статус армий прикрытия. Их задачей, согласно военной доктрине, было, опираясь на

укрепленные районы, не допустить вражеского вторжения на варшавско-минском направлении и обеспечить мобилизацию и развертывание главных сил Красной Армии. Для выполнения этой задачи нужно было провести огромные по объему работы по подготовке театра военных действий, созданию условий для боевой подготовки и обеспечению боевой готовности войск.

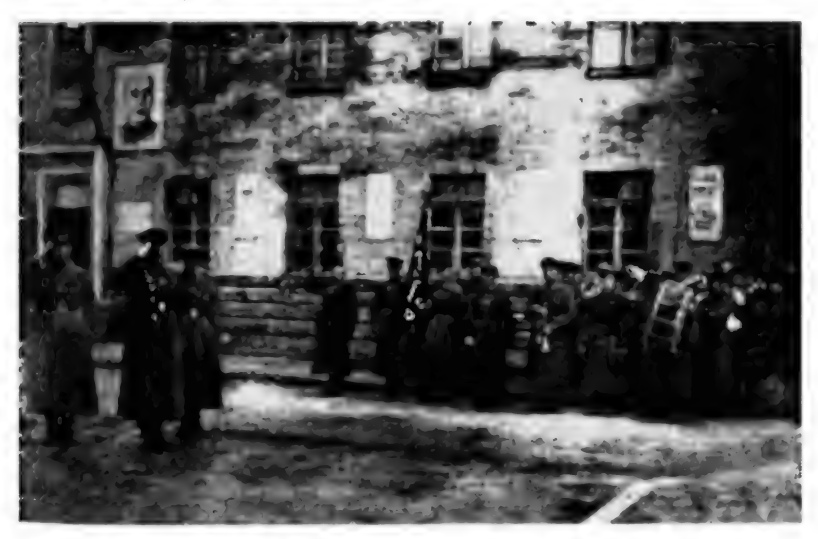
Осенью 1939 г. в округе и в Генеральном штабе разрабатывались варианты постройки укрепленных районов в приграничной зоне. Командование Белорусского округа предложило два варианта: первый — возвести линию укрепленных районов вдоль государственной границы; второй — по рубежу реки Неман, с включением в систему обороны фортификаций крепостей Гродно и Осовец. Второй вариант с чисто военной точки зрения давал ряд преимуществ: укрепленные районы строились вне поля зрения противника, 25—50-километровая полоса местности позволяла создать перед позициями мощное предполье, что обеспечивало задержку продвижения противника и выигрыш во времени для занятия войсками армий прикрытия основных рубежей обороны. Однако утвержден был вариант постройки УРов с передним краем по линии государственной границы. В советской историографии этот факт так и не получил вразумительного объяснения. По мнению бывшего начальника штаба армии Л.М. Сандалова: «Решающее влияние на принятие решения о постройке укреплений вдоль новой государственной границы оказала господствовавшая в то время доктрина «ни одного вершка своей земли не отдадим никому», понимаемая высшими военными руководителями в буквальном смысле».

Поскольку в Западной Белоруссии никогда не было такого количества войск, первое время места дислокации советских частей определялись прежде всего наличием казарм и подсобных помещений. В районе Бреста с

его «богатейшим казарменным фондом» находились основные силы 4-й армии под командованием комкора В.И. Чуйкова в составе трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады. Непосредственно в городе и крепости разместились 6-я Орловская Краснознаменная и 55-я стрелковые дивизии. Зимой 1939/40 г. войска армии главным образом налаживали размещение личного состава и создавали условия для боевой подготовки, т.е. строили конюшни, склады, аэродромы, артиллерийские полигоны, стрельбища, танкодромы и т. п.

Летом 1940 г. началось строительство 62-го Брестского укрепленного района, для чего были привлечены все саперные части 4-й армии и 33-й инженерный полк окружного подчинения. Руководство работами осуществляло 74-е управление начальника строительства. Строительные материалы привозились из Слуцкого и Барановического (бывшего польского) укрепленных районов.

Долговременные сооружения возводились по восточному берегу Западного Буга непосредственно вдоль границы на виду у немецких пограничных застав. Бетониро-



Вынос знамени 125-го стрелкового полка. Осень 1940 г.

ванные точки и дзоты первой позиции просматривались с немецких наблюдательных пунктов. Причем взаимное расположение укрепленных районов и районов дислокации войск не обеспечивало в случае внезапного нападения противника своевременного занятия укреплений не только полевыми частями, но и специальными уровскими подразделениями. Полоса предполья, вследствие того что сооружения строились по берегу реки, не создавалась. Глупо звучит, но подобное расположение дотов не позволяло даже произвести пристрелку или учебную стрельбу из смонтированных в них орудий. Все вкупе придавало «линии Молотова» бутафорский характер.

Первый секретарь Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко в докладной записке на имя И.В. Сталина давал разгромную характеристику состоянию оборонительных сооружений в Белорусском особом военном округе. В частности, в ней отмечалось:

«В округе не существует генерального плана системы укреплений погранполосы, как его, между прочим, не существовало никогда. И сейчас вопрос создания оборонительной системы понимается упрощенно, в виде той же нити капитальных сооружений на границе без какой-либо системы искусственных препятствий и вспомогательных сооружений по глубине и фронту.

Следует отметить, что никаких серьезных, длительных инспекционных поездок, глубоких рекогносцировок пограничной полосы, серьезного изучения характера местности, рельефа, подходов и т.д. не производится, хотя вообще выездов коротких и бесполезных совершается множество.

Надо сказать, что Генеральный штаб и управление РККА почти не проявляли внимания к тому, что будет возведено, где будет возведено, насколько то или иное сооружение будет эффективным в той или иной местности...

У нас виднейшие специалисты — военные инженеры

занимают кафедры, читают лекции по фортификации, но никакого практического участия в разработке и строительстве сооружений не принимают».

Особенно интенсивные работы развернулись весной 1941 г. В марте—апреле к строительству Брестского укрепленного района было привлечено до 10 тысяч человек местного населения с 4 тысячами подвод. С мая на строительстве оборонительных сооружений работали по одному батальону от каждого стрелкового полка. Всего к 21 июня было забетонировано 128 долговременных огневых точек.

ДОТы представляли собой двухэтажные коробки, размещенные в земле по самые амбразуры. Верхний каземат делился перегородкой на два капонира. На двух уровнях идентичной планировки размещались: галерея, специальный тамбур, отводящий от броневой двери взрывную волну, газовый шлюз, хранилища боезапаса, казарма на несколько коек, загородки для рации, артезианского колодца, туалета. В одном из отсеков были энергоагрегаты и фильтрационные установки. Наверху в капонирах устанавливались казематные пушки с укороченными стволами или пулеметы.

Построенные ДОТы были в основном одно- или двухамбразурные, пулеметные, артиллерийско-пулеметные и артиллерийские. На ключевых позициях ставили доты в три, четыре и пять амбразур. Толщина стен составляла 1,5—1,8 м. Толщина перекрытия достигала 2,5 м, оно было рассчитано на прямое попадание 250-килограммовой авиационной бомбы. Вооружение варьировалось. В некоторых дотах было по одной 76-мм пушке и по два станковых пулемета, в других — 45-мм пушка, спаренная с пулеметом ДС. Гарнизоны состояли из 8—9 и 16—18 человек.

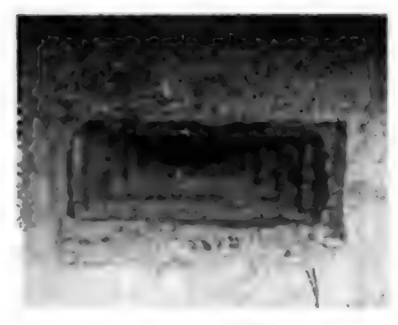
К началу войны в боевой готовности было только 23 долговременные огневые точки, из них восемь в районе Брестской крепости и севернее и три южнее города.

С апреля 1940 г. количество советских войск в приграничных округах неуклонно увеличивалось. Через год в со-

ДОТ 62-го укрепленного района около д. Козловичи.

став 4-й армии, командование которой принял генерал-майор А.А. Коробков, входили четыре стрелковые, две танковые и одна механизированная дивизии, три пулеметно-артиллерийских батальона 62-го укрепрайона,

три полка корпусной артиллерии. В них насчитывалось 71 349 бойцов и командиров, 1657 орудий и минометов, около 600 танков и бронеавтомобилей. Воздушное прикрытие армии обеспечивала 10-я смешанная авиадивизия, имевшая 241 самолет, полки которой базировались на аэродромах в Кобрине, Пружанах, Высоком и Пинске. К июню 1941 г. почти все соединения, входившие в состав армии, были укомплектованы личным составом и техникой до штатных норм.



Амбразура ДОТа.

В Брестской крепости и возле нее размещались части 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В.С. Попова, а также окружного подчинения.

В кольцевой казарме Цитадели находились подразделения 84, 44, 455-го стрелковых полков, 33-го отдельного инженерного полка, 37-го отдельного батальона связи, 31-го отдельного автомобильного батальона, 44-го отдельного автохлебозавода, 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД. Около Тереспольских ворот, поперек центрального двора, стояли два двухэтажных здания. В одном из них помещались 9-я пограничная застава, 3-я погранкомендатура и квартиры командиров, в другом, бывшем арсенале, казармы — 333-го стрелкового полка. Белый дворец занимал 75-й отдельный разведывательный батальон, здание Инженерного управления — штаб разведбатальона, бронерота и оружейная мастерская. В восточной части острова, у развилки Мухавца, располагался автобронетанковый парк, где на открытой площадке стояли танкетки и бронеавтомобили. Костел Святого Казимира еще осенью 1940 г. был переоборудован под крас-

ноармейский клуб 84-го полка, а дом ксендза — под командирскую столовую.

Польские казармы на Северном острове занял 125-й стрелковый полк. В офицерских домах поселились семьи советского начсостава. Тюрьму «Бригитки» заняли следователи, конвоиры НКВД и их «подопечные». В Восточном форту находился 393-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, в казематах у Северных ворот — подразделения 44-го стрелкового полка, в восточной части вала Кобринского укрепления — 98-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион.

На Волынском укреплении размещались армейский и корпусной военные госпитали, а также школа младших командиров имени Коминтерна. Здесь же проживали семьи начсостава, вольнонаемные.

Западный (при поляках Авиационный, а ныне Пограничный) остров заняли транспортная рота Брестского погранотряда и курсы шоферов Белорусского пограничного округа.

Штаб и штабные подразделения 131-го артиллерийского полка 6-й стрелковой дивизии, его полковая школа, 1-й и 3-й дивизионы, конюшни располагались рядом с крепостью за валами Кобринского укрепления на берегу Буга.

В форту «Граф Берг» размещался 2-й дивизион 131-го артиллерийского полка. В форту V — 3-й стрелковый батальон 44-го полка, в форту VIII — 1-й батальон 455-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии.

К крепости по берегу реки Западный Буг примыкали ДОТы 62-го укрепрайона. В 30-километровой полосе южнее и севернее города в построенных и частично переоборудованных домах располагались роты отдельного 18-го пулеметного батальона.

Непосредственно в Бресте находились штабные и специальные подразделения корпусного, армейского и окружного подчинения, 60-й железнодорожный полк НКВД.

В Северном городке, в бывших казармах имени Пилсудского, располагались 111-й саперный батальон, 246-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 84-й отдельный разведывательный дивизион, 18-й отдельный батальон связи и 17-й гаубичный артполк 42-й стрелковой дивизии, 447-й корпусной артиллерийский полк, окружные курсы младших политруков. В Южном городке, бывшем Траугуттово, дислоцировалась 22-я танковая дивизия, входившая в состав 14-го механизированного корпуса. Здесь же находился 40-й автомобильный полк корпусного подчинения.

Форт V. Галерея казармы личного состава.

Брестская крепость как фортификационное сооружение давно утратила свое значение. Ее постройки использовались для размещения войск и складов в мирное время. Оборона крепости не предусматривалась. В случае начала военных действий гарнизон должен был выходить в районы сосредоточения и занимать оборону на подготавливаемых позициях в Брестском укрепленном районе. Этот план имел один недостаток: в условиях внезапного нападения он был нереальным. Только на вывод войск и штабов из крепости без противодействия противника требовалось не менее трех часов.

«Я — КРЕПОСТЬ. ВЕДЕМ БОЙ...»

Разработку операции против Советского Союза германское командование начало по указанию Гитлера в конце июля 1940 г. После рассмотрения двенадцати вариантов 18 декабря того же года был утвержден план войны против СССР под условным наименованием «Барбаросса», оформленный директивой № 21. Согласно плану, предполагалось к 15 мая 1941 г. завершить подготовку к нападению силами трех групп армий, действующих на ленинградском, московском и киевском направлениях. Операцию надлежало провести таким образом, «чтобы уничтожить находящуюся в Западной России массу русских войск путем быстрейшего продвижения вперед ударных танковых групп и помешать отходу боеспособных войск в просторы русской территории».

Главный удар предполагалось нанести по кратчайшему расстоянию на Москву. Ближайшей и важнейшей стратегической задачей вермахта являлся разгром основных сил Красной Армии в западных районах Белоруссии. Решение этой задачи возлагалось на группу армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока. Наступая двумя мощными фланговыми «кулаками», группа армий должна была раздробить силы противника в Белоруссии и концентрическими ударами подвижных сил севернее и южнее Минска овладеть районом Смоленска.

От Бреста готовилась наступать группировка в составе 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана и 4-й по-

левой армии фельдмаршала Ганса фон Клюге. К 21 июня 1941 г. на брестско-минском направлении в полосе 4-й советской армии немцы сосредоточили 450 тысяч солдат и офицеров, 6200 орудий и минометов, свыше 900 танков и штурмовых орудий. С воздуха их поддерживали более 1000 самолетов 2-го воздушного флота.

Армия генерала А.А. Коробкова, прикрывавшая Брест, располагала достаточно большими силами, чтобы организовать прочную оборону. Однако война застала армию в таком состоянии, что она не смогла выполнить эту задачу. Войска не были приведены в боевую готовность и развернуты на тех позициях, которые они должны были занять по плану прикрытия границы. Дислокация частей не позволяла быстро занять оборонительные рубежи. Солдаты и офицеры продолжали заниматься боевой подготовкой и строительством. Несмотря на то что с середины весны 1941 г. советскому командованию поступала информация о наращивании германской группировки у советской границы и о надвигавшемся нападении, никаких специальных мер по отражению удара в приграничных районах не предпринималось. В полосе армии было шесть мостов через Западный Буг, большая часть которых не использовалась. Эти мосты не только не снесли, но даже не минировали, не желая «проявлять бестактность по отношению к немцам», с которыми был подписан договор о дружбе. На все резоны из Москвы неизменно следовал один ответ: «На провокации не поддаваться!»

21 июня 1941 г. Брестский пограничный отряд нес обычную службу. Все саперные части армии, выделенные батальоны стрелковых дивизий вместе с привлеченным местным населением работали на строительстве объектов укрепленного района и оборудовании полевых позиций. Отдельные части были выведены в летние лагеря или совершали учебные марши. На 22 июня штаб

армии наметил проведение опытно-показного учения и смотра техники. В связи с этим на артиллерийский полигон южнее Бреста был выведен ряд стрелковых и артиллерийских подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий. На это учение был вызван весь высший и старший комсостав армии, до командира отдельной части включительно. Таким образом, накануне войны из крепости было выведено более половины подразделений — 10 из 18 стрелковых батальонов, 3 из 4 артполков, по одному из двух дивизионов ПТО и ПВО, а также разведбатов. Командиров и красноармейцев, оставшихся в крепости, не считая персонал и пациентов госпиталя, было около 8,5 тысячи человек, здесь же проживали 300 семей военнослужащих.

Летний субботний вечер личный состав проводил, как обычный предвыходной день. В большинстве частей демонстрировались кинокартины, устраивались спектакли, вечера самодеятельности, в бывшем костеле крутили «Валерия Чкалова». Старшие командиры армейского управления смотрели в Кобрине спектакль, поставленный бригадой минских лицедеев. Член Военного совета и начальник политотдела 4-й армии присутствовали в Бресте на концерте артистов Московской эстрады. В городе находились многие командиры частей и подразделений, приехавшие к семьям.

Ни командование округа, ни командиры соединений не ожидали нападения германских войск.

До последнего момента И.В. Сталин не верил, что Гитлер решится напасть на СССР. В результате войска 4-й армии, как и всего Западного Особого военного округа, не были своевременно приведены в боевую готовность и занимали крайне невыгодное положение. Это не позволило отразить первые мощные удары врага, повлекло большие потери и привело к поражению Красной Армии в приграничных сражениях. Бывший рядовой

393-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона С.М. Сухолуцкий писал: «Вспоминая начало войны, я не могу не отметить того факта, что мы, солдаты и сержанты, а в особенности «старослужащие со стажем», которых в нашей части насчитывалось больше половины, не представляли себе, что кто-либо серьезно может на нас напасть. Это, я бы назвал, благодушие нам очень дорого стоило...»

Примечательно, что местные жители нисколько не сомневались, что война начнется, и начнется в самое ближайшее время. В приграничной деревне Вулька до сих пор рассказывают истории о том, как немецкие солдаты накануне нападения приходили на танцы и обещали девушкам скоро вернуться. Командир взвода 33-го инженерного полка старший сержант И.И. Долотов 21 июня сходил в свое последнее увольнение: «В субботу вместе со старшиной Аркадием Ривошем я побывал в городском театре. Очень хорошо помню ту ночь. Памятна она вот почему: когда мы вышли из театра и Ривош пошел к себе домой, ко мне подошел человек, который работал в нашем полку. Он был гражданский, из местных жителей, по фамилии Зноска. По дороге в крепость он некоторое время шел молча, а потом вдруг остановил меня и посоветовал в крепость не идти. Я был очень удивлен таким оборотом дела и заметил, что он, очевидно, никогда не служил и не знает, что такое увольнительная записка и воинская дисциплина, что пятиминутное опоздание — это уже наряд или другое взыскание. Он заявил, что все это мелочь, что службу он знает, но якобы скоро начнется война. И в подтверждение своих слов сослался на то, что в магазинах и на рынке исчезли соль, спички и другие продукты. Жители, мол, знают, что это говорит о близкой войне. Так было в 1939 году, когда немцы напали на Польшу. Я, конечно, посмеялся над такими доводами, и мы рас-

прощались. Я пошел в крепость, а он свернул в одну из городских улиц».

«О приближении войны говорили все жители Бреста месяца за два до начала войны, — вспоминает старший сержант С.М. Кувалин, — в магазинах города стали собираться большие очереди за всеми видами товаров и продуктов, чего раньше не наблюдалось. На наши вопросы некоторые говорили: «Скоро война, немец скоро начнет войну». Мы говорили: «У нас с ним договор на 10 лет». Жители отвечали: «Мы его повадки знаем, договор ничего не значит». И продолжали закупать муку, соль и спички.

Генерал Гудериан, за пять минут до начала вторжения прибывший на командный пункт танковой группы, находившийся в 15 километрах северо-западнее Бреста, был уверен в успехе:

«Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками... Перспективы сохранения внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом».

Лишь в 3 часа 30 минут по московскому времени 22 июня генерал А.А. Коробков получил переданное открытым текстом по телеграфу приказание командующего округом генерала армии Д.Г. Павлова о приведении войск в боевую готовность. Историческую, бессмысленную директиву Народного комиссара обороны № 1 о том, чтобы «не поддаваться ни на какие провокационные действия и пленить прорвавшиеся немецкие войска», штаб армии принимал уже в то время, когда на

спящие гарнизоны посыпались немецкие снаряды и бомбы. Война застала войска 4-й армии врасплох. Погранзаставы тоже не получили никаких указаний.

В 3.15, едва забрезжил рассвет, со стороны германских войск внезапно был открыт массированный артиллерийский огонь. Наиболее интенсивно он велся по военным городкам в Бресте и, особенно по Брестской крепости, которая была буквально покрыта разрывами снарядов и мин. Огонь корректировался с паривших над границей аэростатов.

Одновременно с артиллерийской подготовкой немецкая авиация произвела ряд массированных ударов по аэродромам 10-й смешанной авиадивизии полковника Н.К. Белова, штабам, узлам связи, складам.

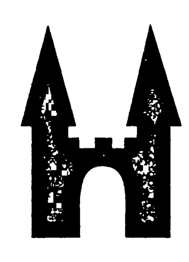
В 3.20 войска первого германского эшелона начали форсирование Западного Буга. Мосты через реку штурмовые группы захватили еще до начала артподготовки. Кроме мостовых переправ использовались броды, лодки, плоты. Отдельные группы танков, снабженные специальными приспособлениями, позволявшими преодолевать водные рубежи глубиной до 4 метров, перешли на восточный берег реки по ее дну.

Главный удар немцы нанесли на участке Янув, Подляски, Славатыче, то есть почти во всей полосе 4-й советской армии, охватывая Брестский район. Танковые соединения Гудериана переправлялись через реку по обе стороны Бреста.

Задачу овладеть Брестской крепостью и городом получил находившийся в центре ударной группировки 12-й армейский корпус генерала Вальтера Шрота, в состав которого входили 45, 31 и 34-я пехотные дивизии. Штурм крепости был поручен ударным отрядам 45-й Верхне-Австрийской дивизии, которая снискала славу одного из лучших соединений германской армии. Ее солдаты, земляки фюрера, участвовали во всех кампани-

ях вермахта, промаршировав, порой с серьезными боями, по территории Чехословакии, Польши и Франции. Интересное совпадение: эмблема 45-й пехотной дивизии представляла собой изображение крепостных ворот с зубчатым парапетом и двумя башнями. Для предстоящего штурма дивизия была усилена тремя артиллерийскими полками, девятью мортирами калибра 210 мм и девятью тяжелыми минометными батареями «Небельверфер». На вооружении последних находилось 54 принятых на вооружение в 1940 г. «метательных приборов» для стрельбы турбореактивными снарядами. Прямое попадание 280-мм фугаса с 45,4 кг взрывчатки полностью разрушало каменный дом или полевое укрепление. Осколки разлетались на 800 м, поражая все живое. Зажигательный снаряд калибра 320 мм был начинен 50 килограммами сырой нефти, способной вызвать пожар на площади до 200 квадратных метров.

Кроме того, казематы крепости должны были стать полигоном для испытания в боевых условиях сверхмощных 600-мм осадных артсистем типа 040 (неофициальное название «Карл»), стрелявших фугасными и бетонобойными снарядами весом 1,7 и 2,2 тонны. Снаряд самой крупнокалиберной в мире самоходной мортиры с расстояния 4,5 километра пробивал бетонную плиту толщиной до 3,5 метра или 450-миллиметровую броню. Численность персонала, закрепленного за каждой артустановкой, железнодорожным спецсоставом, с учетом передовых наблюдателей, корректировщиков и связистов, составляла 109 человек. В район Бреста прибыла 2-я батарея 833-го тяжелого артдивизиона, состоявшая из двух 126-тонных монстров.



Эмблема 45-й пехотной дивизии.

Поднятые по тревоге соединения армии генерала А.А. Коробкова, под-

вергаясь непрестанным авиационным ударам и артиллерийскому обстрелу, вступили в тяжелые бои с уже переправившимся через Буг противником. Особенно тяжелое положение сложилось в 6-й и 42-й стрелковых дивизиях, части которых понесли наибольшие потери и не смогли произвести организованный вывод подразделений в назначенные районы.

34-я пехотная дивизия немцев нанесла поражение размещавшимся в Южном военном городке 22-й танковой дивизии, 204-му и 455-му корпусным артиллерийским полкам. Городок, битком набитый боевой техникой и личным составом, спавшим на 3—4-ярусных нарах, располагался на ровной местности в 2,5 километра от государственной границы и представлял собой идеальную мишень для германской артиллерии. От ее ударов и налетов авиации в первые минуты погибли и получили ранения большое количество красноармейцев и членов семей командного состава. Было уничтожено более половины танков, артиллерии, автомашин, автоцистерн и мастерских. Загорелись, а затем взорвались артиллерийский склад и склад горюче-смазочных материалов. Остатки дивизии, прикрывшись контратакой 44-го танкового полка, вышли из Южного городка и под огнем противника беспорядочно переправились через реку Мухавец, стремясь как можно быстрее достичь района Жабинки.

Почти полностью были уничтожены части и техника, собранные по приказу штаба округа на артиллерийском полигоне для проведения запланированных опытных учений.

Севернее и северо-восточнее Бреста собирались остатки войск, отступающих из крепости. Бойцы прибывали поодиночке в полураздетом виде. Материальную часть стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. Группы оставшихся в живых,

ведя ружейный огонь, отходили к гарнизонному кладбищу и форту «Граф Берг». В форту под командованием сержанта Агапова красноармейцы держались до 18 часов, а потом отступили к деревне Тюхиничи.

Меньшие потери понесли части 28-го стрелкового корпуса, размещавшиеся в Северном городке. Отсюда удалось выбраться в район деревни Тельмы 447-му корпусному артполку с 19 орудиями, двум дивизионам 17-го гаубичного полка и 18-му батальону связи.

С уходом 22-й танковой дивизии генерал-майора В.П. Пуганова город остался беззащитным. Попытки стрелковых частей собраться в районах сбора по тревоге, с тем чтобы потом выступить для занятия своих оборонительных позиций, оказались безуспешными. 22 июня к 7 часам утра части 45-й и 34-й пехотных дивизий заняли Брест. Вследствие неподготовленности советских войск к отражению противника и потери управления в первые же часы войны большая часть соединений 4-й армии потерпела серьезное поражение и к исходу дня была отброшена на 25—40 километров от государственной границы.

Война на улицах Бреста. Июнь 1941 г.

Однако с этого же времени заскрипели первые песчинки в шестеренках рассчитанного с немецкой скрупулезностью механизма «блицкрига».

Героически сражались пограничники 4, 10, 13-й и других застав Брестского погранотряда. На вспомогательных направлениях ударов противника пограничники успешно вели боевые действия в течение 10—16 и более часов. В течение 22 июня оборонялась в здании облвоенкомата группа под командованием майора М.Я. Стафеева. До конца июня группа военнослужащих и работников милиции под руководством лейтенанта Н. Шимченко и старшины П.П. Баснева продержалась в подвалах Брестского железнодорожного вокзала.

Препятствием на пути противника стали и гарнизоны дотов 62-го укрепленного района. Некоторые из них вели огонь до 28 июня. Располагавшиеся в районе Бреста, на направлении главного удара, ДОТы 1-й и 2-й рот 18-го отдельного пулеметного батальона майора Н.П. Бирюкова продержались сутки. Противник, точно зная расположение и сектора обстрела огневых точек, сразу применил против них тяжелую артиллерию и огнеметы.

Сильнейшим очагом сопротивления советских войск стала Брестская крепость. Немцы обрушили на нее шквал огня, в течение получаса они вели ураганный прицельный артобстрел по всем воротам крепости, предмостным укреплениям, артиллерийскому и автомобильному паркам, складам боеприпасов, домам комсостава, передвигая зону огня каждые 4 минуты на 100 метров в глубь крепости. Четыре тысячи снарядов и мин, разрывавшихся каждую минуту, должны были ошеломить и подавить всякую волю к сопротивлению. Следом, сами потрясенные гигантским огневым ударом и уверенные в легкой победе, шли штурмовые группы 130-го и 135-го пехотных полков, усиленные подразделениями 81-го саперного батальона. «Мы думали, что в Цитадели все об-

ращено в прах и пепел», — вспоминает пастор 45-й пехотной дивизии Рудольф Гшопф. «Это был тщательно спланированный ад, — вторит Пауль Карель. — Ни одного камня не должно было остаться после такого обстрела».

Дивизия, командование которой совсем недавно принял генерал Фриц Шлиппер, атаковала двумя полковыми группами, поскольку 133-й пехотный полк был выделен в резерв корпуса.

На главном направлении, на правом фланге, находился 130-й пехотный полк под командованием полковника Гельмута Гиппа. Полк должен был форсировать Буг, овладеть Южным островом и четырьмя мостами на Мухавце к востоку от крепости. Затем, пройдя южной частью Брест-Литовска, продвигаться к восточным предместьям города. Захватить Волынское укрепление предстояло двум ротам 3-го батальона (320 человек) майора Ульриха, находившимся во втором эшелоне полка. Для подстраховки с целью захвата мостов и предотвращения их подрыва была задумана спецоперация группы лейтенанта Кремера, которая должна была попытаться взять мосты, продвигаясь на штурмовых лодках вверх по южному рукаву Мухавца.

135-й полк полковника Фридриха Йона (всего в полку 2780 человек боевого состава, 151 пулемет, 18 тяжелых минометов, 27 легких минометов, 8 пехотных орудий, 9 орудий ПТО) должен был двумя батальонами захватить железнодорожный мост через Буг западнее крепости, пересечь реку, овладеть Северным и Западным островами, частью цитадели и пробиться к восточному предместью Брест-Литовска, замкнув кольцо окружения вокруг города.

Первый батальон полка под командованием майора Ельце пересекал Буг на надувных лодках и мосту у западной оконечности Северного острова, захватывал

мост, врывался в крепость с северо-запада, брал Северный остров и двигался к железнодорожному вокзалу. В составе атакующей группы батальона насчитывалось 750 человек. Быстрым охватом крепости батальон должен был воспрепятствовать отходу из нее частей русских и вывозу материальной части и запасов.

Третий батальон гауптмана Праксы двумя ротными группами (9-я рота — полковой резерв) во взаимодействии с саперным взводом пересекал Буг на надувных лодках, захватывал Западный остров, затем центр крепости и Брестский (Трехарочный) мост Цитадели.

Второй батальон майора Парака составил резерв дивизии.

Итого, для штурма Западного и Центрального островов выделялось 650 бойцов, а всю территорию крепости должны были в быстром темпе зачистить два неполных батальона — 1400 германских пехотинцев. Решающим фактором победы считались неожиданность нападения и мощная артиллерийская подготовка. Согласно графику, крепость должна была пасть к полудню.

Да разве это серьезное укрепление! Так, обычные казармы.

Можно отметить, что план штурма Брест-Литовской крепости был таким же авантюрным, как и весь план «Барбаросса». Но надо помнить, что главная задача 45-й пехотной дивизии — не крепость, а мосты, по которым покатятся «панцеры» Гудериана.

В результате обстрела части гарнизона крепости понесли большие потери убитыми и ранеными, особенно подразделения, находившиеся на Центральном острове, на который пришлась основная доля огня реактивных минометов и удар 210-мм мортир 34-й дивизии. Они не пробивали старые стены, но те сооружения, чьи окна выходили на юго-запад, охватил пожар. Ошарашенные бойцы прятались под нарами или выскакивали из окон,

Немецкий артиллерийский расчет ведет огонь по окнам кольцевой казармы. Июнь 1941 г.

чтобы разбиться о мостовую, либо попасть в самое пекло — во дворе в эти минуты шансов выжить почти не было, там, по словам очевидца, бушевал «какой-то сумасшедшей силы ураган огня и стали». Горели крыша кольцевой казармы, машины 31-го автобата, помещения 333-го стрелкового полка, здание пограничников, в которое угодил снаряд одного из «Карлов». Огонь бушевал на втором этаже в расположении 84-го стрелкового полка, пылали третий этаж и пожарная вышка Белого дворца, сараи, конюшни, сложенные во дворе дрова. Горела даже земля.

«Какая-то неумолимая сила легко оторвала меня от подоконника, швырнула на пол, — вспоминает младший сержант 3-й комендатуры С.Т. Бобренок. — Дом содрогается от страшного удара. Вскакиваю с пола, выбегаю в коридор. Обалдело смотрю вверх, вниз. Надо мною — небо в огненных разрывах, подо мною — груды битого кирпича, пыль. Доносятся крики и стоны бойцов, заваленных обломками стены: прямым попаданием крупно-

калиберного снаряда разрушен угол нашего дома. Разрывы снарядов сливаются в один сплошной рев... И оттого ли, что мы раздеты, что нет в руках оружия, что не слышно человеческих голосов, — мы чувствуем себя совершенно беспомощными».

Для выхода на восток можно было использовать только Северные и Восточные (Кобринские) ворота, но и на них противник сосредоточил сильнейший артиллерийский огонь. Киномеханик ефрейтор Н.И. Соколов, открутив сеанс в клубе, вернулся в свою казарму, в расположение 98-го отдельного противотанкового артдивизиона, и крепко уснул, в той мирной жизни, а на рассвете:

«Страшный грохот, звон битого стекла, стоны раненых и перепуганных бойцов сразу заставили меня вскочить с постели. В лицо пахнуло гарью и пылью. По всему горизонту полыхало зарево. В помещении стало светло. Мы предполагали, что это горит нефть или керосин, но доносившийся свист снарядов, а затем оглушительные взрывы заставили нас изменить свои предположения. Кто-то крикнул: «Война!»

В этом кромешном аду бойцы, словно по команде, кинулись к орудиям, тягачам автомашинам. Некоторые бросились к водонапорным кранам, которые находились рядом с казармой, чтобы наполнить котелки и фляги водой. Но, к сожалению, воды уже не было. Начали разбирать винтовки, стоявшие в пирамиде. Часть из них уже была повреждена. Забрали противогазы, шинели, не было патронов. Точнее, они были, но дневальный не решался без командиров раздавать их. Его пытались уговорить, но он был неумолим. В суматохе и смятении мы смотрели друг другу в глаза и спрашивали: «Что же это такое? Почему не объявляют боевой тревоги?» От испуга многие тряслись, словно в лихорадке. Чтобы успокоить себя, мы прижались к стене, но и она содрогалась от

рвущихся бомб и снарядов. Бойцы, не состоявшие в расчетах, не знали, что делать. Выходить из помещения было опасно».

Рядовой 98-го ОПАД В.П. Никифоров «взял карабин и аккумулятор, быстро побежал в боевой парк, но это небольшое расстояние очень трудно было преодолеть, буквально все было под огнем, многим товарищам так и не удалось добраться в парк».

Выйти из Цитадели смогли лишь отдельные подразделения, вывезти какую-либо материальную часть не удалось. Не смог вырваться и 75-й разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии, имевший на вооружении плавающие танки Т-38 и бронемашины. Его личный состав, находившийся в Белом дворце и здании Инженерного управления, с началом боевых действий бросился к автоброневому парку, чтобы вывести боевые машины (в крепости стояло около 40 единиц бронетехники). На этом пути многие погибли. Почти вся техника была разбита, вырваться из крепости сумели только семь бронеавтомобилей БА-10, из шестнадцати танков в район сосредоточения не вышел ни один. Командир 31-го отдельного автобатальона капитан Я.Д. Минаков, забрав знамя, вместе с оставшимися бойцами пытался уйти через Тереспольские ворота, но на полпути вся группа была накрыта огнем артиллерии.

Начало борьбы за крепость описано в кратком отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии:

«В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного загради-

тельного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводной канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь».

Командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В.С. Попов 9 июля 1941 г. доносил командарму-4:

«В первый же период артиллерийского обстрела были разрушены мосты, выводившие из крепости (через реку Мухавец). Сооружения и склады крепости, военные городки, а также район вокзала Бреста сразу же охватило огнем, причем пожар быстро распространялся вследствие продолжавшейся интенсивной бомбардировки...

Планомерный сбор и развертывание частей корпуса, предусмотренные красным пакетом, были сорваны. Склады горели и взрывались. Командный состав, живущий в днс *(домах начальствующего состава)*, в большинстве своем не мог попасть к своим подразделениям.

Гарнизон крепости был артиллерийским огнем и пожаром расчленен на отдельные группы людей, одна часть которых искала укрытия от обстрела, другая — сквозь пламя пожаров и беспрерывные взрывы снарядов стремилась к выходам из крепости. В результате удалось вывести разрозненные подразделения 333-го и 125-го сп, а также отдельные группы 44, 455 и 84-го сп...

Подавляющая часть семей начсостава осталась в городе Бресте и крепости. В общей сложности из находившихся в крепости частей: 5 батальонов 6-й сд и 2 баталь-

она 42-й сд со спецподразделениями было выведено предположительно 50%».

С началом артиллерийской подготовки противника в городе и крепости погас свет, прервалась телефонная связь. Средних командиров в батальонах насчитывались единицы. Командиры, сумевшие пробраться к своим подразделениям, вывести их не смогли и остались в крепости. Все выходы из бастионного кольца находились под плотным вражеским огнем.

Советская артиллерия, находившаяся в открытых парках, большей частью была превращена в металлолом на месте. Практически полностью погиб 1-й дивизион 131-го артиллерийского полка, материальная часть и конский состав артиллерийских частей, сгорели автомашины. Взрывами и пожарами было разрушено и уничтожено большинство складов с неприкосновенными запасами дивизий.

Таким образом, большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий остались в местах постоянной дислокации не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выбраться. Комиссар 6-й стрелковой дивизии М.Н. Бутин сообщал, что в районе сосредоточения из разрозненных групп бойцов удалось собрать в общей сложности менее двух батальонов (из пяти, находившихся в крепости) бойцов 84, 333, 125-го стрелковых полков и 9 орудий 2-го дивизиона 131-го артполка. Командир 42-й стрелковой дивизии генерал И.С. Лазаренко в сентябре 1941 г. был обвинен в том, что «...проявил растерянность и бездействие, оставив в Брестской крепости часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады». Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила комдива к расстрелу с заменой высшей меры на десять лет исправительных лагерей. Год спустя он был помилован и направлен в действующую армию.

И.С. Лазаренко снова стал командиром дивизии, принял участие в Белорусской операции и погиб летом 1944 г., удостоившись посмертно звания Героя Советского Союза.

На территории крепости осталось 4,5—5 тысяч бойцов и командиров, которые и составили «бессмертный гарнизон».

Используя внезапность нападения, передовые части 45-й пехотной дивизии попытались овладеть крепостью с ходу. Ударная группа 1-го батальона 135-го пехотного полка в считаные мгновения захватила железнодорожный мост варшавской дороги. Первая волна 3-го батальона, прикрываясь огневым валом и дымовыми завесами, на резиновых лодках и понтонах форсировала рукав Западного Буга и, смяв пограничные наряды, ворвалась на Тереспольское укрепление. Двинулся вперед первый эшелон 130-го полка. С противоположной стороны — пока ни одного выстрела.

Правда, без потерь все-таки не обошлось. Шальной снаряд имперского производства накрыл диверсионную группу Кремера, уничтожил четыре из девяти штурмовых лодок и вывел из строя 20 солдат. Не без сомнений лейтенант решил продолжить рискованную операцию и направил наполовину уменьшившуюся флотилию в южный рукав Мухавца. Однако, достигнув Холмских ворот, лодки выскочили на мель как раз напротив казармы 84-го стрелкового полка, были обстреляны из окон первого этажа и вынуждены повернуть назад. Кремер не сдался, теперь он решил обогнуть Центральный остров северным путем. Такое неуемное стремление отличиться и заслужить Железный крест в вермахте называли «шейной болезнью». Буквально через пару часов честолюбивый лейтенант заработает пулю в голову от русского снайпера, а с нею и деревянный крест на свою могилу.

К 4 часам, едва немецкая артиллерия прекратила свою разрушительную работу, батальон майора Ельце через Северо-Западные ворота ворвался на Северный остров, занял значительную часть главного вала и повел наступление в направлении казарм 125-го стрелкового полка, Западного форта и домов начсостава. Немецкие саперы приступили к наведению 8-тонного моста от северной оконечности Тереспольского укрепления к западной части Кобринского. Но дальше дело застопорилось: по мере продвижения 1-го пехотного батальона в глубь острова с разных сторон все гуще летели советские пули, целенаправленно выбивавшие офицеров. Прогулка превращалась в серьезный бой.

Зато майор Ульрих сообщил о взятии Южного острова, правда, очень быстро он понял, что поторопился с докладом.

Почти одновременно три роты 3-го батальона Праксы промчались через Западный остров и, обходя отдельные очаги сопротивления, вышли к Тереспольским воротам, заняли прилегающие помещения кольцевой казармы, в том числе электростанцию, и проникли в Цитадель.

Здесь подразделения разделились. Одна группа бросилась к стоящему посреди двора зданию красноармейского клуба 84-го полка, в котором сразу обосновались пулеметчики и корректировщики артиллерийского огня; вторая, мимо казармы 333-го полка и 9-й заставы, — к Трехарочным воротам и далее на Северный остров; третья — к Холмским воротам и зданию Белого дворца. Часть немцев, закрепившись в клубе, столовой комсостава (бывший дом ксендза) и отсеке столовой 33-го инженерного полка, открыла убийственный огонь по Трехарочному мосту и двору Цитадели, где метались безоружные, ничего не понимающие красноармейцы.

Но, несмотря на захлестнувший Центральный остров хаос:

оставшиеся в живых пограничники 3-й комендатуры уже откопали заваленную кирпичами пирамиду, разбирают винтовки и гранаты;

бойцы 9-й погранзаставы, в трусах, по команде лейтенанта А.А. Кижеватова достают из-под завала пулемет «максим»;

в подвале 333-го стрелкового полка, где скопилось около 100 человек, лейтенанты А.Е. Потапов и А.С. Санин группируют вокруг себя знакомых бойцов;

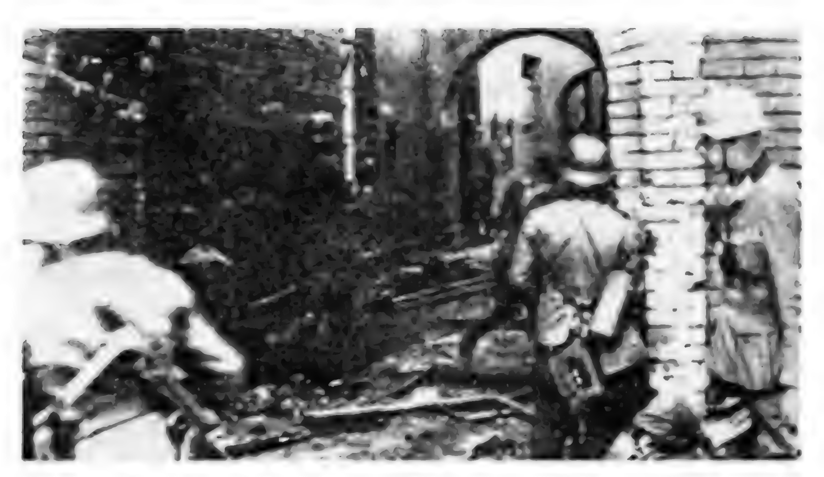
полковой комиссар Е.М. Фомин приводит в чувство красноармейцев 84-го стрелкового полка, расставляет их у окон, и два пулемета тупыми рыльцами смотрят во двор (в казарме больше 1000 человек, но командиров недостает катастрофически);

играют построение в коридоре казармы 33-го инженерного полка: «Всем распоряжались младшие командиры-комсомольцы. Строй был шумный. Состав красноармейцев делился на группы, которые занимали оборону у окон. Вооружены были только винтовками с примкнутыми штыками и без патронов»;

в казармах 44-го и 455-го стрелковых полков, пытаясь соединиться с соседями, бойцы ломают перегородки отсеков между ротами, собирают цинки с патронами.

Штурмовая группа, продвигавшаяся вдоль внутренней стены кольцевой казармы к Белому дворцу, втянулась в проход между кольцевой казармой и оградой Инженерного управления. И здесь им во фланг от Холмских ворот ударили красноармейцы 3-го батальона 84-го стрелкового полка под руководством заместителя политрука Самвела Матевосяна. Пулеметы и винтовки били в упор, а затем:

«Какой-то глухой, протяжный шум послышался внутри казарменного здания, двери, ведущие во двор, рывком распахнулись, и с оглушительным яростным «ура» в



Немецкая штурмовая группа в крепости. Июнь 1941 г.

самую середину наступающего немецкого отряда потоком хлынули вооруженные советские бойцы, с ходу ударившие в штыки. В несколько минут враг был смят и опрокинут. Штыковой удар, словно ножом, рассек надвое немецкий отряд. Те автоматчики, что еще не успели поравняться с дверями казармы, в панике бросились назад, к зданию клуба и к западным, Тереспольским, воротам, через которые они вошли во двор. А большая часть отряда, отрезанная от своих, кинулась бежать по улице к восточному краю острова, и за ней по пятам с торжествующим «ура» неслись атакующие бойцы, работающие штыками. А за ними, также крича «ура», бежали другие бойцы, вооруженные кто саблей, кто ножом, а кто просто палкой или даже обломком кирпича («Ура», — признается сержант С.Т. Бобренок, — чередовалось со словами не совсем удобными для записи. В них — гнев, и ненависть, и радость мести»)...

Это был первый контрудар, нанесенный германским войскам, штурмующим крепость».

Это были первые трофеи и первые вражеские пленные.

Путь назад для немцев оказался закрыт. Отступавшего противника шквальным огнем встретили пограничники 9-й погранзаставы, бойцы 132-го батальона НКВД, 333-го стрелкового полка.

Лишь часть прорвавшихся в Цитадель автоматчиков нашла убежище в здании клуба и столовой комсостава.

Штурмовая группа 12-й роты, проскочив через Трехарочные ворота на Северный остров, повернула направо и мимо вала прикрывавшей кольцевую казарму батареи, в казематах которой разбирали оружие и баррикадировали входы бойцы роты приписного состава 33-го инженерного полка, устремилась к восточным валам. Оттуда немцев встретили огнем, и они были вынуждены «повернуть оглобли». Но и назад, через Трехарочный мост, пути уже не было. Остатки группы, оказавшиеся в окружении, засели на валу батареи.

После успешной контратаки и допроса пленных Фомин приказал Матевосяну надеть гимнастерку полкового

Красноармейский клуб 84-го стрелкового полка. Фото 1960 г.

комиссара и на трех уцелевших пушечных БА-10 прорваться в город, выяснить обстановку и доставить в крепость командный состав. Погрузив боеприпасы, машины двинулись к Трехарочным. Но добраться до Бреста не получилось: Восточные ворота оказались забиты сгоревшими тягачами, у Северных наблюдалась та же картина, Северо-Западные уже занял противник. Пришлось возвращаться обратно.

В 4.30 от Тереспольских ворот, забрасывая ручными гранатами подвалы 333-го полка и окна здания пограничников, бросилась в атаку вторая волна батальона Праксы с командиром во главе («Тактика немцев — забрасывание гранатами — причиняла нам немалый урон», — признает рядовой А.М. Филь. «Контртактика» была придумана следующая: заметив, что гранаты взрываются с замедлением, красноармейцы укладывали под окнами матрасы, смягчавшие падение, и метали гранаты обратно).

Обтекая погранзаставу, немцы снова пытались прорваться на Северный остров через Трехарочные ворота. Им удалось поджечь два из возвращавшихся в расположение полка бронеавтомобилей Матевосяна, под огнем проскочить мост и достигнуть подступов к Восточному форту. С занятой позиции отчетливо были видны фигуры солдат 1-го батальона, пробивавшиеся к форту с запада. Но именно в этот момент командир 135-го пехотного полка, находившийся в первом батальоне и ничего не знавший о действиях третьего, приказал майору Ельце «привести подразделения в порядок», а затем обратился к командованию дивизии с настойчивой просьбой ввести в дело резервный 2-й батальон майора Парака. На практике это означало отход.

Гауптман Пракса с оставшимися в живых бойцами также приступил к ретираде. К нему присоединились остатки 12-й роты из первой волны. Предстоял обратный

путь от Трехарочных к Тереспольским воротам, и, хотя отступление прикрывалось огнем из столовой 33-го инженерного полка, пройти удалось немногим. Где-то на этом пути, во дворе Цитадели, около 5 часов утра красноармейская пуля настигла и командира разгромленного 3-го батальона. Еще час спустя на Северном острове, поднимая в атаку залегшие подразделения, погиб майор Ельце.

Бои развернулись по всей территории крепости. С самого начала они приобрели характер обороны отдельных ее укреплений без единого руководства, без связи и без взаимодействия между защитниками отдельных участков. Ряды оборонявшихся возглавили командиры и политработники, нередко командование на себя принимали сержанты и рядовые красноармейцы. Порой и вовсе не было никакого руководства, бойцы хватали винтовки, вскрывали склады боепитания и стреляли: «Командиров в нашем подразделении не было, но мы все понимали, что надо защищаться».

Можно сказать, что первый отпор был стихийной реакцией. Вот как об этом вспоминал лейтенант А.С. Санин, один из организаторов обороны расположения 333-го стрелкового полка: «Моя роль, как командира, сводилась к решению общих вопросов. Мне кажется, что я совсем и не командовал. Все, кто способен был действовать, действовали без всякой команды, и уж только тогда, когда что-нибудь было сделано, следовал доклад...

Никто никого не заставлял, не приказывал — как-то все шло само собой, по собственной инициативе бойцов и командиров. В то время было трудно понять, кто боец, кто командир, все были равными, все одинаково горели желанием не подпустить врага к зданию».

Оружейный мастер 44-го стрелкового полка старший сержант А.П. Бессонов: «Люди собрались из разных полков, и понять, где командир и где рядовой боец, нельзя

было, большинство были раздеты... Люди смешались, стали действовать поодиночке или группами безо всякого руководства, этого допускать нельзя было, нужен был руководитель, но офицеров нашего полка среди нас не было... Я был назначен «снабженцем», вернее не назначен, а сам себя назначил, по доставке оружия и боеприпасов на наш участок. Ведь это входило в мои обязанности работника боепитания полка».

Рядом с бойцами были женщины и дети. Они помогали раненым, подносили патроны, участвовали в боевых действиях с оружием в руках (что вдохновило генерала Блюментритта на сочинение байки о «женском батальоне», защищавшем старую крепость: «Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу»).

Конечно, не было, и не могло быть, все настолько плакатно-героично, как излагалось в советской легенде. Имели место и паника, и дезорганизация, и палили во все стороны для храбрости, в том числе — по своим.

Танкисты 75-го разведывательного батальона открыли огонь по собственным экипажам. «Когда мы с большими трудностями начали приближаться к танкам, то нас с наших же танков обстреляли пулеметными очередями. И вот, оставшиеся в живых, а их оказалось очень мало, бросились обратно в казарму», — рассказывает младший сержант К.И. Жармедов.

Заместитель командира роты связи лейтенант Л.А. Кочин находился в казарме 84-го стрелкового полка: «Паника была в первые минуты большая. Одни успели одеться, другие были в нижнем белье, все бегали, никто толком не понимал, что творится кругом. А кругом гремело, грохотало, пахло дымом и гарью, беспрерывно рвались снаряды и мины. Наши казармы располагались в юго-западной части Центрального острова, поэтому артиллерийский обстрел причинил нам особенно много вреда. Опомнившись, мы ликвидировали панику, заста-

вили людей одеться, взять оружие, расставили их по местам и, не теряя времени, стали организовывать оборону. Окна и двери забаррикадировали матрацами и подушками. В оставшихся отверстиях устанавливали пулеметы». А рядовой П.Г. Моршнев утверждает, что «артиллерийский обстрел» 84-го полка учинили пушкари 333-го стрелкового полка, полагая, что там уже обосновались немцы; не исключено, что они же подбили один из броневиков Матевосяна.

Тем не менее...

К 9 часам утра крепость была полностью блокирована противником, а уже к полудню командование 12-го армейского корпуса вынуждено было выделить из резерва 133-й пехотный полк полковника Фрица Кюлвайна. Однако, как говорилось в донесении генерала Шлиппера, это «...не внесло изменения в положение. Там, где русские были отброшены или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, водосточных труб и других укрытий появлялись новые силы, которые стреляли так превосходно, что наши потери значительно увеличивались».

Защитники Цитадели, используя знание местности, немногочисленные уцелевшие «полковушки», 45-мм противотанковые орудия и бронетехнику, удерживали почти двухкилометровое кольцо оборонительной казармы. В течение первого дня они отбили несколько ожесточенных атак противника. Ближний стрелковый бой среди деревьев, построек и развалин лишил немцев важного преимущества: боясь поразить собственные подразделения, они не имели возможности оказать пехоте артиллерийскую поддержку.

Так, введенный в бой на Северном острове 2-й батальон 135-го полка при поддержке противотанковых орудий достиг центральной дороги, захватил северную часть главного вала с Северными воротами, но организо-

ванная около 10 часов полковником Йоном атака на Трехарочные ворота с целью «спасти окруженных в Центральной цитадели военнослужащих 3-го батальона», провалилась. В северной части кольцевой казармы уже пришли в себя курсанты полковой школы 44-го полка; организовали энергичный отпор бойцы 455-го полка; разжились боеприпасами красноармейцы инженерного полка:

«Первые патроны мы добыли около 6—7 часов утра. Стало известно, что недалеко от нас, где-то в казармах 84-го стрелкового полка, находится склад боеприпасов. Сержанты Н. Якимов, А. Гордон, красноармеец Саркисов и я отправились за боеприпасами. Вдоль дороги, ведущей к 84-му полку, ходили три броневика из 75-го отдельного разведывательного батальона. Следуя один за другим, они двигались то вперед, то задним ходом. Из башен торчали небольшие пушки; под их прикрытием мы добежали до склада. Там распоряжался какой-то старшина, указывая где и что брать. Набив за пазуху гранат, захватив по нескольку коробок с запалами и по ящику винтовочных патронов, двинулись обратно. Справа горели постройки нашего хозвзвода, кругом шла стрельба. Упали Саркисов и Гордон, потом еще один боец. Все бросились на землю. Стреляли откуда-то сзади. Броневики уже покосились, два из них горели...

В течение дня еще несколько раз ходили в склад за патронами. У нас появились автоматы ППД и патроны к ним, несколько пистолетов».

Около 10 часов защитники Цитадели разобрались, что «откуда-то сзади» ведут огонь немецкие солдаты, засевшие в красноармейском клубе и столовой комсостава. Хотя осажденные в них «фрицы» сами находились в критическом положении, но зато они занимали ключевую позицию, позволявшую держать под пулеметным обстрелом практически весь внутренний двор.

Со стороны 455-го и 84-го стрелковых полков предприняли первую — неудачную — попытку выбить немцев из зданий клуба и столовой комсостава. «С западной стороны фашисты обстреливали нас из автоматов, — вспоминает рядовой И.Ф. Хваталин. — Они засели в комсоставовской столовой, находящейся от нас в 30 метрах. А с восточной стороны огонь противника велся из-за берега реки. Необходимо было во что бы то ни стало выбить гитлеровцев, засевших в столовой, так как они обстреливали оттуда всю площадь крепости и не давали нам возможности держать связь с 333-м стрелковым полком».

В ходе повторной атаки 2-го батальона майора Парака штурмовые группы прорвались во двор Цитадели со стороны Трехарочных и Бригитских ворот, но вновь были выбиты контратакой, которую возглавил начхим 455-го стрелкового полка лейтенант А.А. Виноградов, и дружным огнем из казарм 333-го и 44-го полков. Политрук П.П. Кошкаров: «Красноармейцы и младшие командиры собрали тяжелораненых и бережно перенесли в подвалы. Как вдруг прибегает связной от лейтенанта Попова и докладывает о том, что фашисты снова рвутся к Трехарочным воротам. Виноградов взял с собой два взвода и поспешил туда. Я же остался в районе обороны, чтобы держать под огнем площадь, а станковые пулеметы сосредоточил на валу берега Мухавца, прижимая плотным огнем фашистов к земле. Одновременно Виноградов и Попов завязали рукопашный бой на мосту через Мухавец, настил которого горел. Курсанты, красноармейцы, пехотинцы, саперы, связисты штыками и гранатами уничтожали фашистов, сбрасывая их в реку. Вода приобрела багровый оттенок, а трупы плыли, словно дрова на речном сплаве».

К полудню батальон Парака выдохся.

Как только наступила передышка, защитники Цитадели вновь взялись выкуривать немцев из здания клуба,

организовав совместную операцию нескольких боевых групп. Красноармейцы ворвались в бывшую церковь и уничтожили солдат противника.

«Часов в 10—12 утра, — вспоминает И.И. Долотов, — обнаружили, что в бывшем костеле засели немцы. Их атаковали из дверей и окон казармы, расположенной по другую сторону от Трехарочных ворот. Атаку поддерживали винтовочным и пулеметным огнем из окон второго этажа казармы нашего полка. С другой стороны казармы, в районе Холмских ворот, шел ожесточенный бой; около полудня к атакующим присоединились и мы.

Перед этим со стороны 84-го стрелкового полка прибежали трое. Они передали чье-то распоряжение об атаке на костел и, между прочим, об устройстве окопов перед казармами со стороны Мухавца. Окопов так и не сделали, так как вся стена обстреливалась с противоположного берега.

Я бежал к костелу со второй очередью атакующих. Пространство это небольшое, еще вчера здесь стояли палатки, походные кухни, но сейчас их как и не бывало. От дерева к дереву перебежками дошли до стен. Многие падали, сраженные огнем неприятеля. Лежа у стены, перевели дыхание. Изнутри слышались крики, взрывы и выстрелы. Двери костела, обращенные в сторону 333-го стрелкового полка, были открыты. Туда вбегали и выбегали наши красноармейцы. Внутри костела стоял мрак, и в первый момент не видно было даже людей, а только красноватые вспышки автоматных очередей. Немцы засели на хорах, наши внизу.

Скоро глаза привыкли, и мне показалось, что их не так уж много: 5—6 автоматов стреляли сверху. На крики у дверей я выскочил на улицу. Оказалось, что фашисты выпрыгивали из окон и бежали по направлению к кустам, растущим вдоль тротуара. Мы открыли огонь. Кроме того, гитлеровцы наткнулись на колючую проволоку,

скрытую кустами и отгораживающую территорию сада от дороги. Небольшая группа там, на хорах, поддерживала отход основных сил».

Правда, клуб был отбит лишь наполовину. Некоторые из немцев укрылись в подвале, другая часть сумела закрепиться на хорах. Тем не менее теперь они не имели возможности держать под огнем расположение 84-го стрелкового и 33-го инженерного полков.

Командир 45-й дивизии, прибыв на командный пункт 135-го полка, «личным наблюдением убедился, что боем пехоты крепость не взять». Для поддержки измотанной пехоты полковнику Йону была придана батарея из шести 75-мм штурмовых орудий 201-го дивизиона.

Но и защитники не теряли времени даром: группа младших командиров 44-го полка под руководством лейтенанта П.Л. Петлицкового на брюхе добралась до авторпарка, прикатила оттуда исправную 76-мм пушку и взяла под прицел Трехарочный мост. Снарядов имелось мало, поэтому расчет получил приказ вести огонь прямой наводкой только по бронетехнике или при наступлении «больших подразделений».

«Штуги» двинулись в атаку в 14 часов. Две машины заняли позицию в районе домов начсостава. Две поддержали огнем пехоту, штурмовавшую Восточный вал, но противотанкисты 98-го отдельного дивизиона сумели отбиться. Ефрейтор Н.И. Соколов: «Гитлеровцы не успокаивались. Они прямой наводкой обстреливали бастионы. Показался танк. Акимочкин приказал Зайцеву выкатить сорокапятку. Огонь открыл орудийный расчет Волокитина. Во время этого неравного поединка, длившегося несколько минут, погиб лучший наводчик дивизиона, друг моего детства Василий Волокитин. Видимо, израсходовав все снаряды, танк повернул назад, а в это время уже двигалась новая колонна гитлеровских автоматчиков... Наконец, когда гитлеровцы были уже близ-

ко, команда Акимочкина: «Гранатами — огонь!» Послышались стоны и крики фашистов, часть их повернула обратно. Несколько минут мы приходили в себя от неравного боя, еще не веря в то, что нам удалось отстоять полуразрушенные казематы».

Еще две самоходки устремились к Трехарочным воротам. Одна встала у въезда на мост и начала в упор расстреливать окна и амбразуры кольцевой казармы. «После того как враг был выбит из столовой, — вспоминает Иван Хваталин, — восточную сторону нашей казармы начали обстреливать танки. Мы, человек 30, находились в кладовой подразделения связи. Отсюда и открыли ружейный огонь по танкам. И хотя каждый знал, что подобными выстрелами нельзя причинить вреда этой стальной махине — все равно стреляли... Огонь их пушек унес немало людских жизней». Это орудие было уничтожено, по всей вероятности, зенитчиками 393-го дивизиона, стрелявшими со стороны Восточного форта.

Другое штурмовое орудие повело солдат 2-го батальона на мост, но ворота проскочило в одиночку: защитники крепости отсекли пехоту. Тогда «штуг» развернулся посреди двора и открыл огонь по внутренней стороне кольцевой казармы. «Немцы направили против нас танки. Они прошли в центр крепости и прямой наводкой с расстояния 10—15 метров били по амбразурам и окнам казармы. Нам приходилось перебираться с первого этажа на второй и обратно, и наконец мы были вынуждены уйти в подвалы. Наверху остались только наблюдатели».

Его удалось повредить и принудить к бегству выстрелами из пушки, установленной лейтенантом Петлицким.

Бойцы комиссара Фомина уверенно отражали натиск противника со стороны Холмских ворот. Здесь немцы, прекратив атаки, установили на противоположном берегу противотанковые орудия и прицельно били по окнам кольцевой казармы.

После сражения, развернувшегося буквально на его глазах, генерал Шлиппер понял, что пора менять тактику. Русские оправились от шока внезапного нападения, их оборона становилась все более организованной. Прямой штурм теперь вел лишь к росту потерь, не принося территориального успеха. По большому счету, в штурме уже не было необходимости, поскольку плотно блокированный гарнизон не угрожал движению германских войск по шоссе и железной дороге в районе Бреста и не мог помешать успешным действиям танковой группы Гудериана. Вывод — надо переходить к правильной осаде.

«Героев» походов на Варшаву и Париж постигло разочарование: «Русских подняли выстрелами во время сна, так как первые пленные пришли в подштанниках. Но вызывает удивление, как быстро они опомнились, собрали позади наших вырвавшихся вперед частей свои группы и начали организовывать упорную жесткую оборону... Наши потери быстро приняли значительные размеры, в особенности в отношении офицеров».

К вечеру 22 июня 45-я пехотная дивизия потеряла убитыми более 300 человек — вдвое больше, чем за всю польскую кампанию, в том числе двух командиров батальонов. В 3-м батальоне 135-го пехотного полка из строя выбыло две трети личного состава.

Тогда же были предприняты первые попытки склонить защитников крепости к капитуляции. На разных участках немцы посылали в качестве парламентеров пленных красноармейцев или гражданских лиц. В расположение 333-го стрелкового полка немецкий офицер направил дочь старшины музыкантского взвода Валю Зенкину:

«Я хотела, чтобы со мной пошла мама, но ее не пустили.

— Мать останется здесь. Ты должна вернуться сюда и передать нам ответ советского командования.

Меня повел солдат в помещение электростанции и вытолкнул через дверь во двор Цитадели... Крепость горела, кругом было тихо, вся площадь усеяна убитыми. Мне стало страшно.... Затем слышу выстрел из подвала 333-го стрелкового полка и крики: «Валя! Ползи! Ползи сюда!» И я побежала к окну подвала. Кто-то подхватил меня на руки, поставил на пол. Здесь уже можно было видеть наше и немецкое оружие. Бойцы были в касках, большей частью в немецких. Кижеватова я привыкла видеть в форме пограничных войск, а теперь он был в пехотной». Все на меня смотрели молча, удивленно. Мне показалось, что они меня считают изменницей и расстреляют. Я почувствовала себя виноватой перед ними за то, что побывала в плену».

В итоге Валя осталась в подвале и помогала ухаживать за ранеными. Похожая картина наблюдалась и на других участках: парламентеры либо не возвращались, либо были убиты.

Во избежание чрезмерных «кровавых потерь» германское командование решило оттянуть пехоту из крепостных укреплений, создать за внешними валами блокадную линию, чтобы утром вновь начать с артобстрела. Отвод войск начался в 19 часов. На Западном и Южном островах 1-й и 2-й батальоны 133-го пехотного полка сменили подразделения 135-го и 130-го полков. 3-й батальон под командованием гауптмана Герштмайера блокировал Северный остров с востока.

Русские в Цитадели немедленно заняли оставленные позиции, практически полностью восстановив оборону по всей линии кольцевой казармы. Отдельные группы просочились на Западный и Южный остров (в некоторых воспоминаниях говорится о «переформировании» Мухавца и бое в районе госпиталя; в любом случае острова придется прочесывать заново).

Немцы теперь удерживали плацдарм на северо-западе

Кобринского укрепления, центральную часть Тереспольского и здания госпиталя на Волынском укреплении. Около 70 солдат с радиостанцией остались отрезанными в здании клуба и столовой комсостава и тщетно взывали о помощи.

Основную свою задачу — овладеть крепостью и продвинуться на рубеж восточнее Бреста — 45-я пехотная дивизия не выполнила и была вынуждена прибегнуть к тактике изматывания: «...врага должны были вынудить к капитуляции путем голода, жажды, разрушительного огня и умелой пропаганды».

Всю ночь осажденные безуспешно высылали разведгруппы, пытаясь установить связь с командованием, собирали оружие и патроны, рылись в развалинах обрушенных складов, учитывали и перераспределяли огневые средства и скудные запасы, налаживали взаимодействие с соседями, добывали воду и хоронили в воронках павших.

Пограничники лейтенанта А.М. Кижеватова, которых в живых осталось 37 человек, с женщинами и детьми покинули руины 9-й заставы и перебрались в подвалы казармы 333-го стрелкового полка.

Красноармейцы 455-го полка под покровом темноты прикатили из артиллерийского парка два исправных орудия, установили их в помещениях казармы и открыли огонь по куполу бывшей церкви и столовой комсостава. Затем они атаковали столовую, выбили оттуда немцев и взорвали здание.

Атака 333-го полка на клуб была сорвана заградительным огнем артиллерии противника.

Бойцы инженерного полка задумали с утра выбить немцев, засевших в соседнем отсеке: «Немцы, занявшие столовую, имели ручные рации, вели себя шумно, передавали сведения о крепости своему командованию, просили подкрепления. Надо было немедленно уничтожить их». Для этого была выделена группа из 25 человек под

командой сержанта Лермана, которая с целью увеличения своей «огневой мощи» взяла 45-мм пушку и снаряды с подбитого броневика.

Часть личного состава 84-го стрелкового полка под покровом темноты перешла в расположение 33-го инженерного. Правда, как выразился Иван Долотов, «получился казус»:

«Со стороны 84-го полка, после усилившейся там стрельбы, раздался шум бегущих в нашу сторону людей. Приближались они из промежутка между зданием Белого дворца и концом казармы 84-го полка. Кто бежит? Наши? Немцы?

Темно. Все решается мгновенно. Крик: «Немцы» — и вдоль всей стены наших казарм затрещали выстрелы. Отчаянные крики подбегавших дали понять о страшной ошибке. Но об отходе группы бойцов 84-го полка нас должен был предупредить специальный связной. Жертвы были, конечно, напрасными».

И всю ночь в крепости ждали подхода советских войск.

На территорию пограничного Тереспольского укрепления немецкая пехота ворвалась сразу после артобстрела. Внезапность нападения достигла своей цели. Часть пограничников погибла в казармах, многие получили ранения. Главными жертвами первых минут войны стали красноармейцы, собранные на курсы кавалеристов и спортсменов, — их здание рухнуло, похоронив под собой 30 человек. Начался пожар. Всю северо-западную часть острова, по которой немецкая крупнокалиберная артиллерия отработала особенно тщательно, заволокло дымом, «воздух был настолько насыщен дымом и гарью, что затруднялось дыхание, появлялся мучительный кашель». Пограничники, бойцы транспортной роты, мгновенно одевшись и схватив оружие, выбегали из горящих зданий, занимали оборону или пытались укрыться от об-

стрела в казематах. Некоторые побежали к мосту у Тереспольских ворот и прорвались в Цитадель.

Атака 11-й роты противника рассекла территорию Западного острова на две примерно равные половины. Стычек почти не было, немцы спешили к Тереспольским воротам. Лишь полтора десятка автоматчиков блокировали здание окружной школы шоферов.

Тем временем в южной и северной частях острова, в казематах, редюитах, недостроенных ДОТах скопилось около 80 человек.

В самом центре около 30 бойцов собрал вокруг себя командир транспортной роты старший лейтенант А.С. Черный. Он решил первым делом вывести весь автомобильный транспорт, «чтобы подать в распоряжение командования пограничного отряда», и бросился с подчиненными к гаражам, располагавшимся рядом с окружной школой шоферов. Подбежав к казарме, пограничники обнаружили, что она окружена «гитлеровцами, безжалостно уничтожавшими выбегавших курсантов». Группа Черного зашла с тыла, ударила из двух пулеметов, а затем схватилась с немцами врукопашную. Ликвидировав «фашистов», начали выводить из гаражей машины, но быстро выяснилось, что все дороги плотно простреливаются вражеским пулеметным огнем и вырваться уже невозможно, «автомашины, покинувшие гараж, тотчас же выходили из строя». Надо было занимать оборону: «Приходилось отбиваться от беспрерывно наседавшего врага и одновременно производить те или иные улучшения в своих укрытиях. Неприятель настойчиво стремился овладеть гаражом».

На Тереспольском укреплении сформировались три боевые группы, занявшие позиции в отдельных зданиях и недостроенных дотах. В северо-западной части острова вдоль вала над Бугом заняли оборону красноармейцы и пограничники кавалерийских курсов, саперного взвода,

усиленных нарядов 9-й погранзаставы и сборов физкультурников во главе с одним из командиров окружной школы шоферов лейтенантом А.П. Ждановым. Кроме периодичсских схваток с немецкой пехотой, они обстреливали наведенный противником понтонный мост. Возле гаражей и здания курсов шоферов Белорусского пограничного округа сражались личный состав транспортной роты 17-го погранотряда под руководством А.С. Черного. За южную оконечность зацепились курсанты под командованием начальника окружной школы старшего лейтенанта Ф.М. Мельникова.

Всего в начале боев на Западном острове находилось до 300 человек. Это были пограничники — отборный «материал», и в отличие от стрелковых соединений брестского гарнизона никаких маневров с выходом в районы сосредоточения для них не предусматривалось.

Им удалось очистить от прорвавшегося противника большую часть территории укрепления, но из-за недостатка боеприпасов и потерь в личном составе удержать ее они не могли. Оставалось сражаться и ждать подхода «главных сил». Группы защитников не были связаны между собой и с первого дня дрались в полном окружении. Однако — вспоминает пастор Гшопф:

«Наши потери в людях, а особенно в офицерах, вскоре приняли очень прискорбные размеры... Многочисленные стрелки с деревьев и из засад затрудняли продвижение через Западный остров следовавших за нами подразделений. Командир 3-го батальона 135-го пехотного полка капитан Пракса, а также командир 1-го дивизиона 98-го артиллерийского полка капитан Краус погибли здесь вместе со своим сопровождением».

«Между отдельными группами защитников непосредственной связи не было, — вспоминает А.С. Черный, — по возможности мы старались друг друга поддерживать огнем. Каждый был убежден в том, что все это носит вре-

менный характер и очень скоро враг будет отброшен. Поэтому мы стремились продержаться как можно дольше, сковывая своими действиями вражеские силы и уничтожая их. А между тем положение становилось все труднее. Отсутствие продовольствия и недостаток боеприпасов отрицательно сказывались на ходе обороны. Приходилось экономить патроны, тщательно обыскивать ночью убитых гитлеровцев в надежде найти боеприпасы.

Стало ясно, что фронт значительно удалился от крепости и придется длительное время находиться во вражеском окружении, а для этого необходимо было объединить силы оборонявшихся. Кроме того, что у других лучше обстоят дела с продовольствием и боеприпасами. Решили прорываться к своим.

Вечером 24 или 25 июня к нам примкнули курсанты-шоферы. Было назначено время и место сосредоточения бойцов для атаки. Перед отходом все уцелевшие машины облили бензином и подожгли. Богатая растительность на острове служила прекрасной маскировкой, что значительно облегчало наше передвижение. Энергично атакуя наступавших в направлении моста и дамбы, мы опрокинули и уничтожили находившихся там гитлеровцев».

Остатки групп Мельникова и Черного прорвались в северо-восточную часть Кобринского укрепления. При этом из 40 человек погибли 27. Закрепившись в каземате в земляном валу между Северными и Восточными воротами, отряд продолжал сражаться до 28 июня. В этот день погиб старший лейтенант Ф.М. Мельников, а старший лейтенант А.С. Черный был контужен и захвачен в плен.

Последние защитники Тереспольского укрепления — 18 бойцов во главе с лейтенантом А.П. Ждановым — вплавь перебрались в юго-западную часть Цитадели. В ночь с 5 на 6 июля, когда в группе осталось 8 человек,

лейтенант решил вывести свой отряд из крепости и соединиться с частями Красной Армии. Сквозь вражеские заслоны прорвались четверо, к своим войскам две недели спустя в районе Мозыря чудом добрались трое бойцов-пограничников, до Победы дошел один — Герой Советского Союза М.И. Мясников.

На Волынском укреплении к началу военных действий размешались окружной госпиталь, 95-й медико-санитарный батальон 6-й стрелковой дивизии, основная часть которого выехала в летние лагеря, полковая школа 84-го стрелкового полка, также накануне выведенная на артиллерийский полигон, наряды 9-й погранзаставы. На земляных валах у Южных ворот находился дежурный взвод полковой школы. Общая численность защитников оценивается в 180 «человек с ружьем».

В результате артиллерийско-минометного обстрела многие корпуса госпиталя были разрушены, начались

Руины госпиталя.

пожары, погибли и получили ранения много больных. Медперсонал и пациенты выбегали из зданий и прятались в подвалах и казематах главного вала. Но в хирургическом отделении на втором этаже пылающего госпиталя находилось немало лежачих больных. Их, до тех пор, пока не обрушилась крыша, пыталась спасти вольнонаемная медсестра П.Л. Ткачева. Начальник госпиталя военврач 2-го ранга Б.А. Маслов отдал приказ дежурному медперсоналу организовать вывод больных и раненых в казематы земляного вала. Его заместитель батальонный комиссар Н.С. Богатеев попытался организовать сопротивление. Однако эта попытка была быстро пресечена ворвавшимися на территорию госпиталя солдатами, в короткой схватке Богатеев был убит.

Больные хирургического отделения, укрывшиеся в одном из казематов, открыли огонь. В ответ полетели гранаты, и в течение двадцати минут все было кончено. В другом каземате нашла убежище большая группа женщин, детей и раненых во время обстрела во главе с военврачом Масловым. Надев белый халат, начальник госпиталя вышел к немцам и «подписал капитуляцию». После осмотра помещения немцы на время оставили в покое группу Маслова, продолжив прочесывание.

Курсантам полковой школы и бойцам медсанбата под руководством заместителя начальника школы лейтенанта М.Е. Пискарева и старшего политрука Л.Е. Кислицкого удалось закрепиться в казематах главного вала и в двухэтажном здании школы у Южных ворот: «Всем стало ясно, что началась война, но никто не верил, что она долго продлится. Утешались мыслью, что вот-вот наркоминдел уладит все и настанет тишина. Первым желанием каждого из нас было прорваться за валы и укрыться за кирпичной стеной Цитадели. Но жестокий артиллерийский огонь преградил туда путь. В руках винтовка

СВТ, пять холостых патронов и три взрывпакета. И так у каждого. У командиров пустые кобуры».

Тем не менее уже 22 июня на Южном острове получил ранение командир 98-го артполка полковник Велькер, перенесший сюда свой командный пункт. А на следующий день командир 133-го пехотного полка доложил, что на острове сложилось критическое положение, и попросил выделить ему бронеавтомобиль. Бронеавтомобилей в дивизии нет, и саперы приступают к подрыву отдельных зданий и казематов.

Согласно некоторым свидетельствам, пациентов госпиталя и медперсонал противник использовал в качестве заслона, погнав впереди атаковавших Холмские ворота солдат. Заместитель командира роты связи 84-го стрелкового полка лейтенант Л.А. Кочин, оборонявший кольцевую казарму: «Со стороны госпиталя мы заметили группу людей, двигавшихся в нашу сторону. В бинокль были хорошо видны немецкие автоматчики, которые гнали перед собой людей в больничных халатах и в гражданской одежде. Это были больные из госпиталя и медицинский обслуживающий персонал, которых фашисты решили использовать как живой заслон. Они гнали их перед собой, зная, что в своих людей мы стрелять не будем. Тех, кто сопротивлялся, немцы расстреливали, больные что-то кричали нам, махали руками, а когда приблизились, мы услышали их призывы стрелять, не обращая ни на что внимания. Немцам удалось вплотную подойти к речке, и там они закрепились. Тогда мы поднялись в атаку и уничтожили большую часть их гранатами». Рядовой А.М. Филь утверждает, что противник пытался просочиться в Цитадель в штатской одежде или под видом больных из госпиталя, «в нижнем белье и халатах. Один из них был нами опознан, мы обнаружили у него под халатом автомат».

С точки зрения сегодняшнего дня — история маловероятная. Но воспоминания писали люди, внезапно для

себя из «изменников Родины» ставшие героями. Писали в определенное время и под определенный заказ. Поэтому на страницах опубликованных сборников и неопубликованных писем реальные трагические события, пережитые участниками обороны, переплетаются с откровенной фантастикой: над крепостью постоянно висят стаи вражеских бомбардировщиков, ее территорию утюжат десятки танков с огнеметами, с неба приземляются парашютные десанты, между боями в казематах допрашивают пленных немецких полковников, проводят партийные собрания и комсомольские летучки, а враг — обязательно «откормленный эсэсовец с нашивками черепа и скрещенных костей на рукавах» — трусливо бежит, бросая оружие, от громового красноармейского «Ура!».

Основную часть Волынского укрепления немцы зачистили на третий день боев. Некоторым защитникам удалось перебраться в Цитадель, и лишь единицы — группа Кислицкого — вырвались из кольца. Большинство погибли либо оказались в плену.

На Кобринском укреплении с момента военных действий возникло несколько участков обороны. На территории этого самого большого по площади укрепления находилось много складов, коновязей, артиллерийских парков. В казармах, а также в казематах земляного вала размещался личный состав, в жилом городке — семьи начсостава. Кроме того, на острове стояли палатки приписного состава 44-го стрелкового и 33-го отдельного инженерного полков.

В первые часы войны через Северные ворота часть гарнизона прорвалась в пункты сбора. Командир 125-го стрелкового полка майор А.Э. Дулькейт под разрывами снарядов сумел вывести свои подразделения в район сосредоточения через Северо-Западные ворота. Прикры-

тие выхода из крепости, а затем оборону казармы 125-го стрелкового полка возглавил батальонный комиссар С.В. Дербенев. В Западном форту в бой вступила группа лейтенанта П.И. Давыдова.

В районе жилых домов начсостава, в корпусе № 5, не сумев пробиться в расположение своего полка, закрепилась группа командиров 125-го полка во главе с комбатом капитаном В.С. Шабловским. Здесь же нашли убежище женщины и дети, среди них жена старшины из 75-го разведывательного батальона С.И. Ноздрина: «Из дома в дом перебегали несколько раз. В последнем доме, где остановились, были военные и женщины. Военные находились на чердаках, оттуда вели стрельбу. Старшим был Шабловский, его все знали и слушали. Вооружены были пистолетами».

Из воспоминаний военврача 3-го ранга М.Н. Гаврилкина: «Капитан Шабловский хотел вывести оставшуюся группу военнослужащих из крепости, считал, что оборона бессмысленна. Попытались перебежать к Северным воротам, добежали до парка и были от Северных ворот обстреляны из пулемета. Повернули назад и вернулись в дом. Было их 20—25 человек. Поднялись на чердак. Там просидели до вечера. Из чердачного окна видели мост через Мухавец у Брестских ворот, заваленный трупами. Часа в 3—4 гитлеровские автоматчики попытались подойти к дому, но их обстреляли. Ночью в дом пробралась группа бойцов с территории 125-го стрелкового полка».

Напряженный характер приобрели боевые действия в районе Восточных ворот, где сражались воины 98-го отдельного противотанкового дивизиона. Его командир капитан Н.И. Никитин, пытаясь вывести часть в район сосредоточения, отдал приказ грузить в тягачи и автомобили снаряды и секретные документы. Однако время было упущено. Когда колонна машин с прицепленными

орудиями двинулась через Кобринские ворота, ее встретил сосредоточенный огонь пулеметов и противотанковых орудий 1-го батальона 130-го пехотного полка.

Заместитель командира батареи лейтенант В.С. Чесноков: «Когда мы сели в танкетки и только переехали ворота Восточного форта, как нас встретили немцы ураганным огнем противотанковой артиллерии. Первые машины загорелись, трем создали пробку. Попробовали ехать в объезд — некуда. Пришлось давать команду спасаться, занимать оборону в кювете и последним отходить обратно в свой форт».

Жена политрука Е.С. Костякова: «Прорваться из крепости удалось лишь одному тягачу, остальные были подбиты вместе с пушками сразу за воротами на горке. Бойцы, сидевшие на тягачах, почти все погибли. Я сама это видела, когда выходила из крепости».

В итоге получилось так, что уехал командир дивизиона, а большинство расчетов не смогли вырваться из огненного кольца. Начальник штаба лейтенант И.Ф. Акимочкин и старший политрук Н.В. Нестерчук, собрав оставшихся бойцов, организовали круговую оборону. Защитники оборудовали на валах и перед помещением штаба огневые позиции для 45-мм пушек и пулеметов, подвезли со склада боеприпасы.

В северо-восточной части главного вала в районе Северных ворот в течение двух дней сражался отряд бойцов и командиров из разных подразделений под руководством командира 44-го стрелкового полка майора П.М. Гаврилова. Пробравшись в крепость в первый час артиллерийского налета, он не сумел вывести свой полк и возглавил оборону на этом участке. Энергичный майор подчинил себе разрозненные группы и, разбив их на три роты численностью более ста человек в каждой, приказал занять позиции по линии главного вала и Западного Форта. Встретив командира 18-го отдельного батальона

связи капитана К.Ф. Касаткина, назначил его начальником штаба. Узнав, что в Восточном форту скопилось много людей, Гаврилов и Касаткин отправились туда. В форту находилась часть 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, транспортная рота 333-го стрелкового полка, учебная батарея 98-го противотанкового дивизиона, воины других подразделений — всего около 100 человек. Здесь же укрылись семьи командиров. Пятьдесят бойцов Гаврилов отправил на защиту валов, полсотни оставил в резерве, при себе оставил двух пограничников и быстро провел ревизию доставшегося «хозяйства». Обнаружились счетверенный зенитный пулемет на втором этаже внутренней казармы, радиостанция, телефонные аппараты, продовольственный склад с ледником, а главное — боеприпасы:

«От бойцов 333-го сп узнал, где склад боепитания. Дверь железная, не взломать. Приказал пробить стену. Стали оттуда доставать оружие и боеприпасы. Много было — без счета. На полк полагалось три боекомплекта. Это на каждого бойца 360 патронов (120 б/к), от 6 до 10 гранат. А у нас батальон примерно в 500 человек. Да еще ежедневно 20—30 человек выходило из строя. Счетверенному пулемету дал в первую очередь. Сразу стало легче на душе».

У подножия внешнего вала находились позиции двух зенитных орудий, несколько западнее были установлены две противотанковые пушки, расчетами которых командовал лейтенант П.Г. Макаров.

П.М. Гаврилов: «Сделали лестницу над санчастью, ведущую на внешний вал. Я перелез через вал к зенитчикам — было по 60 снарядов на орудие. Приказал бить прямой наводкой по танкам, если появятся».

В конюшнях укрепления содержалось до 200 лошадей, доставивших немало хлопот гарнизону.

Командный пункт обосновали в контрэскарповой га-

дерее. Здесь же развернули лазарет во главе с военфельдшером Р.И. Абакумовой. Была проведена телефонная связь между подразделениями. В земляных валах, окружавших форт, отрыли окопы, установили пулеметные точки, счетверенную пулеметную установку перенесли на гребень внутреннего вала, чтобы обеспечить круговой обстрел. Комиссаром форта назначили политрука пулеметной роты 333-го стрелкового полка С.С. Скрипника, начальником снабжения — лейтенанта А.Д. Домиенко.

Все атаки противника в первый день были отражены. На второй день немцы полностью овладели главным валом, домами начсостава и плотно блокировали Восточный форт. Основная масса бойцов группы Гаврилова перешла в казематы внешнего вала форта. С этого момента немецкие громкоговорители непрерывно передавали призывы сдаться, но эти предложения неизменно отклонялись.

В Цитадели, самом крупном узле сопротивления, к концу дня 22 июня определилось командование отдельных участков обороны. В западной части, в районе Тереспольских ворот, ее возглавили начальник 9-й погранзаставы лейтенант А.М. Кижеватов, лейтенанты из 333-го стрелкового полка А.Е. Потапов и А.С. Санин, старший лейтенант Н.Г. Семенов. Воинами 132-го батальона командовал младший сержант К.А. Новиков. Группу красноармейцев, занявших оборону в башне у Тереспольских ворот, возглавил лейтенант А.Ф. Наганов. К северу от расположения 333-го полка, в казематах оборонительной казармы, сражались бойцы 44-го стрелкового полка под командованием помощника командира полка по хозяйственной части капитана И.Н. Зубачева, старших лейтенантов А.И. Семененко, В.И. Бытко. На стыке с ними у Брестских ворот сражались воины 455-го стрелкового полка под командованием начальника химической службы лейтенанта А.А. Виноградова и полит-

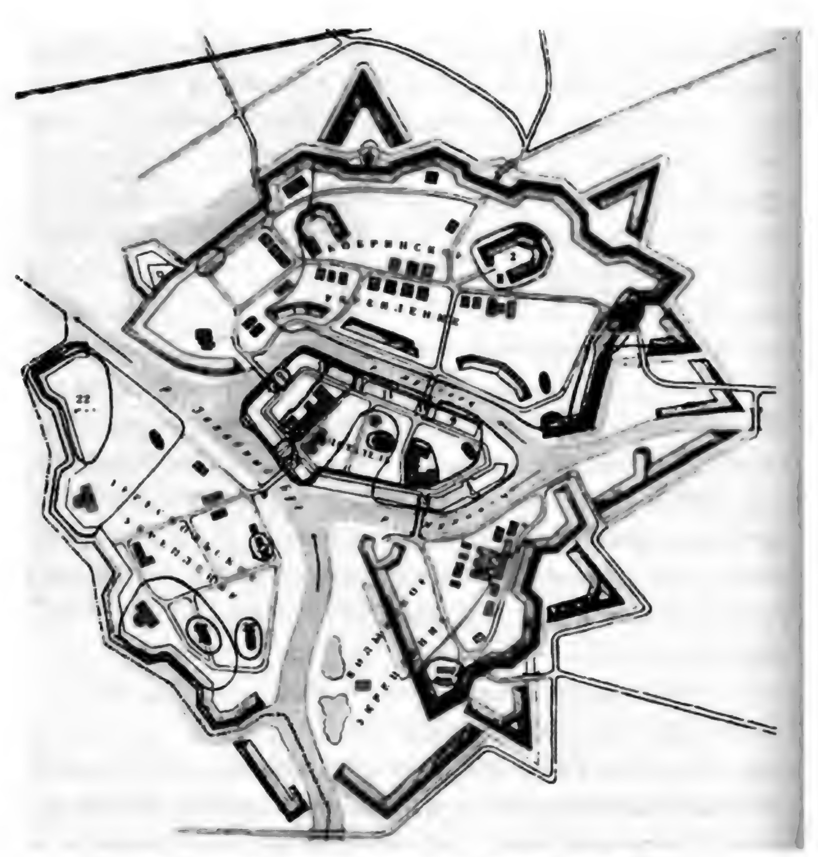


Схема обороны Брестской крепости в июне—июле 1941 г.

рука П.П. Кошкарова. В казарме 33-го отдельного инженерного полка боевыми действиями руководил помощник начальника штаба полка старший лейтенант Н.Ф. Щербаков, в районе Белого дворца — лейтенант А.М. Ногай, «человек с железной волей и какой-то сатанинской выдержкой», и рядовой А.К. Шугуров.

В расположении 84-го стрелкового полка и здании Инженерного управления командование взял на себя полковой комиссар Е.М. Фомин. В одном из отсеков казармы обнаружилась исправная рация. Комиссар составил несколько закодированных радиограмм в адрес ко-

мандования, но ответа не было. Тогда Фомин приказал выйти в эфир открытым текстом: «Я — крепость, я — крепость! Ведем бой. Боеприпасов достаточно, потери незначительны. Ждем указаний...»

Лейтенант А.М. Кижеватов (1907—1941), начальник 9-й пограничной заставы

В 5 утра 23 июня на Центральный и южную часть Северного острова обрушился ураганный огонь артиллерии и тяжелых минометов. Кроме пушек Шлиппера по крепости били мортирные дивизионы соседних дивизий 12-го корпуса. Удары установки «Карл» вдребезги разнесли полубашню у Тереспольских ворот, поразили здание погранзаставы, казарму 333-го стрелкового полка, Белый дворец. Разрушительное действие небывалых двухтонных снарядов защитники крепости воспринимали как взрывы тяжелых фугасных авиабомб, хотя немцы авиацию не использовали. Рядовой М.П. Гуревич вспоминает: «Началась очередная бомбежка, настолько сильная, что, казалось, стены подвала качаются и вот-вот лопнут барабанные перепонки. Кто-то достал старую ватовку, мы вытащили из нее вату и заткнули уши». Подвалы 455-го стрелкового полка «колыхались, как детские люльки... от взрывной волны шла кровь из ушей и носа...»

До девяти часов вечера систематический прицельный обстрел отдельных объектов сменялся мощными огневыми налетами, за которыми следовали призывы к сдаче, передаваемые радиоагитмашинами:

«Товарищи! Осажденные в цитадели Брест-Литовска! Внимание, внимание!

Немецкое командование обращается к вам последний раз и призывает вас, чтобы вы безоговорочно сдались. Ваше положение безнадежно. Не проливайте бесполезно вашу кровь, так как выход из осады невозможен. От остальных вы отрезаны. Более 100 километров отделяют вас от них. Ваши войска в спешке отходят, несколько воинских частей убегают. Для вашего деблокирования никто не прибудет...

Вы дрались почетно — в соответствии с этим будут обращаться с вами. Вам дают один час времени на размышление...

Красные воины! Посылайте парламентеров! Кладите оружие! Дальнейшее сопротивление и кровопролитие бесцельно. Проявите сочувствие к вам самим и вашим семьям!»

Ефим Фомин в этот день перенес свой командный пункт из подвала Инженерного управления в казарму 33-го инженерного полка. Сюда же постепенно переместились защитники Холмских ворот. Бойцы 132-го батальона НКВД ушли в подвалы 333-го полка. Комиссар, по-видимому, уже понял, что помощи извне не будет, и задумал идти на прорыв. Иван Долотов отмечает:

«Утром 23-го появился какой-то человек в форме рядового, но видно было, что это командир. Потом мы узнали, что это полковой комиссар Фомин. Вместе с ним 2—3 красноармейца и один командир из кавказцев. Они доставили сюда несколько станковых пулеметов, один из которых установили на лестничной площадке у окна со стороны Мухавца. С этого дня у нас образовался как бы штаб обороны кольцевых казарм, появился командный пункт. Фомин все время находился в левом крыле в коридоре первого этажа».

Санинструктор 84-го полка В.С. Солобозов: «Пришел приказ комиссара Фомина о переходе обороняющихся на участок у Брестских ворот. Там концентрировались наши силы для прорыва из окружения».

Для прикрытия отхода в районе Холмских ворот остались лишь несколько пулеметных расчетов. В одном из них первым номером встал командир взвода боепитания старшина А.И. Дурасов:

«Постепенно оборона переходила в казармы саперного и отдельного разведывательного батальона. Фомин приказал двумя-тремя пулеметами задержать продвижение немцев со стороны госпиталя, а все остальные защитники в это время должны были отойти в казармы саперного батальона. Среди оставшихся бойцов пулеметчиков не оказалось, поэтому мне пришлось вести огонь самому... Через некоторое время имевшиеся в запасе ленты были расстреляны. Казармы почти опустели».

Раненых оставили в подвале Инженерного управления, среди них — трижды раненный комсорг Матевосян.

Группа сержанта Лермана с самого утра, установив пушку за круглой уборной (солидное кирпичное сооружение, на дореволюционных планах обозначенное как «каменное отхожее место»), пыталась выкурить врага из помещения столовой инженерного полка: «Стреляли по окнам кухни и столовой. Весь израсходованный запас снарядов никакого результата не дал, так как все снаряды попадали в боковую стену оконного проема. Прямой атакой немцев выбить было тоже невозможно: окна помещения были заделаны железными решетками». И действительно, атака, проведенная после полудня вдоль наружной стены со стороны Мухавца, также сорвалась. Наконец, к 19 часам проблему удалось решить. Одни бойцы проломили в стене дыру из коридора казармы в кухню, другие на полу помещения штаба, находившегося этажом выше, взорвали две связки гранат. После корот-

кой схватки часть немцев была уничтожена, а несколько человек взяты в плен. Путь к Трехарочному мосту был открыт.

Но и немецкие «методы убеждения» приносили плоды. В рядах защитников произошел раскол на тех, кто был готов стоять до конца, и тех, кто решил капитулировать. Целые группы с поднятыми руками и белыми тряпками потянулись к немецким позициям.

Согласно донесению генерала Шлипера, вечером, после прекращения артиллерийского огня, в плен сдалось около 1900 человек. Таким образом, гарнизон крепости уменьшился почти наполовину, многие участки стало просто некому защищать. В первую очередь сдались приписники, призванные в начале июня из западных районов страны для переподготовки и размещавшиеся в палаточном городке и казематах Кобринского укрепления. Среди них была и молодежь, не принявшая присяги, и те, кто раньше служил в польской армии. Участники обороны вспоминают «западников» с неприязнью и прямо говорят об измене. Так, боец зенитной роты 84-го стрелкового полка Г.П. Леурда писал С.С. Смирнову:

«Когда война началась, в крепости не было ни одного офицера, они были все в городе Бресте. И наш командир роты добежал до крепости, переплыл через Мухавец, вбежал в восточные ворота, и его сразила вражеская пуля. Он упал в безопасном месте. Смотрим — «западник» тащит с него сапоги. Полковой комиссар т. Фомин и говорит: «Леурда, бей гада!» Я приложился и ранил его. Когда я подошел к нему и говорю: «Что же ты, гад, делаешь? Своего брата обдираешь!» Дал ему еще раз и добил его, обдиралу.

Сергей Сергеевич! Вы, наверное, знаете, что в 1939 г. освободили мы Западную Украину от поляков. Вот мы их и называем «западниками». В 1941 г. взяли припис-

ной состав в кадровые полки и прислали к нам на обучение, и их захватила война в крепости. Они, эти «западники», изменили нашей Родине. Мы вели двойные бои: с немцами и с ними. Они стреляли нас в затылки. Они собирали разные трофеи и уходили домой. Но это неважно, что уходили, а то ведь стреляли нас в затылки. Тов. Фомин издал приказ: «Убрать всех изменников Родины».

Об этом же сообщал военфельдшер Н.С. Гутыря: «Все участники обороны приняли клятву еще крепче сражаться с врагом. Одни приписники из западных областей могли подвести нас. Мы их называли «западники». Но этих мы своевременно поняли и привели к общему порядку».

И писарь 84-го стрелкового полка А.М. Филь недобрым словом поминает некую «подлую часть поляков», пытавшихся вывесить в окнах кольцевой казармы белые простыни.

Поскольку в то время, когда создавалась сага о массовом героизме, писать о том, что одни советские люди «стреляли в затылки» другим советским людям, было не принято, то во многих воспоминаниях фигурируют мифические «фашистские диверсанты» в красноармейской форме. К примеру, командир стрелкового взвода 455-го полка лейтенант М.А. Махнач утром 23 июня вышел во двор, чтобы пристрелять найденный на складе новенький ППД: «Вдруг почувствовал, что словно электротоком пронзило мне левую ногу. Превозмогая сильную боль, оглянулся. За мной с пистолетом в руках лежал какой-то боец. Только я хотел спросить у него, кто мог со стороны наших казарм стрелять, как он опять открыл по мне огонь. Не целясь, я выпустил по нему целый диск. Выяснилось, что это был переодетый в красноармейскую форму немецкий унтер-офицер». О том же — лейтенант А.А. Виноградов: «Утром мы обнаружили фашистских

диверсантов, переодетых в наше обмундирование. Очевидно, они имели задание вывести из строя командиров и политработников. Выстрелом в спину был убит старшина Попов, тяжело ранен в ногу Махнач. В этот же день рукой переодетого врага была брошена нам под ноги граната, но она не успела взорваться благодаря находчивости заместителя политрука Александра Смирнова, которому удалось вовремя отбросить ее».

Мини «гражданская война», по свидетельству С.Т. Бобренка, разыгралась в подвалах 333-го стрелкового полка: «Это он, кулацкий выродок, годами таил свою злобу и в трудные часы стрелял в спины моих товарищей здесь, в крепости Брестской... Сквозь шум и звон в ушах слышу голос Кижеватова: «По изменнику Родины». Одним подлецом стало меньше на нашей земле». Надо думать, не одним.

Аналогичные события — вспоминает А.П. Бессонов — происходили в секторе 44-го стрелкового полка: «Некоторые старались переплыть Мухавец и сдаться в плен немцам, но все они находили приют на дне Мухавца; с некоторыми приходилось расправляться внутри крепости... Если бы гитлеровцы не трусили и предприняли штурм западной части казарм в том духе, как это было в первые дни осады, они нас всех без труда перебили бы».

В общем, неспроста на второй день обороны полковой комиссар Фомин надел красноармейскую гимнастерку и задумался о перспективах.

Поэтому в списках участников обороны Брестской крепости практически «не значатся» местные уроженцы. Их было не так уж и мало, но они всю жизнь предпочитали молчать о своих военных подвигах. Одни, вырвавшись из Цитадели, пробрались в свои деревни, других, сдавшихся в плен, из немецкого лагеря выкупили родственники. Они остались живы, но не помчались догонять

откатывавшуюся на восток Красную Армию, а осели дома и, значит, являлись дезертирами в глазах, прямо скажем, не ставшей им родной советской власти. Кое-кто успел послужить в полиции, а когда сменились приоритеты, перековался в партизана. Как обронил в беседе с автором один из бывших准 приписников: «Героями обороны стали те, кому было далеко бежать».

Не проявляли стойкости и легко сдавались в плен воины из среднеазиатских республик, в принципе мало отличавшие «своих» от «чужих» (в царское время их просто не призывали на военную службу). Так, в 455-м стрелковом полку 40% бойцов не знали русского языка и имели соответствующую боевую подготовку.

На Северном острове сдалась группа капитана Шабловского: с пистолетами без патронов много не навоюешь. Двое командиров застрелились. Затем из дома № 5 потянулась цепочка людей, впереди шел раненый в руку Шабловский.

Из воспоминаний М.Н. Гаврилкина: «Окружили, показали, куда идти. По всей крепости затишье. Вывели на вал. Нас посадили, а женщин с детьми спустили вниз, к берегу канавы. Подходили автоматчики, срывали знаки различия. Потом семьи оставили, а нас спустили с вала и повели цепочкой. Шабловский шел впереди. Подошли к мостику, глубина примерно 1,5 м, здесь канава впадает в пруд. Мостик дощатый, без перил. Шабловский крикнул: «За мной!» — и бросился в воду. Было движение броситься за ним, но автоматчики отсекли. В него стреляли. Место неглубокое, на полметра воды, видна была его гимнастерка, кровь...»

Пересчитав пленных, генерал Шлиппер воспрянул духом: «Создавалось впечатление, что воля русских к сопротивлению ослабла и что посредством пропаганды в сочетании с артогнем крепость может пасть без дальнейших потерь». Однако с наступлением темноты «русские

предприняли мощные вылазки в направлении города на северо-восток и восток и сильным артиллерийским и пулеметным огнем заглушили громкоговоритель. После попыток совершить вылазки и возобновления огня русских стало ясно, что в плен сдались лишь отдельные их подразделения. Другие же части, готовые к продолжению борьбы, отклоняли всякие предложения о капитуляции». Интересно, что поздно вечером одна агитмашина была направлена на дважды «захваченный» Южный остров, но здесь пропаганда успеха не имела.

Оставшаяся часть гарнизона решила сражаться до конца. Защитники верили, что со дня на день Красная Армия могучим ударом вышвырнет захватчиков с советской земли и надо только продержаться до ее подхода, в крайнем случае — прорываться на восток. Недаром в первые сутки обороны красноармейцы брали пленных, а командиры пытались с посыльными передавать в штабы дивизий в Бресте боевые донесения, протоколы допросов с добытыми «ценными документами» и представления на награждение наиболее отличившихся бойцов. Установить связь по радио не удавалось, весь эфир был забит немецкой речью. Однако в крепости регулярно возникали и мгновенно разносились слухи о начавшемся большом советском наступлении и скором появлении краснозвездных танков.

«Мощные вылазки», предпринятые с наступлением темноты, — это нескоординированные между собой попытки прорыва из крепости отдельных групп. Они начались еще в относительно светлое время, в периоды, даваемые немцами на размышление после очередного предложения сдаться.

В 333-м стрелковом полку решили пробиваться в сторону Южного городка, на соединение с 22-й танковой дивизией. Один отряд, которому предстояло выходить

через Холмские ворота и Волынское укрепление, возглавил начальник химической службы полка старший лейтенант Н.Г. Семенов, другой, численностью около 100 человек — лейтенант А.Е. Потапов. Группа Потапова должна была прорваться по дамбе на Западный остров, затем переплыть Буг и выйти в район госпиталя. Неизвестно, были ли действия двух групп согласованы между собой. Вряд ли. Судя по всему, единого руководства в подвалах так и не удалось создать. К примеру, лейтенант Санин и рядовой Алексеев вспоминают лейтенанта Семенова, но ни словом — о Потапове и Кижеватове.

После прослушивания очередного ультиматума Потапов с бойцами перебежал в отсеки кольцевой казармы, примыкающие к Тереспольским воротам.

«В момент, когда срок ультиматума истек, — вспоминает воспитанник музыкантского взвода П.С. Клыпа, — и немцы с удвоенной силой принялись обстреливать центр крепости, Потапов скомандовал: «За мной, вперед!» — и ринулся из окна. За ним все устремились на берег Буга... Бежали без единого выстрела, и потому враги не сразу заметили эту атаку».

Но беспрепятственно проскочить через дамбу удалось лишь головной группе, затем ударили немецкие пулеметы и минометы.

Рядовой музыкантского взвода М.П. Гуревич: «Мы все-таки прорвались вначале через ворота, а затем и через дамбу. Бежали врассыпную, чтобы меньше была поражаемость. Преодолеть плотину оказалось очень трудно. На самом верху ее лежали огромные камни. Люди то и дело падали и, поскользнувшись, скатывались вниз...

Огонь с противоположного берега стал настолько сильным, что мы вынуждены были взять влево и залечь в болоте. Спустя некоторое время по цепи передали, что фашисты обходят нас с правого фланга. По команде мы начали отходить к плотине.

Вот здесь-то опять многие полегли, так как немцы были очень хорошо замаскированы и вели сильный огонь. У Тереспольских ворот нас тоже встретил поток раскаленного свинца из боковых помещений башни, а в спину неслись выстрелы с островка. Отстреливаясь, добрались до ворот, а оттуда вернулись опять в подвал.

Итак, прорыв закончился неудачей. Вернулось всего лишь несколько человек».

Лейтенант А.Л. Петлицкий: «Миновав Тереспольскую башню, прошли около моста по камням, перекрывающим русло реки, и стали продвигаться дальше. Однако с левой стороны у нас оказалась немецкая засада. Развернувшись, наша группа приняла бой, стараясь сблизиться для рукопашной схватки. От начавшегося артиллерийского обстрела группа понесла исключительно большие потери.

Оставшиеся в живых уходили, кто как мог.

Я и несколько бойцов стали пробираться влево к реке, но там нас обстреляли. Тогда мы переползли вправо к насыпи, на которой, помню, стояла разбитая легковая машина, затем перебежали к бревенчатому строению, что виднелось позади насыпи; хотели залезть в сарай, но он оказался крепко заколоченным. Не теряя времени, я переполз к плотине, глотнул воды и бросился бежать. Видел, как ложились около меня рядки пуль, но всем уже удалось скрыться за стеной электростанции, а потом уйти в подвалы 333-го полка».

До Южного острова добрались 13 человек, но и они попали в плен. Лейтенант А.Е. Потапов пропал без вести, старший лейтенант Н.Г. Семенов был убит у Холмских ворот. Прикрывая атаку, погиб лейтенант А.М. Кижеватов. Во время артобстрела тяжелую контузию получил лейтенант А.С. Санин. В подвалах 333-го полка почти не осталось защитников: «Там находились раненые, которые не могли идти на прорыв. Они подползали

к огневым рубежам и вели огонь, зачастую тут же, на месте, умирая от потери крови и жажды».

Комиссар Фомин тоже решился на прорыв.

Предварительно перестреляли взятых в плен солдат противника. «Несколько немцев, — пишет военфельдшер 84-го стрелкового полка И.Г. Бондарь, — были захвачены нашими бойцами и приведены в расположение обороны. Допросили. Деваться с ними было некуда... Потом, уже мертвых, их занесли в небольшую кладовую, расположенную возле лестницы на первом этаже». Н.С. Гутыря вспоминает: «Тов. Фомин поручил мне выбить гитлеровцев из здания офицерской столовой, расположенной внутри крепости. Я это приказание с группой бойцов выполнил и взял в плен трех гитлеровцев (высоких молодых арийцев), двоих из которых по доставке в помещение, где мы были расположены, я лично расстрелял». По свидетельству курсанта полковой школы Г.Ф. Остапца, одного ефрейтора все-таки отпустили: «Не помню, какого числа, нами был захвачен один гитлеровец. Мы хотели его убить, а старшина Меер не дал. Он нарисовал несколько карикатур Гитлера со свиным рылом и прочее, сделал подписи на немецком языке, оклеил немца почти всего и отправил туда, откуда пришел. Это был наш ответ на их листовки и радиотрансляцию, которые призывали нас к сдаче в плен».

Сколько было расстреляно пленных, неясно. Старший сержант И.И. Долотов писал, что при освобождении столовой была захвачена «группа немцев в количестве 9—11 человек», лейтенант С.А. Коньков утверждал, что при обороне казармы инженерного полка «были пленены еще 13 немцев».

Перед атакой, которая должна была начаться в полночь, уничтожили документы и спрятали знамя полка. Выходить решили в сторону Кобринских ворот. Как вспоминает старшина В.С. Солозобов:

«Вид у Фомина был страшно усталый, но в нем чувствовалась такая сила воли, такое участие к людям, что каждое его приказание выполнялось бойцами мгновенно. Готовилось что-то особенное. Каждый человек был напряжен до предела. К этому времени в трубах здания устроились снайперы, откуда им было удобно выбирать цели, а из амбразур и оконных проемов обоих этажей наши пулеметы вели огонь по укрепившимся на том берегу Мухавца немцам.

Через некоторое время, выждав момент, наша первая группа добровольцев пошла на прорыв. Часть людей направилась к мосту, а часть через реку. Обливаясь кровью, герои погибали от пуль врага. Лишь немногим удалось прорваться на другой берег.

Несмотря на неудачу, к штабу обороны стали приходить бойцы с просьбами о зачислении их в следующую группу».

Старшина А.И. Дурасов: «Картину этого боя очень тяжело описывать. Небольшой отрезок реки немцы осветили специальными парашютными ракетами, открыли сильнейший пулеметный огонь по плывущим бойцам. Большая часть из них так и не добралась до берега, погибнув в водах Мухавца. Об этом уже потом рассказали те, кому удалось вернуться назад. А вернувшихся было десяток, не больше».

Около двух часов ночи лейтенант В.И. Бытко повел к Северным воротам боевую группу 44-го стрелкового полка. Снова взлетели ракеты и ударили немецкие пулеметы. Снова неудача.

В эту же ночь, разбившись на две группы, предприняли попытку вывести из окружения бойцов 98-го артдивизиона лейтенанты Акимочкин и Нестерчук. Рядовой Н.И. Соколов попал в первую группу:

«Мы направились вдоль земляного вала на север, а группа Нестерчука — по дорожным кюветам к мосту.

Растянувшись редкой цепочкой, мы медленно двигались от куста к кусту, от воронки к воронке. То ползком, то замирали, прижавшись к земле, затаив дыхание. Преодолев метров 150, наткнулись на сваленное снарядами дерево, которое, к нашему счастью, пролегло над водяным рвом с одного берега на другой. Разводя по сторонам густые ветви кустарника, лейтенант достиг берега и спрятался в зарослях. Следующим стал перебираться по бревну Ширяев, за ним я. Дойдя почти до самого берега, Ширяев неожиданно поскользнулся и полетел вниз, в воду. Затрещали ломавшиеся под тяжестью его тела сучья, раздался всплеск; от боли он застонал. И сразу же в нескольких метрах от нас затарахтел вражеский автомат, забегали немецкие солдаты, а в воздухе запрыгали лучи прожекторов... Надо было уходить, тем более что время близилось к рассвету...

Через некоторое время вернулся раненый Нестерчук с группой. Бойцы едва передвигались от усталости. Из группы Нестерчука вернулся только он да еще четыре раненых бойца».

Потери гарнизона 23 июня были огромны, притом что немцы, наоборот, не понесли существенного ущерба.

«После прорыва людей заметно поубавилось, — вспоминает И.И. Долотов. — В коридорах появлялись только отдельные пробегающие красноармейцы. Все были у окон, заваленных разломанной мебелью и матрасами почти доверху. Снизу под матрасами подложены были кирпичи, которые представляли собой своеобразные бойницы, позволяющие все видеть и обстреливать впереди. С внешней стороны они скрывали все, что делается или перемещается в казармах. Иногда взрывом снаряда вышибало всю заделку из окна, внутри начинался пожар, но это было уже незначащим пустяком среди окружающих событий».

Обстановка требовала объединения всех сил гарнизона под единым руководством. Утром, используя временное затишье, капитан Зубачев и лейтенант Виноградов перебрались в казарму 33-го инженерного полка, где встретились с Фоминым:

«Собрались в небольшой комнате с оконными проемами в сторону Мухавца. Мы все познакомились. Фомин потребовал, чтобы предъявили документы. Я был в полной форме с орденом Красной Звезды на груди. Внешний вид у нас был настолько необычным, что узнать даже знакомые лица затруднялись: воспаленные глаза, покрытое толстым слоем пыли и копоти обмундирование.

После короткого знакомства с нами и уточнения обстановки на участках комиссар Фомин доложил о том, что сложившиеся обстоятельства требуют немедленного, еще более организованного и оперативного руководства обороной и поставил перед нами задачу: выяснить наличие боеприпасов и продовольствия, состояние раненых, кроме того, связаться с соседями по обороне, предложить им проделать то же самое и к 18.00 24 июня прибыть к Фомину с докладом».

Затем на крепость вновь посыпались тяжелые снаряды — начинался новый день.

В подвале отсека, примыкавшего к Брестским воротам, состоялось еще одно совещание командиров и политработников, на котором решался вопрос о создании сводной боевой группы. Как вспоминает А.А. Виноградов, к этому времени в Цитадели сложилось следующее положение:

1. Очень большие потери убитыми и ранеными.

2. Малое наличие отечественных боеприпасов.

3. Исключительно тяжелое положение с ранеными, детьми и женщинами из-за отсутствия требуемых условий, медицинского персонала, медикаментов и перевязочных средств.

Тяжелая атмосфера от разложения трупов валила с ног малосильных и легкораненых бойцов и командиров.

4. Запасы продовольствия, которые нам удалось создать в первый день, приходили к концу.

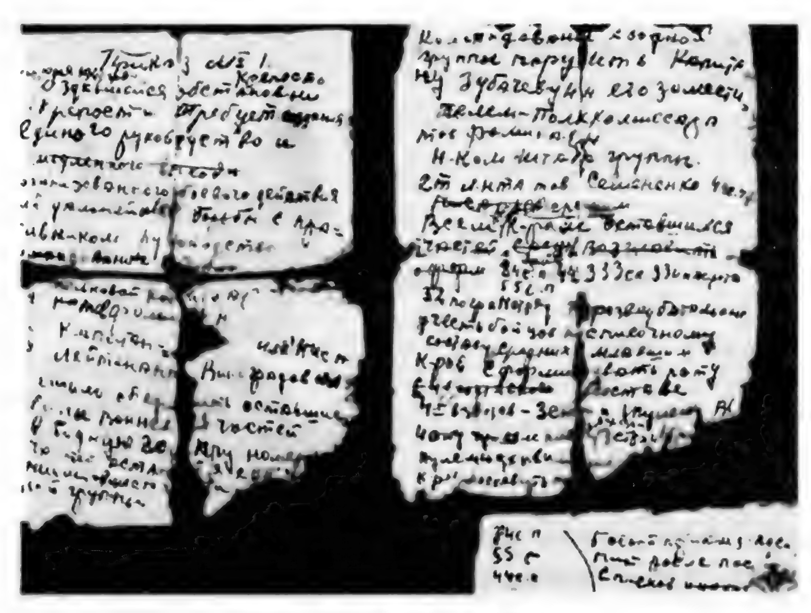
Центральная часть крепости находилась в круговой осаде противника.

Тогда же был написан Приказ № 1, согласно которому командование группой возлагалось на капитана И.Н. Зубачева, его заместителем назначили Е.М. Фомина. Обязанности начальника штаба были возложены на помначштаба 44-го стрелкового полка старшего лейтенанта А.И. Семененко. И хотя командованию сводной группы не удалось объединить руководство боевыми действиями на всей территории крепости, а Семененко так и не смог приступить к исполнению обязанностей, штаб сыграл свою роль в их активизации.

«О том, что создан штаб, — пишет командир пулеметного отделения 455-го стрел-

Капитан И.Н. Зубачев (1898—1944), возглавивший сводную группу Цитадели.

Полковой комиссар Е.М. Фомин (1909—1941).



Приказ № 1 от 24 июня 1941 г.

кового полка сержант А.Д. Романов, — я услышал ночью под 25 июня от покойного сержанта Александра Автономова, — он ползал от Белого дворца к казармам нашего полка («Авось пожрать что найду»). Вернулся он оттуда вместе с помощником командира стрелкового взвода нашей полковой школы Легостаевым и, кажется, с Васильковским из химсклада. Автономов сказал: «Слава богу, появились большие командиры; говорят, полковой комиссар, капитаны, политруки, наш Красавчик (так мы между собой называли А.А. Виноградова) сколотили общий штаб. Те, что пришли с Автономовым, что-то сказали А.М. Ногаю, говорили с разными группами бойцов, лазили в подвалы. Вскоре из разных мест слышалось: «Из какого ты полка, товарищ? Какое звание? Штаб приказал». Переписывали, кто из какого подразделения, какое у кого оружие, сколько кто имеет патронов, гранат, сколько годных пулеметов, составляли списки раненых, устанавливались фамилии убитых,

умерших от ран. Словом, начал действовать какой-то орган...

Если говорить объективно о тех, кто руководил боями на Центральном острове крепости, то скажу прямо: руководили те, кто не щадил своей жизни и умел повести или направить против врага людей туда, куда в данный момент это было всего нужнее. Необходимо еще иметь в виду, что бои в крепости были необычными не только по своей жестокости. Приказавший, независимо от звания и должности, подчас погибал, едва успев приказать, а исполнителей приказа рассекал свинцовый вихрь, куда-то отбрасывал или всех уничтожал...

И я, с полной партийной и гражданской ответственностью, утверждаю: был приказ № 1 или не было его, перечислены в нем фамилии или совсем этого не было, руководили боями и воевали те, кто эти действия зафиксировал своей кровью и чаще — жизнью...

25 и 26 июня чувствовалось, что боями отдельных групп руководят: прибегают и приползают связные, в наиболее опасные места поспевает помощь».

С целью подготовки прорыва командование сводной группы поручило лейтенанту А.А. Виноградову сформировать ударный отряд в составе трех стрелковых и одного пулеметного взводов общей численностью 120 человек. В случае удачи авангарда в пробитую брешь должны были выйти главные силы оборонявшихся. Прорываться решили на северо-восток. Основная масса бойцов, сражавшихся на Центральном острове, сосредоточивалась в северном полукольце казарм у Трехарочных ворот. В Белом дворце и здании Инженерного управления оставались лишь группы прикрытия.

Немецкие военные репортеры сообщали читателям: «В течение трех дней наша пехота залегает на валах перед крепостью. В 10 утра начинается последний акт драмы... В казематах и казармах с неистовой ненавистью

против немцев еще сражается несколько тысяч советских солдат. Вокруг горят дома, и над территорией сражения стоит постоянный грохот. Советские снайперы ведут огонь с крыш; советские войска выбрасывают белые флаги, но после этого стреляют в немецких парламентеров, санитаров и посылают русских в немецкой униформе».

Кольцо неуклонно сжималось. Осада становилась все ожесточенней. К дыму, душившему бойцов, прибавился смрад от многочисленных разлагавшихся трупов людей и лошадей. Защитники крепости страдали от отсутствия пищи и медикаментов, но еще более от жажды. Водопровод вышел из строя в первые минуты немецкого обстрела. Колодцев внутри крепости не было. Пробраться к реке, протекавшей в 10—15 метрах от кольцевой казармы, ни днем, ни ночью практически не было возможности. Немцы, установив в прибрежных кустах пулеметы, немедленно открывали бешеный огонь. Всю ночь взлетали осветительные ракеты и работали прожектора. Каждая вылазка к реке оплачивалась человеческими жизнями. В подвалах казематов бойцы взламывали полы и рыли ямы, в которые просачивалась вода, зачастую непригодная для питья из-за близости к полковым конюшням или автостоянкам.

«Здесь, в крепости, я узнал цену воде, — вспоминает сержант Н.А. Тарасов. — Помню, перед глазами у меня всегда стояла географическая карта. Мысленно я видел огромные озера и реки, а здесь, в крепости, мы не могли даже утолить жажды; воздух, наполненный смрадом убитых, сушил не только рот и горло, а, кажется, все внутри. Было очень обидно смотреть на воду, протекающую совсем рядом, но тем не менее совсем недоступную. Мы пробовали привязывать фляжки вместе с грузом на веревку и забрасывать в реку, но редкие из них возвращались назад, да и те не более чем с полстаканом воды».

Добытую воду заливали в кожухи пулеметов (впрочем, пулеметы все чаще «заправляли» мочой, ее собирали в ведра), отдавали детям и тяжелораненым, остальные жевали сырой песок, либо «слизывали капли влаги с холодных стен подвала». Военфельдшер Н.С. Гутыря заметил, что «бойцы бросались на медикаменты и пили медикаменты, лишь бы утолить жажду, попить любой жидкости. Мы имели много случаев отравления от употребления жидких медикаментов».

Подвалы были переполнены умершими и ранеными, не получавшими никакой помощи.

Лейтенант Л.А. Кочин: «Волосы поднимались дыбом от человеческих криков, но мы были бессильны чем-либо помочь этим несчастным».

Политрук К.К. Кошкаров: «Воспалялись раны, и многим товарищам приходилось ампутировать руки, ноги. Ампутировали ножом, не соблюдая даже примитивных правил гигиены. Люди стонали от боли, непрерывно просили воды. Особенно сжималось сердце от жалости к детям».

Старший сержант А.П. Бессонов: «Страшно было смотреть на одну из жен командиров, лежащую в постели, все ее внутренности свисали на пол, и она блуждающими глазами смотрела, а рядом с ней, заливаясь слезами и крича «Мама, мама!», рыдала девочка лет 4—5».

Старший сержант И.И. Долотов: «Казалось, война продолжается вечно, и никакой другой жизни не было.

Надежды на помощь таяли.

Защитники разных участков начали отправлять в плен женщин и детей. В перерывах между артналетами они выходили с белыми флагами и направлялись к Северным воротам. Так, Елизавету Костякову вместе с другими женщинами буквально вытолкнули из мастерских 98-го артдивизиона: «Мы выкопали глубокую яму, но воды не оказалось. Тогда достали мокрый песок и начали его сосать,

но у всех появилась рвота, так как земля была пропитана бензином и песок невыносимо вонял. Хуже всего было смотреть на муки детей и раненых. Мы становились обузой. Бойцы не могли даже отстреливаться по-настоящему из этого убежища, жалея нас: туда, откуда стреляли наши, немцы направляли сильный огонь. Поэтому нас начали уговаривать выйти из крепости. Мы не соглашались, ведь идти в руки к врагу никому не хотелось. Но бойцы настояли... И мы пошли. Шли без слез, даже дети и те молчали. То там, то тут лежали мертвые бойцы и командиры, но своего мужа среди них я не заметила. По дороге к нам присоединились женщины из других домов комсостава, и к выходу из крепости у ворот собралось человек 35—40. Пока шли, никто не стрелял, гитлеровцы наблюдали за группой с земляных валов». Из казармы 333-го стрелкового полка семьи были выведены через Тереспольские ворота и на лодках переправлены через Западный Буг. Немцы не стреляли, рассчитывая, что вслед за этим начнется капитуляция гарнизона.

Перелом наступил в полдень 24 июня.

После получасового огневого налета повышенной мощности ударный отряд 1-го батальона 133-го пехотного полка прорвался к зданию клуба, деблокировал запертых в нем немецких солдат и овладел южной частью кольцевой казармы. Над Тереспольскими воротами и зданием 333-го стрелкового полка взмыли красные нацистские флаги.

Во второй половине дня немцы заняли здание Инженерного управления и Белый дворец. Командир батальона майор Фрайтаг начал готовить атаку на сектор казарм 44-го и 455-го полков. Для уничтожения русских огневых точек на прямую наводку выкатывались 50-мм противотанковые орудия. 2-й батальон майора Эггелинга занял район Холмских ворот.

К 14 часам пал отсек 44-го стрелкового полка, были пленены старшие лейтенанты А.И. Семененко и В.И. Бытко. «К этому времени, — вспоминает рядовой С.Т. Демин, — у нас совсем не было патронов. Даже к пистолетам ТТ, их не хватало; у Бытко, вооруженного револьвером «Наган», оставалось два патрона». Воины 455-го полка отчаянно удерживали подступы к Трехарочным воротам.

Положение осажденных резко ухудшилось. Ждать темноты не имело смысла, и в сводной группе приняли решение идти немедленно на прорыв: «Было решено, что пулеметный взвод перебежит по мосту на противоположный берег Мухавца, а стрелковые форсируют реку вплавь».

Часть бойцов под командованием капитана Зубачева заняла позиции у окон второго этажа в готовности поддержать атаку огнем. Передовой отряд внезапным броском преодолев мост, стал пробиваться на восток берегом реки, «бойцы и командиры с возгласом «Вперед, за Родину!» начали форсировать Мухавец».

Однако, как вспоминает А.А. Виноградов, огневое прикрытие оказалось недостаточным: «Когда мы добрались до противоположного берега, гитлеровцы открыли прицельный огонь. Сосредоточившись на берегу, мы бросились в атаку и прорвали первое кольцо осады. Тут же заняли круговую оборону с тем, чтобы отвлечь фашистов и дать возможность форсировать реку главным силам под руководством капитана Зубачева. Но он немного запоздал с выходом. За это время фашисты скорректировали артиллерию и накрыли огнем исходные позиции главных сил. Тем самым был нарушен весь замысел. Я получил сигнал от Зубачева: «Продолжай движение по намеченному маршруту».

Тем, кто пытался добраться до противоположного берега вплавь, повезло еще меньше. Рядовой И.Ф. Хваталин: «Командование нашей группой принял ефрей-

тор-пограничник. Он приказал открыть по гитлеровцам, засевшим на противоположном берегу реки, огонь из трех пулеметов и под его прикрытием попытаться переправиться вплавь через Мухавец. Однако переплыть речку смогли только двое из группы в 40 человек. Многие погибли, остальные вернулись назад».

После тяжелого боя за восточную черту крепости к исходу дня вышли 70 человек отряда Виноградова. На открытой местности у Варшавского шоссе они наткнулись на немецкую колонну и почти все погибли. Несколько красноармейцев и тяжелораненый лейтенант попали в плен. Главному ядру сводной группы, изготовившемуся форсировать реку, так и не удалось прорваться вслед за отрядом Виноградова. Немцы успели перебросить силы и прочно закрыли пробитую брешь, одновременно организовав атаку кольцевой казармы с тыла. Ее результатом стал захват расположения 455-го стрелкового полка, в котором почти не осталось защитников. Хваталин: «Стрельба не утихала. Вдруг в полдень к нам забежало несколько человек, крикнув: «Немцы около нас, у кого есть патроны, давайте сюда». Они собрали патроны и ушли. Над подвалом раздался взрыв, и через несколько минут сюда ворвались гитлеровцы. Они приказали всем встать. Тяжелораненых тут же пристрелили из пистолета».

В 19 часов для надежного блокирования новых попыток прорыва генерал приказал дополнительно ввести на Северный остров разведывательный отряд 45-й пехотной дивизии. В это время 3-й батальон 133-го пехотного полка, усиленный группами огнеметчиков, штурмом взял казематы 98-го противотанкового артдивизиона:

«Завязалась последняя рукопашная схватка. Немцы шаг за шагом загнали нас в угол. Старшина-танкист с Центрального острова вскричал: «Прощай, мама. Отомстите за меня!» — и, широко открыв рот, выстрелил. Еще

несколько человек, кто успел, застрелились. В рукопашной схватке был убит гитлеровцами замполитрука Ширяев. Нас же они окружили и стали зверски избивать прикладами. Потом, подталкивая штыками, вывели на площадь, где уже стояло несколько десятков обезоруженных пленных. Вместе со мной были Акимочкин, лейтенант Герасимов, Кубасов и другие мои товарищи. Грязные, оборванные, с воспаленными глазами, обросшими щеками, мы стояли молча, подавленные тем, что произошло. Вскоре немцы вывели из толпы военнопленных Акимочкина и, отведя его в сторону, на наших глазах расстреляли. При нем был найден партийный билет. Когда ему немцы показали партийный билет и спросили, признает ли он его, Акимочкин гордо поднял голову и, глядя немецкому офицеру прямо в глаза, сказал: «Да, это мой партийный билет».

Впрочем, это версия ефрейтора Н.И. Соколова. Лейтенант В.С. Чесноков утверждал, что «лейтенант Акимочкин погиб при мне от разрыва гранаты».

Батальон майора Эггелинга закончил зачистку Южного острова. Сохранились воспоминания военврача Б.А. Маслова: «В каземате мы просидели до 24 июня. Вместе со мной была и моя семья, врачи госпиталя, несколько офицеров и много членов офицерских семей, несколько раненых бойцов. Во второй половине дня 24 июня двери каземата открылись, и нам немецкими солдатами была дана команда выходить из казематов. Когда мы вышли, группу примерно 50 человек врачей, женщин, детей, раненых повели в направлении к Бугу 30 немецких солдат. Прошло минут десять, нас солдаты остановили и разрешили расположиться на лужайке возле крепостных ворот. Через некоторое время от нас отделили женщин и детей и куда-то повели, а к нам присоединили военнопленных и в тот же вечер направили в лагерь г. Бяла-Подляска».

Вечером в штаб 12-го корпуса полетела радиограмма командования 45-й дивизии: «Брестская крепость взята». Согласно донесениям полков было захвачено 1250 пленных.

Но в 33-м инженерном еще держалась группа Фомина—Зубачева. И какие-то группы русских на Центральном острове «вели оживленный огонь», удерживая «отдельные части домов». Еще сражался Восточный форт, огрызались огнем из казематов пекарни. Крепость вела бой.

Не прошло и часа после победного доклада, как на Северном острове снова вспыхнула ожесточенная пальба. Это, разбившись на три группы, пошел на прорыв гарнизон Восточного форта. Группе лейтенанта А.Д. Домиенко предстояло пробиться в район Восточных ворот, группе лейтенанта Я.И. Коломийца — к железной дороге, а самой многочисленной группе С.С. Скрипника — к Северным воротам. Предполагалось одним броском преодолеть пространство до вражеских позиций, в рукопашной схватке прорвать кольцо блокады и «уйти в белорусские леса». С группой Скрипника должны были выходить Гаврилов и Касаткин, а также около 40 раненых, женщины и дети — на конных повозках. В 22 часа красноармейцы устремились в атаку. Однако к этому времени выход из форта был плотно блокирован немцами. Выбежав из «подковы» на открытую местность, бойцы оказались под перекрестным огнем вражеских пулеметов, к которому почти сразу подключились минометы. Потеряв убитыми и ранеными более 100 человек, группы вернулись в форт. После этого в казематах начали пробивать каменные своды и рыть ходы в земляной подушке с тем, чтобы выбраться на внешний вал и уйти из западни с тыльной стороны.

Ночью еще одну отчаянную попытку прорваться предприняла группа комиссара Фомина, но стык между

135-м и 133-м пехотными полками в южной части Северного острова уже был надежно прикрыт пулеметами разведотряда фон Паннвица.

«Решили создать три ударные группы по 30—40 человек каждая и выходить в сторону Кобринских ворот, — вспоминает И.И. Долотов. — Начались приготовления. Так как мост все время обстреливался, то некоторые выбрали иной путь — форсировать Мухавец вплавь. Плыть в обмундировании и с оружием тяжело, поэтому из обломков и стульев, из остатков дверей, рам и других деревянных частей делали плотики.

В 12 часов ночи тронулись. Фомин на прорыв не ходил. Я бежал с группой, которая прорывалась по мосту. Внезапно кругом стало светло как днем. Немцы обнаружили нашу переправу, поднялась ожесточенная стрельба. Я упал. Вокруг меня лежали трупы.

Где-то справа, за пекарней, слышались крики вперемежку с автоматной стрельбой и гранатными взрывами, доносились отдельные винтовочные выстрелы. Вскоре появились бойцы, бегущие обратно. Прорыв не удался. По одному, по два возвращались красноармейцы в казарму. Стало ясно, что наших поблизости нет. Многие из прорыва не вернулись».

Сержант С.М. Кувалин: «Многие бойцы взяли пустые чемоданы, доски, связали плотики, чтобы поддерживать на воде оружие, и в назначенное время по сигналу, под прикрытием огня, с криками «Ура!» выбежали на прорыв. Но только переступили порог, как нас встретил ураганный огонь. В воздухе повисли сотни ракет, стало светло как днем. На мосту сразу образовались горы трупов, так как большинство воинов пошли по мосту».

Командир старшина И.И. Дурасов, прикрывал прорыв огнем своего «максима»: «Выставили пулеметы в окна казарм и у бойниц, надеясь поддержать атаку из всех видов имевшегося оружия, а бойцы, не теряя времени,

бросились вплавь через Мухавец на досках, щитах, в общем, кто на чем мог. Картину этого боя очень тяжело описывать. Небольшой отрезок реки немцы осветили специальными подвесными ракетами, открыли сильнейший пулеметный огонь по плывущим бойцам. Большая часть из них так и не добралась до берега, погибнув в водах Мухавца. Об этом уже потом рассказали те, кому удалось вернуться назад.

А вернувшихся было с десяток, не больше».

(В 1943 г. полковник Гельмут фон Паннвиц был назначен командиром 1-й казачьей дивизии, в 1945-м — командиром 15-го казачьего корпуса СС и походным атаманом казачьего войска. Направленные командованием вермахта на фронт борьбы с партизанами Тито, казаки особо прославились грабежами и поджогами деревень, казнями мирного населения и «массовыми изнасилованиями югославских женщин». В 1947 г. «батьку» Паннвица как военного преступника повесили по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Казалось бы, собаке — собачья смерть. Ан нет. Неисповедимы мозги российских демократов. В 1994 г. в Москве на территории храма Всех Святых установили памятник «Вождям Белого движения и казачьим атаманам». В ряду высеченных на плите фамилий была увековечена и фамилия группенфюрера СС фон Паннвица, павшего, мама дорогая, «за Веру и Отечество»!

В рядах разведывательного отряда 45-й пехотной дивизии воевала еще одна знаменитость — лейтенант Курт Вальдхайм — будущий генеральный секретарь ООН и президент Австрии).

25 июня бои продолжались в районах отдельных очагов сопротивления. В 4 часа утра батальон Фрайтага при поддержке 50-мм противотанковых орудий, посылавших с дистанции 100—120 метров осколочно-фугасные сна-

ряды прямо в окна, повел атаку на казарму 33-го инженерного полка, которая в немецком отчете отчего-то именуется «Домом офицеров». Немецкие штурмовые группы врывались в отсеки, их тут же штыками и гранатами выбивали обратно. Разведчики фон Паннвица вышли на вал пекарни и обстреливали окна казармы с севера.

А.М. Филь: «Теперь у нас крепостью стала каждая комната. Все маленькие группы охраняли подступы к себе. Два человека находились у окна, один у дверей и один в запасе. Противник окружил нас во много раз превосходящими силами, нас, имеющих по одному патрону на человека да острый штык. Самым драгоценным для нас были патроны... Передышек уже не было».

Наконец саперы 81-го батальона, пробравшись на крышу здания через Трехарочный мост, начали спускать к окнам заряды взрывчатки и поджигать фитили: «От взрыва были слышны крики и стоны русских, однако они продолжали стрелять». Более того, несколько защитников тоже выскочили на крышу и подстрелили командира саперного батальона обер-лейтенанта Масуха; в бою погиб и командир противотанковой роты гауптман Вацек.

135-й стрелковый полк атаковал Восточный форт, но, несмотря на то что в распоряжение полковника Йона были переданы 2-й батальон 130-го, 3-й батальон 133-го полка и огнеметчики, результат был нулевым, а потери, по немецким меркам, значительными. Майор Гаврилов события 25 июня вообще расценил как бои местного значения.

В крепости все перемешалось. «Из-за ограниченности района действий применение артиллерии стало невозможным. Крепкие стены сводили на нет попытки штурмовать их силами пехоты, а танков и самоходных орудий не было», — сетовал и ходатайствовал о выделении ему

танков и «больших огнеметов». Тем не менее, основываясь на предыдущих донесениях, штаб 2-й танковой группы доложил: «Цитадель Брест пала». Одновременно у 45-й дивизии забрали тяжелую артиллерию и вывели ее из состава 12-го корпуса: соседи ушли далеко вперед, а дважды «взявшую» крепость дивизию оставили «устранять недоделки», передав в подчинение штаба 53-го армейского корпуса.

Итоги дня для генерала были малоутешительны. К тому же его топтание на месте вызывало недоумение в Берлине. Начальник штаба ОКХ отметил в своем дневнике: «Подтверждается, что 45-я пехотная дивизия, по-видимому, зря понесла в районе Брест-Литовска большие потери». Генералу артиллерии Бранду поручили выяснить эффективность огня установок «Карл» и расследовать действия 45-й пехотной дивизии в районе Бреста.

Но и защитники понимали, что выбор у них остался только между смертью и пленом.

В.С. Солозобов: «Нас оставалось теперь совсем мало. Настроение у всех было подавленное. Днем стало известно, что сегодня, когда стемнеет, командиры штаба и легкораненые пойдут на прорыв. Я был рад, только бы ближе к цели: или прорваться из окружения, или погибнуть. Вражеский обстрел с каждым часом усиливался. Мины пробивали потолок обоих этажей.

Наступил вечер. Мы, человек 20, расположились по обе стороны окна. И вот капитан Зубачев сказал, что идет докладывать комиссару. Через несколько минут они вошли. Мы ждали команды. Все были напряжены до предела. Наше внимание сосредоточилось на окне и воде. Сколько мы так стояли — 10, 20 минут, а может, и больше — не знаю.

«Отставить атаку, товарищи, всем занять оборону», — сказал совсем тихо комиссар. Все были подавлены, чувствовалась какая-то растерянность».

Стрельба в крепости не прекращалась всю ночь.

26 июня немецкие штурмовые группы продолжили прочесывание кольцевой казармы, а саперы — подрывы зданий на Центральном острове. При этом зачищенные, казалось, подвалы и отсеки снова оживали, «коварный и злобный противник» продолжал сопротивляться.

В журнале боевых действий 45-й дивизии в этот день появилась запись: «Оставшиеся части русских упорно сопротивляются. Случается, что из домов, чья большая часть взорвана, тотчас возобновлялся огонь. Зачистка так трудна потому, что отдельные русские скрываются среди лохмотьев, ведер, даже в кроватях и на потолках, и снова начинают стрелять после обыска дома или кидаются на солдат с остро отточенными ножами. Причиной для необычно настойчивой и выносливой защиты является внушенный комиссарами страх об их расстреле в немецком плену. Некоторые из пленных вообще не встают, а хотят быть застреленными на месте».

Ближе к полудню был ликвидирован штаб сводной группы.

«Немцы настолько сжали кольцо, — вспоминает Н.С. Гутыря, — что мы внутри крепости остались только в одном здании саперного батальона в подвале, на первом этаже и периодами на втором этаже. Выше и на крыше, а также вокруг нас — везде были немцы. Наших бойцов насчитывалось 150—180 человек. Немцы наше здание никак не могли взять из-за героической защиты. Тогда они начали его подрывать, закладывая снаружи взрывчатые вещества. И так рано утром взорвали часть здания с восточной стороны, и мы оказались с одной стороны открыты, как на ладони. Бойцы, которые могли передвигаться, прятались в боковые комнаты и оттуда вели огонь. Во время обвала было привалено кирпичом не менее 50 человек. Комиссар тов. Фомин получил контузию и ранение обеих ног... Немцы от нас находились

очень близко (за стенами), и в 11—12 часов дня последовал второй взрыв с противоположной стороны, и в этот момент гитлеровцы с криком, ведя сильный автоматный огонь, налетели со всех сторон на оставшихся в живых, раненых, контуженных и изнуренных бойцов и офицеров и забрали всех в плен — всего 100—120 человек.

Итак, 26 июня 1941 г. в 11 или 12 часов дня прекратилась героическая (а я говорю героическая потому, что сражались наши воины действительно героически) защита центральной части Брест-Литовской крепости».

В плену оказались руководители обороны И.Н. Зубачев и Е.М. Фомин. Почти сразу Фомин был выдан немцам одним из красноармейцев и расстрелян — скорее всего не за то, что был комиссаром, а отомстили за убитых под лестницей немецких солдат. Капитан Зубачев умер в 1944 г. в концлагере Хаммельбург.

В истории «Героической обороны», написанной исключительно советской стороной еще в 50-е годы, отлитой в бетоне и бронзе, комиссар Фомин погиб 30 июня 1941 г. Чем дальше от войны, тем дольше в воспоминани-

Оплавившиеся своды подвалов казармы 333-го стрелкового полка.

ях участников длилась оборона. И вот уже Матевосян вспоминает, как прощался с Фоминым «в первые дни июля», старший сержант Д. Абдуллаев утверждает, что лишь 5 июля «немцам удалось ворваться, и они приказали всем выйти», а старший сержант А.П. Бессонов относит свой последний бой к 15 июля, а рядом лежит Фомин, и «глухой стон вырывался из его груди». Такая датировка совершенно не стыкуется с документами противной стороны. Первые три дня защиты крепости в наших источниках расписаны подробно с рядом совпадающих деталей. Далее, особенно 29 и 30 июня — сплошной непрерывный штурм. Вот только противник этого не заметил.

После падения «Дома офицеров» у него оставалась одна проблема — Восточный форт. Но проливать за него арийскую кровь он не собирался. Генерал добился передачи в свое подчинение танкового взвода из состава бронепоезда 228, находившегося в районе Бреста. Взвод состоял из трех французских машин «Сомуа» S-35. Кроме того, в 45-й дивизии пробовали починить два трофейных советских танка и штурмовое орудие, подбитое у Трехарочных ворот. Тяжелые минометы обстреливали форт круглые сутки.

Восточный форт оставался неприступным: «...сюда нельзя было подступиться, имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный или пулеметный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивал каждого приближающегося. Оставалось только одно решение — голодом и жаждой принудить русских сдаться в плен...» Тем более, как сообщил один из пленных, в форту находилось почти 400 человек, не собиравшихся сдаваться, с 10 ручными пулеметами, 10 автоматами, 1 четырехствольным пулеметом и 1000 гранат. Хотя отсутствие воды, медикаментов, продуктов создали крайне тяжелую ситуацию. При очередной попытке прорыва в ночь на 27 июня группа из 200

человек потеряла четверть своего состава, остальные вернулись в форт. В эту ночь пропал без вести политрук С.С. Скрипник. С одной стороны, он мог попасть в плен при попытке прорыва, с другой — в бумагах Гаврилова есть странная запись: «Ушел комиссар».

Танковая группа генерала Гота уже захватила Минск, к Слониму ушел 12-й армейский корпус, а 45-я пехотная дивизия продолжала «битву за крепость». Командующий группой армий «Центр» записал в дневнике: «Оказывается, кое-какие бункеры цитадели Бреста продолжают держаться, и наши потери там высокие. Таким образом, рапорт от 25 июня соответствует истине далеко не полностью».

После полудня 27 июня 45-я дивизия применила против Восточного форта трофейные танки, которые подходили почти вплотную и вели огонь по бойницам и окнам, «русские значительно присмирели, однако до победы над ними было еще далеко». На следующий день к танкам присоединилось приведенное в исправность штур-

Внутренняя казарма Восточного форта. Август 1941 г.

мовое орудие — с тем же результатом. Попробовали вести огонь из 88-мм зенитной пушки, но это не дало желаемого эффекта. Супертяжелые «Карлы», действия которых генерал-инспектором артиллерии были оценены как весьма эффективные, к этому времени, расстреляв почти весь боезапас, закончили свою работу и были выведены из подчинения дивизии. Для подавления последнего организованного очага сопротивления «фанатичных русских» генерал запросил помощь авиации, и 2-й авиационный корпус выделил эскадру пикировщиков. Пехота, обозначив цель белыми полотнищами, отошла за внешний вал Северного острова. С наступлением темноты форт осветили лучами трофейных русских прожекторов.

Утром 29 июня пятерка «юнкерсов», поднявшаяся с аэродрома Малашевичи, подвергла Восточный форт прицельной бомбардировке 500-кг бомбами. Однако возведенные Тотлебеном казематы ничуть не пострадали, форт продолжал огрызаться огнем. В немецком штабе начали всерьез прорабатывать идею выкуривания защитников с помощью бочек с бензином и маслом. Их предполагалось скатывать в ров и поджигать ручными гранатами и зажигательными пулями.

Воздушная бомбардировка продолжалась и во второй половине дня. Наконец, около 18 часов пикировщик угодил 1800-кг бомбой в каземат, в котором находился склад боеприпасов 333-го полка. Взрыв потряс не только крепость, но и город. Через два часа большая часть защитников Восточного форта (по немецким данным, 389 человек) сдалась в плен. В отчете о взятии Брест-Литовска говорится, что «разрешение на сдачу красноармейцы получили от своего руководителя, майора. Они абсолютно не были потрясены, выглядели сильными и хорошо накормленными и производили впечатление дисциплинированных». В этой ситуации старший сержант

Р.К. Семенюк, рядовые И.Д. Фольварков и Тарасов закопали в одном из казематов знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. На рассвете 30 июня немцы заняли форт, но некоторым красноармейцам удалось укрыться в подземных убежищах. Майора и комиссара, руководивших обороной, найти не удалось, пленные сообщили, что они застрелились.

30 июня немцы тщательно прочесали Восточный форт, собрали своих убитых, труднодоступные помещения выжгли огнеметами.

Командование 45-й дивизии еще раз доложило о взятии крепости. В донесении указывалось число взятых в районе Брест-Литовска пленных — 7223 человека, в том числе 101 командир, а также перечислялись захваченные трофеи: 14 576 винтовок, 1327 пулеметов, 394 пистолета и револьвера, 103 орудия, 27 минометов, 107 походных кухонь, 36 танков и гусеничных тракторов, запасы гужевого транспорта, склады... Среди трофеев оказалось знамя 132-го конвойного батальона войск НКВД.

Таким образом, к концу июня организованное сопротивление в крепости было подавлено. Мелкие группы и отдельные бойцы делали вылазки по ночам, пытались выйти из окружения, либо отсиживались в подземельях, ожидая снятия блокады. Вечером 30 июня 45-я пехотная дивизия получила новую задачу: «Часть подразделений продолжает очистку и осмотр крепости, остальные силы дивизии должны быть приведены в состояние готовности к маршу». После церемонии прощания «с павшими героями» дивизия, вошедшая в состав 35-го армейского корпуса, 2 июля покинула Брест и была направлена в район Пинска на прочесывание припятских болот. Ее сменили охранные части (502-й батальон).

Несмотря на то что командование 4-й немецкой армии доложило о взятии крепости к 30 июня, в самых различных ее частях днем и ночью завязывалась перестрелка,

Немецкие солдаты в Цитадели на фоне Тереспольских ворот. Лето 1941 г.

раздавались взрывы гранат. В подвалах Белого дворца, Инженерного управления, клуба, казармы 333-го стрелкового полка, казематах Кобринского укрепления держались последние защитники.

Рядовой музыкантского взвода Ф.П. Дзех сообщил, что участвовал в обороне района Тереспольских ворот и был захвачен в плен 6 июля. Рядовой химвзвода 455-го стрелкового полка Е.М. Василевский рассказал, что в их группе осталось семь человек: «...полуживые, голодные, боеприпасов нет. Решили выйти из крепости. Переплыли Мухавец и ...были пленены». Это случилось, приблизительно 9—10 июля.

Старший сержант С.М. Кувалин, попав в плен, занимался уборкой трупов в крепости: «Мы собирали и хоро-

нили павших советских бойцов без разбора и регистрации в первой ближайшей воронке. Трупы разложились, дышать было тяжело. Немецких солдат клали в груды, вынимали все документы, жетон отдавали офицеру, который стоял в стороне с флаконом одеколона в руках. Больше всего немецких солдат было убито у моста через канал и вокруг гарнизонного клуба... Числа 14—15 июля мимо нас с песнями прошел отряд немецких солдат, человек 50. Когда они поравнялись с воротами, в середине их строя неожиданно раздался взрыв, и все заволокло дымом. Оказывается, это один наш боец еще сидел в разрушенной башне над воротами. Он сбросил связку гранат на немцев, убив человек 10 и многих тяжело ранив, а затем прыгнул с башни вниз и разбился насмерть».

В Восточном форту вела партизанскую войну «кочующая» группа майора П.М. Гаврилова из двадцати человек. Днем они уходили в подземелья, а по ночам поднимались наверх и открывали огонь по противнику, как только он оказывался в зоне досягаемости. «Обнаружить нашу боевую группу было довольно трудно, — вспоминал П.М. Гаврилов, — так как все время то тут, то там раздавались пулеметные очереди, треск винтовочных выстрелов уцелевших защитников крепости. Крепость жила, крепость не сдавалась. Однако нам приходилось очень худо: иссякли и без того скудные запасы продовольствия. Мы ограничили себя 100 граммами сухарей в день. Так прошло десять дней. Мы не теряли надежды прорваться на северо-восток от Бреста к Беловежской Пуще. Но 12 июля стычка с забредшими в наше расположение вражескими пулеметчиками выдала нас. Гитлеровцы немедленно подняли тревогу, обложили форт, пошли в атаку. В этом неравном бою погибло девять наших товарищей». Когда от группы в живых осталось трое, они покинули форт. Майор Гаврилов укрылся в капони-

ре за внешним валом между Северными и Северо-Западными воротами, где, питаясь комбикормом из близлежащей конюшни, провел десять суток в ожидании, что немцы снимут блокаду крепости. На 32-й день войны майор дал свой последний бой и, тяжелораненый, оказался в плену. Старший ординатор окружного госпиталя Ю.В. Петров попал в плен в районе Кобрина и через несколько дней оказался в должности начальника хирургического отделения лагерного лазарета: «Гаврилова доставили на носилках. От длительного голодания и ранений он настолько ослаб, что с трудом мог повернуться на бок. Я даже сейчас не могу себе представить, как нам удалось спасти его. Лицо этого человек заросло бородой, кожа покрылась грязью и копотью. Он был весь изранен, окровавленные тряпки, обрывки белья присохли к ранам, весь его внешний вид производил ужасное впечатление. И ко всему у него была еще тяжелая дистрофия. О стойкости духа майора Гаврилова и о его боевых подвигах нам рассказывали немецкие офицеры».

Майор П.М. Гаврилов (1900—1979), командир 44-го стрелкового полка.

И после 20-х чисел июля в крепости продолжали сражаться советские воины. Последние дни борьбы овеяны легендами. К этим дням относятся надписи, оставленные защитниками крепости на ее стенах: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.VII.41 г.».

Генерал Вальтер фон Унру, назначенный комендантом Бреста 30 июля, принимая дела, вынужден был от-

метить и доставшиеся в наследство проблемы с крепостью, и необходимость проводить новую зачистку: «В общем-то, это — пустынные груды развалин, дымившиеся и зловонные, где все еще велся ружейно-пулеметный огонь от оставшихся советских солдат».

Местные жители рассказывали, что до первых чисел августа из крепости слышалась стрельба, и немцы привозили оттуда в город своих раненых офицеров и солдат.

Старшина А.И. Дурасов, работавший вместе с другими военнопленными и евреями в брестском госпитале, поведал историю о том, как в апреле 1942 г. его напарника Залмана Ставского увез на легковой машине в крепость немецкий офицер. Бывшего скрипача ресторана «Брест» доставили к полуразрушенному подземелью в районе казарм 333-го стрелкового полка, вход в которое оцепил взвод автоматчиков. Офицер объяснил, что там укрывается вооруженный русский, и приказал музыканту спуститься туда и уговорить бойца выйти наверх и сдаться. Под землей Ставский обнаружил человека, который уже истратил все боеприпасы и, мучимый длительным голодом, согласился выйти из своего убежища. Скрипач помог ему выбраться наверх: «Это был заросший щетиной человек, в истлевшем обмундировании, в телогрейке, без фуражки, худой, выше среднего роста, русые волосы развевались на ветру; возраст его определить было трудно. На вопрос офицера, есть ли там еще кто-нибудь, незнакомец ответил: «Я один. И вышел, чтобы увидеть то, во что я крепко верил и верю сейчас — в ваше бессилие». Сказав это, он медленно опустился на груду кирпича. По приказанию офицера перед ним положили печенье и раскрыли коробку консервов. Но он ни к чему не прикоснулся. Тогда офицер повернулся к солдатам и сказал: «Вот смотрите, как нужно защищать свою землю. Этот герой — солдат, у которого и смерть, и голод, и лишения не сломили воли. Это подвиг».

Этот эпизод писатель Борис Васильев положил в основу своего романа «В списках не значился», герой которого выразил главную мысль: «Крепость не пала: она просто истекла кровью». Оборона Брестской крепости — в отличие от мифического подвига «28 панфиловцев» — реальный пример воинской доблести. Это признал и противник.

Генерал в боевом донесении сообщал: «Ру́сские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению». Ему вторил П. Карель: «Упорство и верность присяге защитников Бреста произвели глубочайшее впечатление на немецких солдат. Военная история знает немного столь же героического презрения к смерти. Когда генерал-полковник Гудериан получил рапорты об операции, он сказал офицеру связи главного командования при его танковой группе, майору фон Белову: «Эти люди заслуживают величайшего восхищения»... То, как они сражались, их упорство, верность долгу, их храбрость перед лицом безнадежности — все это было характерным для морального состояния и сил сопротивления советского солдата. Немецкие дивизии должны были столкнуться с многочисленными такими примерами».

Только за первые девять дней боев защитники крепости вывели из строя более 1500 солдат и офицеров 45-й пехотной дивизии, что составило свыше 5 процентов всех потерь вермахта на Восточном фронте. В эту цифру не входят потери придаваемых в распоряжение генерала Шлиппера частей усиления. В Бресте 1 июля 1941 г. 45-я пехотная дивизия заложила свое первое в Восточном походе кладбище, на котором было похоронено 482 солдата и офицера.

Генеральный штаб сухопутных сил потребовал от фельдмаршала фон Бока разобраться в причинах задерж-

Первое кладбище 45-й пехотной дивизии на нашей земле.

ки войск в Бресте. В ответном докладе командование группы армий «Центр» оправдывало тяжелые потери и длительность боев за крепость трудностью поставленных перед 45-й дивизией задач, недостаточным количеством тяжелой артиллерии, численным превосходством гарнизона и его ожесточенным сопротивлением. В этом документе кирпичные казармы николаевской эпохи назывались «крупным опорным пунктом, оборудованным по последнему слову техники», а два советских полка превратились в две дивизии. Сообщалось, что личный состав австрийской дивизии «действовал храбро и упорно», в одной лишь Цитадели было взято в плен около 6000 человек. Сюда, несомненно, были включены медперсонал и пациенты окружного госпиталя, приписники и семьи комсостава. «Кроме того, — добавил генерал Шлиппер, — число жертв русских огромно». По примерным подсчетам, в крепости погибли около трех тысяч командиров и бойцов Красной Армии.

26 августа 1941 г. во время поездки на Восточный фронт Брестскую крепость посетили Гитлер, Геринг, Риббентроп, фельдмаршал Кессельринг, а также «лич-

ный гость фюрера» Бенито Муссолини и начальник итальянского Генштаба генерал Уго Кавальеро. Фюреру демонстрировали свезенную в крепость трофейную технику. Исполнявший обязанности гида генерал Клюге рассказывал историю крепости, отмечал важное ее значение и на макете освещал подробности штурма.

В ходе ожесточенных боев, артиллерийского обстрела многие крепостные сооружения, в особенности кирпичные здания, сильно пострадали. От одних остались груды развалин, от других — обгоревшие коробки. Внутри Цитадели были почти полностью разрушены здание бывшего Инженерного управления и Белый дворец, в руины превратилось здание красноармейского клуба, в груды развалин — казармы 333-го стрелкового полка и 9-й погранзаставы. Пострадала и кольцевая казарма: обрушились ее стены в северо-западной и северо-восточной частях от Белостокских до Брестских ворот, у Тереспольских ворот, к востоку от Холмских ворот. На Волынском укреплении остались обгоревшие коробки

Кадры трофейной кинохроники. Гитлер и Муссолини в Брестской крепости. 26 августа 1941 г.

Гитлер и Муссолини в крепости.

здания госпиталя, на Кобринском — развалины жилых домов командного состава. Во многих крепостных сооружениях обрушились своды подвалов и казематов.

Большинство участников обороны погибли в бою или в немецком плену. Лишь немногим из них удалось вырваться из кольца и продолжать борьбу на фронтах, в партизанских отрядах. Некоторые, бежав из плена, принимали участие в движении Сопротивления стран Европы. До Победы дожили около 400 человек.

Оккупация Бреста продолжалась более трех лет. Сразу же было введено немецкое военное управление, которое существовало до 1 сентября 1941 г. Большая часть Брестской области, согласно новому административно-территориальному делению, вошла в состав рейхскомиссариата «Украина». Северные районы были отнесены к Восточной Пруссии. Немецкий и украинский языки объявлялись государственными. Практически все улицы Бреста были переименованы на польский либо немец-

кий лад. Так, одна из центральных улиц города стала называться улицей 45-й дивизии, а затем Адольф Гитлер-штрассе.

В помощь оккупационным властям немцы образовали местное городское управление — магистрат и полицию, в которых большинство руководящих мест занимали поляки и украинцы. Новая власть начала свою деятельность с переписи населения. По ее данным, в ноябре 1941 г. в Бресте насчитывалась 51 тысяча человек. Все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет обязаны были стать на учет в комендатуре. Неявившиеся объявлялись дезертирами и подлежали смертной казни. Приезжие, в том числе женщины, за которых не мог поручиться бургомистр, направлялись в лагеря военнопленных. Таких лагерей в округе было четыре: у Северных ворот крепости, на улице Пушкинской, возле деревни Речица, в так называемых «красных казармах» и в Южном городке. Только в последнем содержалось около 12 тысяч красноармейцев и командиров, в том числе участники обороны крепости и укрепрайона. К началу зимы половина из них вымерла от голода и болезней.

В декабре еврейское население Бреста было переселено в гетто, а в марте 1942 г. было создано гетто для «восточников» — советских граждан, приехавших в Западную Белоруссию после 1939 г. Их гоняли строем на расчистку территории крепости и уборку трупов. С апреля 1942 г. в крепости размещались склады, немецкие, венгерские и итальянские воинские части.

Еще 26 августа 1941 г. рейхскомиссар Украины Эрих Кох обнародовал политическую программу, из которой стало ясно, что нацисты не собираются признавать партнерами ни прибалтийские, ни украинское и русское антибольшевистские правительства. У покоренных народов было только одно право: обслуживать интересы германской нации. Освобожденные от «химеры совести» арийцы

Период оккупации. Разборка казармы 333-го полка.

методично уничтожали коммунистов, советских работников, активистов, «восточников», евреев, цыган, мусульман, «бандитов», заложников и просто попавших под руку славянских и неславянских «недочеловеков», очищая жизненное пространство для «расы господ». Местами массовых расстрелов жителей Бреста стали форты II и III, промежуточная казарма в районе форта VIII.

Начиная с осени 1942 г. немцы стали организовывать облавы на людей и насильственно вывозить их на работу в Германию. В октябре была проведена акция по «окончательному решению еврейского вопроса». С 15 по 18 октября гетто было ликвидировано, вместе с ним уничтожено 18 тысяч человек.

За время господства «нового порядка» население Бреста сократилось в 3,5 раза. В брестских лагерях военнопленных были замучены 30 тысяч человек.

Действия оккупантов, проводивших политику устрашения и таким образом воспитывавших у населения «уважение к немцам», лишь усиливали сопротивление. В октябре 1943 г. окружной сельскохозяйственный руководи-

тель докладывал о том, что «1/3 территории Брестского округа находится в руках банд, откуда хлебопоставки можно получить только с применением военной силы вермахта». В самом городе действовало советское и польское антифашистское подполье и диверсионные группы.

23 июня 1944 г. началась самая грандиозная операция Советской Армии под названием «Багратион», стратегической целью которой являлся разгром группы армий «Центр», полное освобождение Белоруссии и выход на западную границу СССР. На первом этапе войска четырех советских фронтов разгромили фланговые группировки противника, а затем сходящимися ударами окружили основные силы группы армий «Центр» восточнее Минска. В котле оказалось свыше 100 тысяч немецких солдат и офицеров. Здесь закончила свой боевой путь 45-я пехотная дивизия. Ее командир генерал-майор Иоахим Энгель сдался в плен. 3 июля танкисты 2-го гвардейского танкового корпуса и партизаны освободили столицу БССР.

За 12 дней советские войска продвинулись на 225—280 километров, освободили большую часть республики. Появилась возможность начать неотступным преследованием гнать остатки разбитых немецких войск к западной границе СССР.

Стабилизация положения на Восточном фронте, в котором образовалась огромная брешь протяженностью в 400 километров, стала важнейшей задачей германского командования. На линии Белосток — Брест спешно создавался новый фронт обороны.

В этой обстановке войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского приступили к проведению Люблин-Брестской операции. Ее замысел заключался в том, чтобы ударами в обход Брестского укрепленного района с севера и юга разгромить люблинскую и брестскую группировки противника и, развивая наступление на варшавском направлении, на

широком фронте выйти к Висле. Главный удар наносился из района Ковеля в общем направлении на Люблин, Варшаву, а частью сил — в обход Бреста с юга. Армии правого крыла наступали на варшавском направлении, обходя брестскую группировку противника с севера.

Войскам Рокоссовского противостояли основные силы 2-й полевой и часть сил 4-й танковой армий группы «Северная Украина».

В период подготовки к нанесению удара 6 июля войска левого крыла частью сил заняли город Ковель, оставленный немцами «без всякого нажима с нашей стороны», а утром 18 июля сосредоточенная в этом районе группировка советских войск перешла в наступление главными силами.

При мощной артиллерийской поддержке и активной помощи авиации соединения ударной группировки в первый же день прорвали оборону противника. 47-я армия генерал-лейтенанта Н.И. Гусева начала стремительно продвигаться на Седльце, а 8-я гвардейская генерала В.И. Чуйкова и 69-я армия генерал-лейтенанта В.Я. Колпакчи, поддержанные 11-м танковым корпусом, шли на Люблин. 20 июля, продвинувшись на 70 километров, они на широком фронте вышли к реке Западный Буг, с ходу форсировали ее и вступили в пределы Польши. Немцы поспешно отходили на запад. 22 июля войска Колпакчи освободили Хелм, а 11-й танковый корпус генерал-майора И.И. Ющука ворвался в Парчев.

После прорыва обороны противника на Западном Буге 21 июля 1944 г. в сражение вступили 2-я танковая армия генерал-лейтенанта С.И. Богданова — огромная сила в 805 танков и САУ — и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В.В. Крюкова. Германское командование понимало, что разворот войск левого крыла 1-го Белорусского фронта для выхода в тыл и фланг группировке, оборонявшейся севернее Полесья, может произойти на ру-

беже Бреста. Поэтому оно стянуло в этот район вместе со значительными силами 2-й армии большие резервы. Удерживая Брест, противник стремился разобщить усилия фронта и преградить советским войскам путь к Варшаве.

Оборону в Брестском укрепленном районе занимали части корпусной группы «Е» под командованием генерала Шеллера. В ее состав входили 86, 137, 251-я дивизионные группы, 203-я охранная дивизия, 186-й стрелковый полк, 186-й саперный батальон, 186-й фузилерный батальон, 22-й зенитно-артиллерийский полк, 930-й охранный полк, 251-й батальон связи, батальон отпускников и батальон выздоравливающих. Особенно сильно немцы укрепили северо-восточные и восточные окраины Бреста, имевшие три оборонительных обвода, опиравшихся на крепостные форты. Все дороги и предполье были густо минированы.

Соединения 28-й армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского, 61-й армии генерал-полковника П.А. Белова и 70-й армии генерал-полковника В.С. Попова, боевой путь которого начинался от стен Брестской крепости 22 июня 1941 г., охватили город с трех сторон. Одновременно в глубоком немецком тылу 2-я танковая армия вышла к Висле в районе Демблина, а затем устремилась вдоль реки к Варшаве.

27 июля армия А.А. Лучинского вышла к Западному Бугу северо-западнее Бреста, а дивизии В.С. Попова форсировали реку с юго-запада. Пути отхода брестской группировки противника были отрезаны.

В 21.00 начался решающий штурм, в котором приняли участие бойцы и командиры всех трех армий. 48-я гвардейская дивизия, наступая с севера, ворвалась на товарную станцию, а ее 138-й полк к двум часам ночи вышел к Цитадели. 12-я гвардейская, 212-я и 415-я стрелковые дивизии ночной атакой захватили форты III и IV, преодолели последнюю полосу обороны противника и

Советский флаг над фортом III. Июль 1944 г.

ворвались в город. 160-я Краснознаменная стрелковая дивизия, преодолевая упорное сопротивление, продвигалась с юга по восточному берегу Буга.

28 июля 1944 г. Брест, в котором осталось менее 15 тысяч жителей, был полностью очищен от противника. Немецкой группировке удалось прорваться на запад, однако там она снова была окружена и полностью разгромлена. Вечером Москва салютовала войскам 1-го Белорусского фронта. 18 соединений и 29 частей получили право именоваться Брестскими.

12-я гвардейская стрелковая дивизия стала в городе гарнизоном. Ее 29-й полк расположился в Цитадели, в казарме между Холмскими и Тереспольскими воротами. Командир дивизии генерал Д.К. Мальков был назначен комендантом города и крепости.

На момент освобождения в Бресте осталось 14 960 жителей. Население приступило к ликвидации последствий оккупации и боев, налаживанию мирной жизни.

Послевоенные годы нанесли крепости больший ущерб, чем все сражения и вражеские армии, вместе взя-

Советские солдаты в крепости.

тые. В городе, лишившемся почти половины жилищного фонда, кипело строительство, возводились дома, восстанавливались предприятия и инфраструктура. Военные с теми же целями разбирали крепость. Из отличных «царских» кирпичей строились дома командного состава, казармы, гаражи и другие объекты. С 1947 по 1955 г. были взорваны Брестские (Трехарочные), Белостокские (Бригитские) и Восточные ворота, разобраны участки кольцевой казармы, тюрьма «Бригитки», здание Белого дворца, ряд фортов (II, III, IV, IX, X). Собирались снести и здание клуба-костела, но потом передумали и устроили в нем овощехранилище. Как свидетельствует очевидец: «Ради справедливости надо сказать: то, что не разрушил враг в священных стенах старой крепости, разрушили мы сами».

О какой-то обороне Бреста широкой публике ничего не было известно, а рассказам местных жителей отказывались верить.

КРЕПОСТЬ-ГЕРОЙ

Картина первых дней войны на западной границе открывалась постепенно, фрагментами. Первые сведения об обороне Брестской крепости были получены из немецких источников. В марте 1942 г. в боях в районе города Ливны советские войска нанесли поражение 45-й пехотной дивизии противника. При этом был захвачен архив штаба дивизии. Среди документов переводчики обнаружили «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска». В нем генерал Шлиппер признавал мужество брестского гарнизона: «Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска... Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению». По материалам этого донесения в газете «Красная Звезда» от 21 июня 1942 г. была опубликована статья полковника М. Толченова «Год тому назад в Бресте».

После освобождения города материалы о событиях в Брестской крепости начал собирать секретарь обкома партии Н.И. Красовский. В 1948 г. в журнале «Беларусь» появилась его статья «Героическая оборона в Бресте», а в «Огоньке» — очерк писателя М. Златогорова «Брестская крепость».

В августе 1949 г. в разрушенной башне Тересполь-

ских ворот обнаружили останки командира взвода полковой школы 333-го стрелкового полка лейтенанта А.Ф. Наганова, рядового И.Г. Горохова и еще тринадцати бойцов. При разборке завалов казармы у Брестских ворот в ноябре 1950 г. среди останков 34 советских воинов был найден Приказ № 1. Здесь же, на останках рядового Федора Исаева, обнаружено шефское знамя от Исполкома Коминтерна 84-го стрелкового полка. Останки 132 человек извлекли во время раскопок в Белом дворце. В ходе расчистки помещений на уцелевших стенах и сводах подвалов стали находить надписи, оставленные защитниками: «Нас было трое. Нам было трудно. Но мы не пали духом и умрем как герои», «Умираю, но не сдаюсь...» И даже так: «Нас было пятеро. Все умрем за Сталина».

Год спустя появилась картина художника-баталиста П.А. Кривоногова «Защитники Брестской крепости», изобразившего момент боя у Тереспольских ворот. В 1953 г. была поставлена пьеса белорусского драматурга К.Л. Губаревича «Брестская крепость», надолго ставшая визитной карточкой областного драматического театра.

Однако все герои обороны были либо безымянны, либо «пали в неравном бою». В пьесе Губаревича действует один реальный персонаж — лейтенант Наганов, остальные персонажи вымышленные. Описываемые перипетии обороны представляют собой фантазии автора на патриотическую тему: «начальник гарнизона» — командир стрелкового полка, организованно вступившего в бой с «целым корпусом немецкой армии», держит связь с командованием, посылает в атаку танки, получает из города разведывательную информацию от подпольного обкома партии. В финале герои поют песню о «Варяге» и взрывают себя вместе с врагами в заминированном каземате.

Сцена из героической драмы К.Л. Губаревича «Брестская крепость».

Большинство выживших защитников крепости прошли через немецкий плен, а пленный, в соответствии с указаниями И.В. Сталина, не мог быть героем. Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. трактовал этот вопрос однозначно: военнослужащий, оказавшийся во вражеском плену, является «трусом и дезертиром». Освобожденные из немецких концлагерей, они попадали в советские фильтрационные лагеря, проходили через бесчисленные унизительные допросы и проверки, а затем зачастую отправлялись в исправительно-трудовые, получив 10 лет лишения свободы как «предатели» и «власовцы». Многие после немецкого плена успели повоевать в рядах Красной Армии, но и они были гражданами второго сорта, относились к категории «вновь призванных». При демобилизации после Победы их, как правило, не торопились увольнять, а направляли в особые строительные батальоны Наркомата обороны или конвойные войска. Или арестовывали по обвинению в пособничестве врагу. Те, кого чаша сия миновала, предпочитали молчать, да им никто и не верил. Они находились на «специальном учете», ограничивались

в выборе профессии, учебы, места жительства. Так, бывший политрук 42-й стрелковой дивизии П.П. Кошкаров в «Справочной анкете на ветерана-участника боев 1941 года» указывал: «В ноябре 1945 г. по возвращении на Родину из Германии, проходя спецпроверку в местечке Новашино Владимирской области, я под давлением следователя «Смерш» и под его диктовку написал, что пленен я был не 30 июня, а 26 июня 1941 г. Угрожая, следователь принуждал меня написать дату пленения 22 июня, что «ему известно — крепость пала 22 июня утром».

Неспроста в шестом томе Большой советской энциклопедии, увидевшем свет в 1951 г. (в отличие от издания 1927 г.), Брестская крепость не упоминается даже в контексте в связи с историческими событиями. Нет ее там вовсе. Поэты и художники воспевали героическую оборону Севастополя и Смоленска, Киева и Бреста, а десятки тысяч их защитников носили клеймо «побывавших в плену и подвергшихся воздействию фашизма», о чем до конца жизни обязаны были указывать в анкетах.

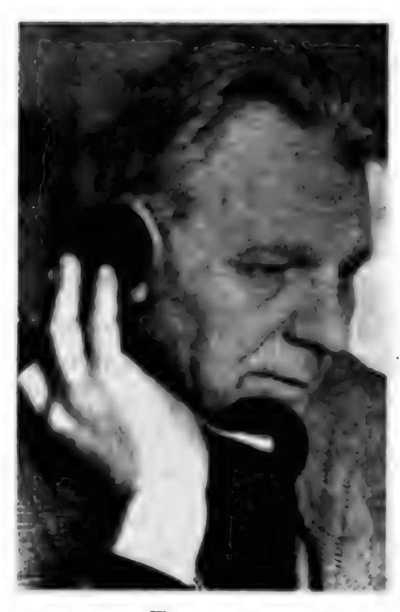
Восточный форт — территория зенитного артполка. 1960 г.

Первый секретарь
ЦК КПСС Н.С. Хрущев
(1894—1971).

«История, подобная защите Цитадели Брестской крепости, получила бы широкую огласку в любой другой стране, — писал Пауль Карель. — Но смелость и героизм защитников Бреста остались не воспетыми. До смерти Сталина Советы просто не обращали внимания на героическую оборону крепости. Крепость пала, и многие солдаты сдались — это в глазах сталинистов было позором. Поэтому в Бресте не было героев. Глава из военной истории была просто вырвана. Имена командиров были стерты из памяти... Прошло много времени, прежде чем герои Цитадели Бреста были признаны в советской истории».

Особая роль в «возвращении имен» принадлежит писателю С.С. Смирнову и Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву.

Писатель начал свой поиск, затянувшийся на десять лет, в 1954 г. и довольно быстро нашел сразу троих здравствующих участников обороны. Уже в августе, впервые после войны, прие-



Писатель
С.С. Смирнов
(1915—1976).

хали в Брест ереванец С.М. Матевосян и минчанин А.И Махнач. Третий, А.М. Филь, продолжал «искупать вину перед Родиной» на якутских золотых приисках. А начальник Брестского госпиталя Б.А. Маслов «правды» так и не дождался, и осужденный умер в одном из лагерей Сибири.

В 1955 г. С.С. Смирнов опубликовал ряд статей в газетах и журналах, а в 1956 г. вышли его книги «Крепость на границе» и «Крепость над Бугом», в которых открывались новые имена и новые события. На письма, статьи и радиопередачи отзывались очевидцы. Обнаружились следы майора П.М. Гаврилова. Он успешно прошел «фильтрацию» и был назначен помощником начальника лагеря для японских военнопленных на Дальнем Востоке, затем был уволен в отставку. Успех в поисках, их широкая популяризация средствами массовой информации стали возможным благодаря внутриполитическим переменам в стране.

В этом смысле год, когда в Советском Союзе отмечалось пятнадцатилетие начала Великой Отечественной войны, был особенно знаменательным. Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде Коммунистической партии в феврале 1956 г. положил начало курсу на борьбу с последствиями «культа личности». 29 июня было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», которым, в частности, предписывалось пересмотреть все дела бывших военнопленных в персональном порядке. Населению «для понятности» скормили примитивную, но оказавшуюся весьма живучей сказку-страшилку о патологическом злодее Лаврентии Павловиче, по заданию английской разведки всячески вредившем коммунистическому строительству и искривлявшем линию партии: «Не секрет, что враг народа Бе-

рия и его сторонники поддерживали отрицательное отношение к военнопленным, не считаясь с обстоятельствами, при которых эти люди стали пленными, или как они выжили, находясь в плену. Это и есть причина того, почему так долго нам не говорили правду о Брест-Литовске».

В июле Министерство обороны решило провести в Центральном доме Советской Армии в Москве торжественный вечер, посвященный пятнадцатилетию подвига гарнизона Брестской крепости. Накануне участники обороны выступили по московскому телевидению. В этом же году по сценарию Константина Симонова был снят фильм «Бессмертный гарнизон».

Очень кстати «вдруг нашелся» Р.К. Семенюк. Он приехал в Брест в сопровождении корреспондента газеты «Красная звезда» и 26 сентября 1956 г. нашел в Восточном форту спрятанное пятнадцать лет назад знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. На самом деле Родион Ксенофонтович пытался сделать это и раньше, писал письма, обивал пороги военкомата, но тогда человека с сомнительным прошлым слушать не захотели. Помощник командира взвода старший сержант Ф.И. Лаенков пытался разыскать знамя 455-го стрелкового полка, которое он зарыл в землю между Западным фортом и Северными воротами, но при раскопках была обнаружена лишь «красно-бурая труха» и медальон Лаенкова, заполненный им весной 1941 г. Ненайденными, погребенными в подвалах под слоем строительного мусора, остались боевые знамена 84-го и 44-го полков, 98-го отдельного противотанкового дивизиона.

В июле 1956 г. Главнокомандующий сухопутными войсками маршал И.С. Конев подписал директиву № УУС-2/40737, а на ее основе командующий войсками Белорусского военного округа маршал С.К. Тимошенко отдал приказ № 78 о подготовке к открытию Музея обо-

роны Брестской крепости. Открытие музея при гарнизонном доме офицеров, начальником и создателем которого стал капитан Л.А. Крупенников, состоялось 8 ноября. Музей основали на базе Комнаты боевой славы в здании бывшей казармы инженерного полка и делили помещение с размещавшимся здесь же саперным батальоном. Поскольку крепость в то время являлась закрытым военным городком, чтобы посетить музей, необходимо было выписать пропуск в комендатуре. Постепенно благодаря энтузиазму сотрудников расширялась экспозиция, выводились воинские части, музей взяло под свое крыло Министерство культуры. Сегодня основная экспозиция музея занимает 10 залов, которые рассказывают о различных этапах в истории крепости. Музей посетили около 20 миллионов человек из 130 стран мира.

Р.К. Семенюк с воинами Брестского гарнизона отыскал знамя 393-го артиллерийского дивизиона. 27 сентября 1956 г.

В январе 1957 г. руководитель обороны Восточного форта П.М. Гаврилов был удостоен звания Героя Советского Союза. Год спустя 9-й пограничной заставе присвоили имя лейтенанта Андрея Кижеватова.

Еще в марте 1956 г. было принято решение увековечить память героев Брестской крепости, превратив Цитадель в мемориальный музей, а на ее территории воздвигнуть монумент. С позиции сегодняшнего дня эта мысль достаточно традиционная, для того времени — эпохальное событие, свидетельствовавшее о «смене вех» в идеологической работе и касавшееся не только крепости, но и

Музей обороны Брестской крепости, бывшая казарма 33-го инженерного полка.

всей страны. В Советском Союзе не было ни одного воинского мемориала, так же как ни в одном городе не горел Вечный огонь. В сталинские времена это считалось чуждой советскому строю пропагандой: «Буржуазия использует братские могилы и так называемые «могилы неизвестного солдата» для шовинистической агитации в подготовке к новым войнам, причем уделяет много внимания соответствующему внешнему оформлению их».

При Н.С. Хрущеве мемориалы стали «памятью военно-исторических событий», Могила Неизвестного Солдата — «апофеозом всенародной скорби о павших», а Вечный огонь — «символом бессмертия». Средств на «внешнее оформление» теперь не жалели. В 1957 г. в Ленинграде на Марсовом поле впервые в СССР был зажжен Вечный огонь, первым военным мемориалом стало Пискаревское кладбище.

В том же году Госстрой БССР объявил всесоюзный конкурс на разработку проекта. Участие в нем приняли

сотни художников, скульпторов, архитекторов. Большинство авторов располагали монумент в центре Цитадели, однако были предложения разместить его на Восточном валу крепости, врезав в земляной объем, или вынести за пределы крепости. Конкурсы и проектные работы проводились с 1959 по 1960 г., однако ни один проект не удовлетворил заказчика.

23 июня 1961 г. состоялась первая большая встреча защитников крепости, приехавших в Брест из разных городов Советского Союза. Через день недалеко от музея

Памятный камень на месте будущего монумента защитникам крепости. 1966 г.

был заложен камень будущего монумента в честь героической обороны. В 1964 г. организационный комитет по подготовке празднования 20-летия освобождения Белоруссии объявил сбор средств на строительство монумента. Средства поступали со всех уголков страны, но что строить, по-прежнему, было непонятно.

6 мая 1965 г. лейтенанту А. М. Кижеватову присвоили звание Героя Советского Союза посмертно. Еще около 200 участников обороны были награждены орденами и медалями, в том числе посмертно. Их именами стали называть улицы, школы, пионерские дружины, пограничные заставы и пароходы. В крепости прошел молодежный праздник «Брестская весна», в ходе которого возле здания красноармейского клуба был зажжен газовый факел, символизирующий Вечный огонь.

8 мая 1965 г. Брестской крепости было присвоено почетное звание «Крепость-герой», вручен орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», которые находятся на вечном хранении в Музее обороны. Понятие «город-герой» ввел в оборот маршал И.В. Сталин. В приказе № 20 от 1 мая 1945 г. Верховный Главнокомандующий назвал города-

Молодежный фестиваль «Брестская весна». Май 1965 г.

Северные ворота Кобринского укрепления.

ми-героями Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одессу. Двадцать лет спустя кому-то в Политбюро пришла в голову идея присваивать геройские звезды отдельным городам, «трудящиеся которых проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне». К сталинскому перечню добавили Москву, Киев и Брестскую крепость. В дальнейшем на каждый юбилей список пополняли, в него вошли Керчь и Новороссийск, Минск и Тула, Смоленск и Мурманск.

19 сентября в крепости состоялся 1-й Всесоюзный слет победителей похода молодежи по местам боевой славы советского народа. Участники слета заложили на склоне Восточного форта аллею героев. У порохового погреба на Кобринском укреплении зажгли Вечный огонь, доставленный с Марсова поля, который затем был перенесен к памятному камню в центре Цитадели. Возле огня был учрежден Пост Памяти. Крепость стала местом приведения призывников к воинской присяге.

После принятия присяги у Холмских ворот, 1967 г.

Новый тур открытого конкурса на составление проекта памятника-монумента был проведен в 1965 и 1966 гг., и снова жюри решило, что ни один из представленных проектов «не раскрывает поставленную задачу и не может быть рекомендован к осуществлению в натуре». Наконец в 1967 г. была создана творческая группа под руководством известного советского скульптора А. П. Кибальникова, в состав которой вошли скульпторы А. Бембель и В. Бобыль, архитекторы В. Король, В. Волчек, В. Занкович, О. Стахович, Г. Сысоев. В Минске организовали специализированную мастерскую при Союзе архитекторов Белоруссии. В 1967—1969 гг. авторский коллектив на основе своих конкурсных материалов разработал окончательное решение всего мемориального комплекса и совместно с инженерами-конструкторами, инженерами по дорожному строительству и благоустройству, светотехниками выполнил модели и рабочие чертежи всех сооружений.

6 ноября 1969 г. Совет Министров БССР утвердил генеральный план создания на территории Брестской крепости мемориального комплекса, первую очередь которого намечалось открыть к 30-летию начала Великой Отече-

А. Кибальников демонстрирует П.М. Машерову макет будущего мемориала, 1969 г.

ственной войны. Основным подрядчиком по сооружению объектов стал трест № 8 Министерства промышленного строительства Белоруссии. Работы на территории крепости возглавил начальник управления треста С.В. Бриль. В возведении мемориала принимали участие 25 строительно-монтажных организаций Советского Союза.

Вечный огонь на время перенесли в западную часть Цитадели к руинам казарм 333-го стрелкового полка.

Строительство шло трудно. Новые решения и уникальные технологии, неизбежные в таком деле накладки, вносимые на ходу изменения в проект, тормозили работы. Много времени уходило на извлечение взрывоопасных предметов. Из земли регулярно выкапывали гранаты, мины, снаряды. С каждой новой находкой работы приходилось останавливать, люди уходили в безопасное место, вызывали саперов. Из-за постоянных происшествий темпы строительства затягивались, сроки ввода мемориала срывались. Но хотя контроль со стороны Брестского обкома партии и минского начальства был достаточно жесткий, никто, как свидетельствуют участники стройки, не оказывал на них давления, чтобы успеть к какой-нибудь юбилейной дате.

Строительство главного входа мемориала, 1971 г.

Одним из ответственных моментов стал подъем при помощи системы тросов и лебедок штыка-обелиска, который удался лишь с третьей попытки. Он осуществлялся в два этапа: на первом обелиск выводили на угол 45 градусов, затем устанавливали в вертикальное положение. Операция была проведена 5 июля 1971 г. и заняла пять с половиной часов.

22 июля вышло постановление Совета министров БССР, согласно которому после приема государственной комиссией сооружения мемориального комплекса объединялись с музеем обороны в единый комплекс «Брестская крепость-герой», расположенный на двух крепостных укреплениях.

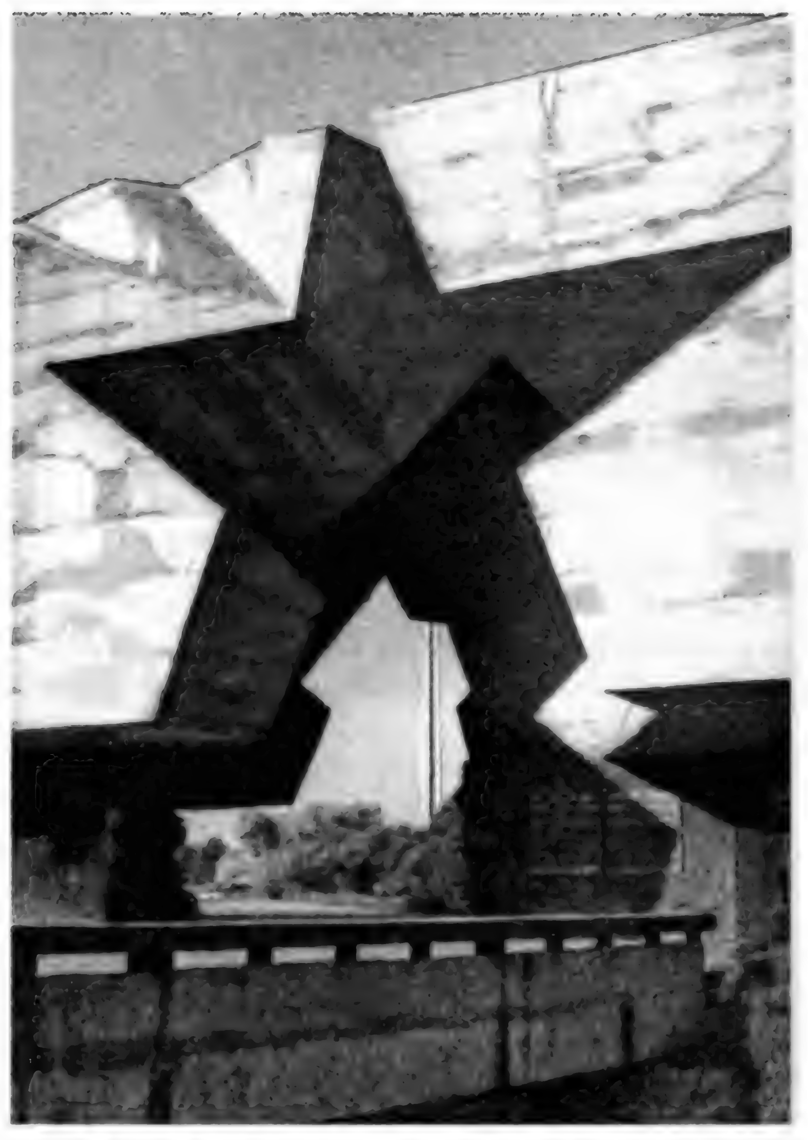
18 сентября в Цитадели прошел траурный митинг, посвященный перезахоронению праха погибших защитников крепости и членов их семей с гарнизонного кладбища под мемориальные плиты. Здесь же были захоронены и останки, обнаруженные в ходе строительных работ. Из 833 человек опознать удалось только 216, остальные упокоились под надписью «Неизвестный».

Торжественное открытие мемориального комплекса

Подъем штыка-обелиска. 5 июля 1971 г.

«Брестская крепость-герой» состоялось 25 сентября 1971 г. На открытии присутствовали почетные гости — участники обороны, делегации городов-героев, бывшие командиры воинских частей, освобождавших город и получивших почетное наименование Брестские, ветераны. Среди почетных гостей на митинге был писатель С.С. Смирнов. Первый секретарь компартии Белоруссии П.М. Машеров зажег Вечный огонь на новом месте — перед руинами бывшего инженерного управления.

Комплекс охватывает восточную часть Цитадели и Кобринского укрепления. Главный вход, пробитый через Восточный вал, решен как проем в виде пятиконечной звезды в монолитном железобетонном блоке, опирающемся на стены казематов. Сколы звезды, пересекаясь, образуют сложную динамическую форму. Длина железобетонного блока составляет 44 м, высота — 10 м, ширина — 35 м. На его строительство было израсходовано 700 кубометров бетона. Стены прохода облицованы черным лабрадоритом. Под сводами звучит песня А. Александрова «Священная война», раздаются звуки метронома и правительственное сообщение о нападении Германии на Советский Союз.



Главный вход на территорию мемориального комплекса.

От главного входа торжественная аллея ведет через мост к площади Церемониалов, которая может вместить до 25 тысяч человек. Слева от моста располагается скульптура «Жажда» — фигура защитника, который, опираясь на ав-

томат, тянется каской к воде. По сложившейся традиции солдатская каска всегда полна водой и цветами. К площади примыкают здание Музея обороны Брестской крепости и руины Белого дворца. Чтобы замкнуть линию кольцевой казармы, в которую как бы вписана площадь, разобранные после войны на кирпичи участки в районе Холмских ворот и здания музея были «восстановлены» в виде развалин.

Композиционным центром ансамбля является главный монумент «Мужество» — выполненная из бетона погрудная скульптура советского воина высотой 31,5 м на фоне реющего знамени, удачно прикрывавшего силуэт обезглавленной церкви. Огромная, полая внутри скульптура, состоящая из 200 частей, представляет собой довольно тонкую оболочку, прикрепленную к металлическому каркасу с системой внутренних колонн. Формировалась она путем заливки бетона горизонтальными рядами по мере установки опирающейся на наружные леса опалубки из гипсовых форм. Для изготовления этих

«Жажда».

Руины-новостройки.

форм в одном из цехов Брестского завода железобетонных изделий была отлита копия монумента в масштабе 1 : 7. С нее снимали слепки формы в виде квадратов размером 40 × 40 см, которые увеличивали до натуральной величины 280 × 280 см, перевозили к памятнику и устанавливали на место с зазором 20—30 см от сетки каркаса. Внутренняя поверхность форм тщательно зачищалась и обрабатывалась, она образовывала наружную часть монумента. На нее укладывали арматурную сетку, после чего в зазор заливали бетон. В отдельных местах создавалось утолщение до одного метра. Всего в оболочку главного монумента было уложено почти 4000 кубометров бетона.

На обратной стороне скульптуры высечены рельефные композиции, повествующие об отдельных эпизодах обороны крепости: «Атака», «Партийное собрание», «Последняя граната», «Подвиг артиллеристов», «Пулеметчики».

Над окружающим пространством доминирует стометровый обелиск в форме четырехгранного штыка — слож-

Главный монумент.

ное инженерное сооружение весом в 620 т. Обелиск представляет собой цельносварную конструкцию башенного типа, выполненную из листовой стали толщиной 30—40 мм с титановой декоративной обшивкой. В полой части сооружена лестница для технического обслуживания. Проект был разработан Белорусским отделением ЦНИИ «Проектстальконструкция». Сечение штыка имеет размеры 5 × 5 м у основания и уменьшается к вершине до 2,6 × 0,45 м, полная его высота — 104,5 м. Обелиск имеет фундамент круглых очертаний, заложенный на глубину 8 м. Для гашения колебаний конструкции на отметках 93 и 97 м установлены два демпферных устройства. Кроме того, по граням штыка, начиная с отметки 40 м и до «острия», прорезаны специальные щели — так называемые шлюзовые каналы. Десять несущих секций обелиска длиной по 10—13 м изготовляли на Молодеченском заводе металлоконструкций Минмонтажстроя СССР, после чего тягачами за 450 км их доставляли в Брест.

Главный монумент. Обратная сторона.

Сборку элементов штыка в крепости вело монтажное управление треста «Химмонтаж». Монтаж секций производился в горизонтальном положении и был начат с установки на фундаменте опорного элемента с шарнирным устройством. Вслед за сборкой элементов обелиска производилась антикоррозийная защита металлоконструкций. Затем наружная поверхность облицовывалась листами титановой стали 1,5 мм толщиной, которые крепились поверх капроновых прокладок. Общее руководство работами по проекту «Штык» осуществляла оперативная группа под руководством заместителя министра монтажных и специальных строительных работ республики М. Маляревича.

В трехъярусном некрополе, над которым звучит мелодия Р. Шумана «Грезы», композиционно связанном с монументом, захоронены останки 962 человек. Установлены фамилии только 270 из них. Однако установлены — не значит опознаны. Многие имена увековечены в мраморе на основании списков личного состава и свидетельств о

Штык-обелиск.

гибели в ходе обороны крепости. Например, бросившийся в реку капитан В.В. Шабловский или казненный немцами полковой комиссар Е.М. Фомин.

Перед руинами бывшего Инженерного управления в углублении, облицованном черным лабрадоритом, горит Вечный огонь Славы. Рядом находится Мемориальная площадка городов-героев Советского Союза, открытая 9 мая 1985 года. Под гранитными плитами с изображением медали «Золотая Звезда» установлены капсулы с землей городов-героев, доставленными сюда их делегациями.

На стенах казарм, руинах, кирпичных и каменных глыбах, на специальных подставках установлены мемориальные доски в виде отрывных листков календаря 1941 г., которые являются своеобразной хроникой событий.

На обзорной площадке выставлено артиллерийское вооружение середины XIX века и начального периода Великой Отечественной войны.

Пешеходные дорожки и площадь перед главным вхо-

Мемориальные плиты.

дом покрыты красным пластобетоном. В вечернее время включается художественно-декоративная подсветка, состоящая из примерно 1200 прожекторов и светильников красного, белого и зеленого цветов. На территории мемориала были высажены тысячи роз, плакучие ивы, клены, березы, серебристые ели.

Мемориал стал местом паломничества для туристов со всего Советского Союза, а Церемониальная площадь — главным центром проведения торжеств, встреч ветеранов, молодежных фестивалей. Сюда приезжали передовики производства, космонавты, деятели «международного коммунистического и рабочего движения», лидеры социалистических стран и «борцы с империализмом». Так, бывший секретарь брестского обкома партии вполне серьезно поведал, что лидер палестинского движения Ясир Арафат приезжал в крепость, чтобы ознакомиться с методами партизанского движения. В музее ради такого случая устроили выставку трофейного и самодельного стрелкового оружия.

Листок памятного календаря.

К лету 1974 г. комплекс посетили 7 миллионов человек из более чем 100 стран мира, а к 1991 г. количество посетителей достигло 19 миллионов.

Бои за крепость не имели никакого стратегического значения, но ее оборона стала символом первого шага на пути к Победе. Как сформулировал писатель Константин Симонов: «Говоря слово «Брест» мы где-то в памяти держим слово «Берлин». Мы думаем не только о том, как горстка героев защищала Брест, но думаем и о том, как мы через четыре года после этого дошли до Берлина и освободили половину Европы от фашизма».

Многих, в том числе и ветеранов войны, смущал казавшийся излишним монументализм мемориала. Однако эти сомнения вступали в противоречие с «государственными» идеологическими соображениями. Комплекс, как и в других городах-героях, был задуман как памятник всесоюзного масштаба, возвеличивавший подвиг защитников крепости и одновременно являвшийся символом непобедимости

Вечный огонь.

социалистического строя. Как вспоминал А. Кибальников: «Нужна была крупная форма». Можно по-разному оценивать художественные достоинства воплощенных архитекторами и скульпторами решений, это дело вкуса (некоторым главный монумент «ликом» напоминает памятник Маяковскому в Москве работы того же скульптора). В любом случае заслуживает благодарности проявленное ими предельно бережное отношение к сооружениям Брестской крепости. Другой вопрос, что мемориальный комплекс не был достроен до конца. Выполнив монументальные работы, до очень нужных и интересных вещей так и не дошли.

По проекту второй очереди намечалось включить в мемориальную зону всю территорию Цитадели, а также восточную половину Кобринского укрепления, где предусматривались создание мемориального парка и восстановление Восточного форта. Предполагалось реконструировать южную часть кольцевой казармы от Холмских до Тереспольских ворот, сохранив ее внешний вид со следами разрушений 1941 г. На двух этажах казармы должен был разместиться музей на 29 экспозиционных залов, с библиотекой,

Лидер палестинского движения Ясир Арафат у Вечного огня, 1971 г.

фондохранилищем и двумя кинозалами, а в существующем здании музея — картинная галерея для произведений художников и скульпторов на военно-патриотические темы. В юго-восточной части казармы в кольцевой полубашне намечалось создать диораму обороны крепости. В одном из реконструированных отсеков предполагалось оборудовать стереоскопическое изображение, в казематах второго этажа расположить диорамы отдельных моментов боев. Планировались большие восстановительные и реставрационные работы на всей территории крепости. Всему этому не суждено было осуществиться.

Сергей Сергеевич Смирнов, завершив титанический труд по поиску и реабилитации защитников крепости, занялся судьбой 2-й ударной армии и почти сразу натолкнулся на стену. Полегшие без славы, без чести и без имени командиры и красноармейцы 2-й ударной официально были заклеймены каиновой печатью с самых высоких трибун. Правда о Мясном Боре была страшна, эту трагедию невоз-

можно было списать на внезапность нападения со стороны Германии, и вообще писательские расследования заводили слишком далеко. Можно было вспомнить и о 95 тысячах бойцов, брошенных собственным командованием в городе-герое Севастополе, о сотнях тысяч оставшихся в котле защитниках Киева, а следом пришлось бы переписывать и всю историю Отечественной войны. Поэтому пример Брестской крепости остался уникальным. Писателю объяснили, что «незачем пропагандировать армию, запятнанную именем изменника Власова». Вдруг пошли разговоры, что герои Смирнова — вымышленные. Появились письма «трудящихся» о неблаговидном поведении в плену некоторых участников обороны крепости. Следователи Комитета партийного контроля при ЦК КПСС затевали расследования, принуждали ветеранов давать показания друг на друга или отказаться от собственных слов.

«Считаю своим партийным долгом сообщить, — с возмущением писал Председателю КПК А.Я. Пельше подполковник А.Г. Агоранян, — что методы допроса несовместимы с партийным принципом, и если бы я проявил неустойчивость или беспринципность, вопрос честного коммуниста обернулся бы трагедией для него на всю жизнь». Это не 1937 год, а 1974-й...

В это время раскручивалось «дело Матевосяна». Выпускник Московского института цветных металлов и золота, заместитель политрука 84-го стрелкового полка, директор Задского золотодобывающего рудника Самвел Минасович Матевосян — человек огромной воли и обаяния, фигура легендарная, прожил, по собственному определению, «сказочную жизнь, рассказанную сумасшедшим». Это он утром 22 июня 1941 г. возглавил первую контратаку в Цитадели, сражался у Холмских ворот и в здании Инженерного управления, был трижды ранен. Затем были плен, лагерь, побег, луцкое подполье. В феврале 1944 г. с подходом Красной Армии группа Матевосяна захватила центр города

и, дезорганизовав немецкую оборону, обеспечила практически бескровное его освобождение частями 1-го кавалерийского корпуса. Более года Матевосян провел на фронте, командуя гвардейской ротой, штурмовал Зееловские высоты, оставил автограф на стене рейхстага, получил два боевых ордена, был представлен к званию Героя Советского Союза, но не удостоился его. После войны уехал в Армению, устроился в геологическую экспедицию, прогремел на всю страну, разведав уникальное золотоносное месторождение, и со временем возглавил предприятие по его разработке. К этому времени вышла книга С.С. Смирнова, пришла всесоюзная слава, а 30 марта 1971 г. С.М. Матевосян был удостоен звания Героя Социалистического Труда «за выдающиеся успехи в развитии цветной металлургии». Его именем называли улицы и школы. На торжественном открытии мемориала в Брестской крепости рядом с П.М. Машеровым стоял и С.М. Матевосян.

Здесь закончилась «сказка» и началось «сумасшествие». Первой ласточкой стала анонимка, сообщавшая, что Матевосян присвоил себе документы героя Брестской крепости, погибшего на третий день войны. Затем «выяснилось», что его «никто не знает в подполье», появилось персональное дело по поводу строительства дачи. На защиту Матевосяна встали ветераны со всего Союза, знавшие его и по боям в крепости, и по подполью, и по фронтовым делам. Бывший командир партизанского соединения А.П. Бринский, связанный с подпольной группой Матевосяна, писал в ЦК КПСС о результатах своей беседы с партследователем в сентябре 1975 г.: «Из беседы с тов. Трошкиным А.В. у меня создалось мнение, что он ведет дело С.М. Матевосяна предвзято и необъективно. Это подтвердилось, когда на второй день по требованию Трошкина я написал объяснение. Он прочел его и возвратил мне со словами: «Это не нужно ЦК. Перепишите». — «Я другого не напишу. Что знаю, то и пишу». Мы пере-

С.М. Матевосян на заставе имени А.М. Кижеватова, 1971 г.

двигали по столу друг другу объяснение. Я категорически отказался писать то, что требовал от меня тов. Трошкин. Тогда он стал угрожать, что поведет меня к секретарю обкома для привлечения к партийной ответственности».

В итоге С.М. Матевосяна исключили из партии, отобрали геройскую Звезду, возбудили против него уголовное дело. Из экспозиции музея Брестской крепости изъяли его фотографии. Наконец от С.С. Смирнова потребовали убрать в книге «Брестская крепость» всякое упоминание о Матевосяне. Смертельно больной писатель отказался. В 1975 г. 130-тысячный тираж книги лауреата Ленинской премии пустили под нож. В 1980 г. «Брестскую крепость» вычеркнули из плана серии «Библиотека Победы», в советское время она не издавалась больше ни разу.

Несмотря на реабилитацию, даже через 30 лет после окончания войны граждане СССР, побывавшие в немецком плену, оставались запятнанными. Они продолжали искать документы и свидетельства о своем прошлом, до-

казывать свою честность. В массовое сознание внедрялось, что настоящий советский человек всегда предпочтет смерть плену. Не случайно воспоминания защитников крепости, различные по содержанию, в финале совпадают почти дословно: «Рядом раздался взрыв, и я потерял сознание» (А.М. Филь). «Неожиданно раздался страшный грохот, и я потерял сознание» (П.М. Гаврилов). «Взрыв! Нас ослепило огнем. Я покатился вниз, потерял сознание» (А.М. Никитин).

(Командиры из штаба сводной группы, по утверждению П.П. Кошкарова, попали в плен в полном составе, тоже будучи недееспособными: «Несколько бомб прямым попаданием ударили в здание казармы инженерного полка, как раз туда, где размещался штаб. Рухнули перекрытия второго и третьего этажей, и нас, то есть капитана Зубачева, полкового комиссара Фомина, меня и нескольких красноармейцев засыпало с руками. Пока нас откапывали, фашисты сжали кольцо. В бессознательном состоянии мы попали в плен». Однако сержант Д.А. Алексеев сообщает, что оставшиеся в живых защитники казармы, исчерпав боеприпасы и все возможности к сопротивлению, — «у нас не осталось ни одного патрона» — сдались в плен «при напоре немецкого огня». Фомин перед этим приказал уничтожить документы, сам надел солдатскую гимнастерку и даже подстриг голову под машинку. Кстати, другой участник обороны Е.А. Матвеенко в письме Юрию Фомину рассказывает: «Вашего отца мы переодели, постригли (чтобы спасти от немцев)». Первая версия в советское время была принята как официальная, вторую, недостаточно героическую в глазах чиновников идеологического фронта, никогда не публиковали. Но интересно, что Е.М. Фомин, один из трех легендарных организаторов обороны крепости, звания Героя не удостоился.)

Их дети, поступая на учебу или устраиваясь на работу, заполняли анкеты и должны были отвечать на вопросы:

«Был ли кто-нибудь из ваших родственников в плену? Проживал ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны?» Ответы многое значили для кадровиков, которые «решали все». Эта подлость в государственном масштабе творилась полвека (конечно, в плену люди по-разному себя вели и выживали в нацистских лагерях по-разному, на этот случай ученым советом музея было даже принято специальное решение: «Участников обороны Брестской крепости, скомпрометировавших себя в военное и послевоенное время, не следует популяризировать»).

Лишь 24 января 1995 г. указом президента Б.Н. Ельцина были полностью реабилитированы бывшие военнопленные и репатрианты. Год спустя С.М. Матевосяну, боровшемуся за свое честное имя, вернули Золотую Звезду и орден Ленина.

2 марта 1982 г. на территории Волынского укрепления был открыт филиал Брестского областного краеведческого музея — археологический музей. Он находится на том месте, где начинался город. Основой для его создания послужили обнаруженные археологами постройки XIII в. Главный экспонат «Берестья» — раскоп площадью 1000 квадратных метров. На четырехметровой глубине находится часть ремесленного квартала — 30 жилых и хозяйственных построек и две улицы. Музейный павильон имеет 14 залов, где экспонируются орудия труда, предметы одежды и вооружения, женские украшения, изделия из дерева, кожи, кости.

В начале 1988 г. Совет Министров БССР вернулся к вопросу о строительстве второй очереди мемориала и объявил республиканский конкурс. Творческая группа «Минскгражданпроекта» в кратчайшие сроки представила грандиозный проект, кем-то названный «гиперболической фантазией». К главному монументу, от которого отрезалось две трети, лепилась серая громада железобе-

Брестские школьники — караул Поста памяти.

тонной звезды, осенявшей многометровыми лучами центральную часть Цитадели, захватывая бывшую церковь. Внутри оставшейся от скульптуры Кибальникова «головы» авторы предлагали устроить зал «для ведения идеологической работы», а на Церемониальной площади — расставить несколько скульптурных композиций соответствующего замыслу размера.

Ветераны войны и общественность Бреста выразили резкое неприятие проекта. По стране уже шагала «перестройка», и мнение народа было принято во внимание. Решили ограничиться уже имевшимися планами второй очереди мемориала, подвести необходимые подземные коммуникации, улучшить коммунальные и бытовые условия. Но тут закончилось время, отпущенное историей Советскому Союзу.

ПАМЯТНИК

В декабре 1991 г. в нескольких десятках километров от Брестской крепости были подписаны Беловежские соглашения, в результате чего Советский Союз прекратил свое существование. Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», один из всесоюзных центров патриотического воспитания, оказался фактически никому не нужен. За три года количество посетителей сократилось более чем в тринадцать раз. Практически прекратилось финансирование. Парадное сооружение, лицо СССР на западной границе, стало одним из многих музеев Беларуси, причем слишком для нее большим.

В 1994 г. решением Брестского облисполкома руины клуба 84-го стрелкового полка по просьбе православных верующих были переданы Брестско-Кобринскому епархиальному управлению. Началось возрождение Свято-Николаевской церкви. Храм почти сразу стал действующим. Каждый год 22 июня, в День памяти и скорби, и в День Победы в его стенах служат литургию по павшим воинам.

Объекты мемориала между тем постепенно разрушались, выходило из строя сложное оборудование, обнаружились микротрещины в бетоне монумента, рассыпались декоративные руины-новоделы. В изменившихся условиях хозяйствования мемориальный комплекс вдруг оказался должником. В газетах появились красноречивые заголовки: «Умирающий фетиш», «Крепость держит

Свято-Николаевский храм.

обороны», «Крепость просит защиты». Заволновалась общественность, недюжинную энергию и деловую хватку проявил новый директор мемориала В.В. Губаренко. Не знаю, насколько дело было серьезно, но совершенно оглушила новость, что опасно раскачивается и может упасть штык-обелиск. Это было впечатляюще. В «Советской Белоруссии» вышла статья под названием «За жадность надо бить штыком по голове!». Проблемы крепости стали решать на самом высоком уровне.

12 апреля 1996 г. Совет глав правительств государств-участников СНГ принял решение о проведении капитального ремонта и реставрации комплекса как общей святыни. 22 июня, в день 55-летия обороны Брестской крепости, на ее территории прошел телерадиомарафон «Память» с целью сбора средств. На торжественном митинге в этот день присутствовали президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и президент России Б.М. Ельцин. Высший Совет Содружества Белоруссии и России принял решение о выделении средств от каждого государства на капитальный ремонт и реставрацию объ-

ектов мемориала. 27 марта 1997 г. появился еще один документ: «О долевых взносах государств-участников СНГ на финансирование капитального ремонта и реставрацию мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Его подписали десять государств.

На деле финансовые обязательства полностью выполнили только Беларусь и Россия, частично — Казахстан и Молдова. Украина поставила гранитные плиты. В сборе средств оказали помощь правительство Москвы, Газпром России, нефтяная компания ЛУКОЙЛ, предприятия Бреста. В течение трех лет мемориал получил около полутора миллионов долларов. На эти деньги в 1998—2000 гг. были заменены демпферные устройства штыка, проведено обследование его несущей конструкции и креплений наружной обшивки. Специалистами «Брестреставрации» выполнены работы по устройству площадки вокруг штыка-обелиска и подпорных стенок, проведена расчистка и углубление обводного канала Северного острова, реставрация скульптуры «Жажда», ремонт отдельных зданий.

Ветераны войны в крепости.

Торжественное прохождение войск гарнизона в День Победы.

В июне 1999 г. мемориалу был передан форт V. Начались работы по сохранению его как памятника истории, созданию здесь экспозиции, посвященной истории фортификаций и вооружений на западной границе России в середине XIX — начале XX в. 8 мая 2000 г. в форту состоялось торжественное открытие музея. Продолжается реставрация мемориального комплекса, ведется реконструкция площади Церемониалов, ремонт штыка-обелиска.

Несмотря ни на что, мемориал выжил и является центром патриотического воспитания. Сюда привозят школьников, различные делегации, здесь проводят памятные митинги и праздничные мероприятия. На площади Церемониалов принимают присягу солдаты Брестского гарнизона. Молодожены венчаются в храме и приносят цветы к Вечному огню. И все же мемориал — это официальная часть.

Наибольший интерес у посетителей вызывают не грандиозные бетонные монументы, а стены и башни ста-

Тоннель Тереспольских ворот.

рой крепости, казематы Восточного фронта, заброшенные капониры и форты номерного и литерного поясов.

Собственно от крепости на Центральном острове сохранилась южная часть оборонительной казармы с Холмскими и полуразрушенными Тереспольскими воротами, храм и казарма 33-го инженерного полка. На Кобринском укреплении — Восточный и Западный форты, Северные и Северо-Западные ворота, польские казармы, пороховые погреба, здание артиллерийской лаборатории, надровные капониры, главный вал с казематами. Западный остров для посещения недоступен.

Форт I.

Форт «Граф Берг» находится на территории современного мясокомбината. От укреплений уцелели отдельные казематы, частью при-

Форт V.

способленные под хозяйственные помещения. До сих пор работает холодильник, построенный капитаном М. Догадиным.

Из первого фортового пояса великолепно сохранился форт V, взятый под опеку работниками мемориального комплекса. В хорошем состоянии благодаря своему расположению на территории воинской части находится форт VIII (Б), интересный сочетанием кирпичной и бетонной фортификации. Относительно цел, но совершенно заброшен и превращен в свалку мусора форт I. Он построен одним из первых, модернизации не подвергался и представляет собой единственный уцелевший образец «укрепления № 2». Форты VI и VII находятся на территории Польши. От других остались лишь фрагменты. Кроме того, в самом городе и за его чертой в межфортовых промежутках остались несколько пороховых погребов, оборонительные казармы и батареи. Севернее и южнее Бреста нерушимо стоят около двух десятков дотов 62-го укрепрайона: некоторые служили по прямому назначению до самого крушения Союза

«Умрем, но из крепости не уйдем!»

Нерушимого, как, например, дот на Северном валу; другие планировалось использовать в качестве бомбоубежищ, причем, по сигналу «Воздушная тревога» в бетонную коробку нормативно должны были втиснуться 100 человек.

По-прежнему ходят легенды о тайных подземных ходах, соединяющих укрепления и ведущих на территорию Польши, о документах генерального штаба, укрытых маршалом Рыдз-Смиглы в форту V, о тени монахини-бернардинки, которая бродит в развалинах госпиталя.

Когда-то ради возведения Брестской крепости были уничтожены все памятники старого города. Сегодня крепость сама является памятником и главной достопримечательностью Бреста.

Памятником истории, фортификации, боевой славы и вечной памяти неизвестным солдатам в красноармейских гимнастерках, штыками выцарапавшим в том июле бессмертное: «Умрем, но из крепости не уйдем!»

Приложение

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ ПИСАТЕЛЮ С.С. СМИРНОВУ

1. Письма никогда не печатались. В советское время их после довольно строгой цензуры и литературной обработки использовали в отдельных сборниках воспоминаний.

2. Надо учитывать, в какое время и кем эти письма писались. Конечно, они субъективны, многое перепуталось в памяти авторов, кое-что они явно присочинили. Тем не менее это интереснейшие документы той эпохи.

3. Лексика сохранена, я позволил себе лишь исправить грамматические ошибки.

БОНДАРЬ Иван Гаврилович,
военфельдшер 84-го стрелкового полка.

Здравствуйте, Сергей Сергеевич!!!

23 июля включил приемник, когда услыхал объявление, что перед микрофоном выступит писатель Сергей Сергеевич Смирнов об обороне Брестской крепости.

Ваше выступление слушал с волнением, и оно мне снова напомнило о тех жестоких боях, которые нам приходилось вести с немецкими захватчиками.

24 июля 1956 г. в последних известиях передавали, что в Москве был торжественный вечер, посвященный героической обороне Брестской крепости. Там выступали Вы, Матевосян и другие. Вчера, то есть 26-го, в моей жизни был радостный день. Почтальон принес мне телеграмму, да какую. Телеграмма с Москвы. Участники торжественного вечера в Центральном Доме Советской Армии, посвященного пятнадцатилетию обороны, герои

легендарной обороны, находящиеся в Москве, прислали мне, защитнику Брестской крепости, лучшие пожелания. Я не могу передать Вам, сколько эта телеграмма принесла мне радости. Вот уже прошло больше одиннадцати лет, как окончилась вторая мировая война, но мне очень обидно, что я был захвачен немцами в плен.

Я Вам писал, но некоторые моменты упустил. Например, что немцы вели наблюдение с аэростата с подвешенной корзинкой, в корзинке ясно было видно наблюдателей.

Тогда мы заняли оборону в развалинах, где заключен был раньше Брестский мир, и за оградой этого здания. Тут обороной командовал полковой комиссар Фомин. С этого рубежа я и несколько товарищей пробрались в небольшой склад оружия и боеприпасов 84-го полка (склад находился на первом этаже в здании нашего полка, а на втором этаже размещался первый батальон). Захватили боеприпасы, а я еще нанизал на бинт несколько наганов, принес их и раздал товарищам, оставив себе один. Патронов к нагану было всего несколько штук. Когда мы соединились с нашими соседями по обороне, один из наших пулеметов был установлен у окна, если подниматься по ступенькам на второй этаж. Это был пулемет, недавно поступивший на вооружение, с воздушным охлаждением. Этому пулемету было много работы. Ствол иногда так накалялся, что стрелять было нельзя. Тогда приходилось менять ствол. Возле этого пулемета было ранено и убито несколько человек, но строгий пулемет не переставал работать, переходя в другие руки. Были еще «максимки», ручные пулеметы, винтовки, карабины и автоматы. Были и винтовки самозарядные, полученные перед войной, но эти винтовки, при таком положении, как у нас, когда столько пыли, летит штукатурка и кирпичи, заедали и выходили из строя. Наша старая винтовка тут была лучше, затвор повернул и стреляй.

Вскорости у нас появилось новое оружие: автоматы и пистолеты, захваченные в бою у немцев, это составило

нам некоторую добавку в боеприпасах. С этого, ихнего, оружия били по немцам. Несколько раз я брал карабин и принимал участие в отражении атак. Несколько немцев были захвачены нашими бойцами и приведены в расположение обороны. Допросили. Деваться с ними не было куда. Потом, уже мертвых, их занесли в небольшую кладовую, расположенную с правой стороны возле лестницы на первом этаже. Немцы буквально с первого дня через репродукторы кричали, чтобы мы прекратили сопротивление и сдавались, что наше сопротивление бесполезное. Но оборона стояла по-прежнему, стойко отражая все новые и новые атаки противника.

Наше командование, то есть боевой штаб во главе с комиссаром и капитаном, находилось на первом этаже, в коридоре. Мне часто приходилось бывать в штабе. Лично присутствовал при прощании некоторых товарищей с командованием перед тем, как броситься через окно и форсировать водную преграду. Минуты прощания были очень тревожны. Все бойцы и командиры стали как будто родные братья.

Когда я был захвачен немцами, нас, небольшую группу измученных, большинство раненых, под автоматами куда-то погнали. Перегнали через мост, который проходит через Буг. Загнали в воду напоить. Отсюда сразу погнали дальше, а навстречу нам все время двигались немецкие войска. По дороге отстающих расстреливали, а сил было мало. Они ни пить, ни есть не давали. После дождика на обочинах дороги были лужи воды. На ходу удавалось иногда зачерпнуть горсть воды в ладонь. Но за эту воду не один нагнувшийся был расстрелян. Так нас гнали до лагеря возле Бела-Подляски. Лагерь представлял собой стены, окруженные колючей проволокой, сильная охрана и собаки.

Спали под открытым небом. Помню, легли спать втроем, скрючившись, положив голову друг другу на зад-

нюю часть тела, лицо накрыв портянкой, чтоб не кусали комары. На площадке лагеря находились два крестьянских домика и сараи. Там, в сараях, организовали так называемый «госпиталь». Раненые лежали на соломе друг около друга. В крестьянских домиках организовали операционную и перевязочную. Тут я встретил Петрова Ю.В., Занина В.С., Ермолаева С.С., Щеглова В.В., Филиппова Б.Л. и других.

Начали делать вместе с ними все возможное, чтобы облегчить страдания раненых. Делали перевязки, удаляли осколки на ощупь, ухаживали. Раненых было много, полные сараи. В этот лагерь, по-видимому, был направлен и Матевосян. Питание было отвратительное, крайне недостаточное, чтобы можно было просуществовать.

11 июля 1941 года подъехали машины, погрузили раненых, вместе с ранеными погрузили врачей и фельдшеров, в их числе был я. Поехали еще санинструктор Никонуров Виталий и Баканов Александр. Привезли нас обратно в Брест-Литовск, где в казармах Южного городка организовали госпиталь военнопленных. Кроме голода и холода, зимой 1941/42 гг. был тут сыпной тиф. Я готовился к побегу из тифозного отделения, подготовил уже гражданскую одежду. Но меня свалил сыпной тиф. Болезнь перенес очень тяжело, как остался жив, я не знаю. Когда пришел в себя, я был высохший, одни кости обтянуты кожей и сильный фурункулез, в общем, один скелет. В плену все время был за проволокой в лагерях, хлебнул горя немало.

После освобождения с плена служил в рядах Красной Армии один год. Демобилизован в мае 1946 года. После демобилизации по настоящее время работаю в пригородном районе фельдшером на врачебном участке села Ново-Александровка. Состою на воинском учете. Переведен с рядового состава в офицерский, правда, пока еще без воинского звания.

Я очень доволен, рад и благодарен Вам, что Вы сумели чутко отнестись, добиться и найти справедливость и помочь товарищам, соучастникам обороны Брестской крепости майору Гаврилову, Филю и Петру Клыпа.

Пока до свидания. С приветом И.Г. Бондарь.

27 июля 1956 г.

ГУТЫРЯ Николай Семенович,
военфельдшер 84-го стрелкового полка.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич, здравствуйте!

Искренне благодарен Вам за внимание и тот ответ, который Вы мне дали 28.8. Желаю Вам счастья и большого успеха в Вашей работе по созданию художественно-литературных трудов обороны Брестской крепости.

Уважаемый Сергей Сергеевич. Отвечу Вам на Ваш краткий вопросник.

Я, Гутыря Николай Семенович, рождения 1918 г., родился в семье крестьянина-бедняка, ныне рабочий железнодорожного транспорта. После окончания 7 классов в 1935 году, я поступил в Полтавский железнодорожный техникум, который окончил в 1939 году и получил звание дорожного мастера. По спецнабору в 1939 г. Полтавский военкомат предложил мне поступить в Военно-медицинское училище г. Харькова.

В сентябре месяце 1939 г. я начал учебу, а в июне месяце 1941 г. я окончил училище в звании военфельдшер. Училищем для прохождения дальнейшей службы был направлен в 84-й стр. полк 6-й стр. дивизии, которая была расположена в Брест-Литовской крепости. В этот полк я прибыл 18 июня 1941 г. (в этот полк с училища направлено нас было 2 чел., судьбы второго я не знаю, так как он был с другой роты, то и фамилию не помню, ибо познакомился с ним только в 84-м полку).

С этим товарищем мы вечером 21 июня пошли в

г. Брест, где сфотографировались, и в 2 часа ночи возвратились в крепость, а в 4 часа началась война. Главврач полка распорядился мне дежурить в санчасти полка, а вне дежурства проверить состояние и хранение продуктов в полковом пр. складе.

На 22.VI приказом был назначен сбор всего офицерского состава крепости на полигоне в 20—25 км от крепости, куда и я должен был выехать 21-го числа.

На 22-е число ответственным по 84-му полку оставался полковой комиссар тов. Фомин. С началом войны в крепости оказалось очень мало офицерского состава, да плюс к тому, первой артподготовкой было разбито полностью здание (жилое) офицерского состава, где также много их погибло.

И таким образом полковой комиссар тов. Фомин возглавил оборону крепости как самый старший офицер. Когда началась артподготовка врага, я проснулся от сильного неожиданного шквала со своим коллегой, и спустя один час, когда кончилась артподготовка, я в 5 часов убил первого немца, который пытался прорваться в здание нашего полка. Убил из пистолета в упор. Бойцы крепости в кальсонах, босые, а кто и смог кое-как одеться, немедленно начали принимать оборону, вскрывать склады с боеприпасами, и примерно в 9—10 часов утра навала гитлеровцев была отбита. И выбита с центра крепости за реку. Остальные попытки в течение этого дня также были отбиты, и внутренняя часть крепости и здания оставались в наших руках. Жертвы были колоссальные с обеих сторон, вода в реке Мухавец была красная от трупов врага и наших, от лошадей. Наши бойцы сражались по-рыцарски. Враг не жалел своих сил и посылал волну за волной. Но, видя безрезультатность, он изменил свое поведение и взял крепость в-кольцо, усилив артиллерийский, минометный огонь и бомбардировку.

С первых минут защиты крепости ощущалась недос-

тача офицерского состава, отсутствие помощи со стороны танковых соединений и артиллерии, так как накануне были сняты моторы и оптические приспособления. Защита велась грудью, с винтовкой и гранатой в руках.

Данную защиту возглавил полковой комиссар тов. Фомин, который собрал оказавшийся офицерский состав. Я с ним познакомился 22.VI на открытой местности внутри крепости во время оказания медицинской помощи раненым бойцам. Тов. Фомин сражался и руководил бесстрашно, как и подобает русскому человеку.

Наши силы истощались, мы задыхались в помещениях без воды, от газа, пыли, без еды, хотя вода была рядом, но набрать никак нельзя было ни днем, ни ночью. Прибегали к тому, что в подвалах рыли ямы и по очереди сосали влажный песок.

Жертвы каждый час увеличивались, наши силы истекали, но наш лозунг был один — ни шагу назад, сражаться до последней капли крови.

После секретного совещания офицерского состава 23 или 24.VI имевшиеся офицеры заняли свои места в крепости, валах и др. местах. В центре крепости нас оставалось 3 чел. Офицерского состава — полков. комиссар тов. Фомин, я и младший лейтенант-артиллерист, раненый в первые часы, фамилию которого не помню, так как я только прибыл в часть и его не успел узнать. На секретном совещании присутствовали, если мне не изменяет память, тт. Гаврилов и Касаткин. 25-го числа утром тов. Фомин поручил мне выбить гитлеровцев из здания офицерской столовой, расположенной внутри крепости. Я это приказание с группой бойцов выполнил и взял в плен 3 гитлеровцев (высоких молодых арийцев), 2 из которых по доставке в помещение, где мы были расположены на первом этаже (а на 2-м и 3-м были немцы), я лично расстрелял. Итого имею на счету в упор расстрелянных 3 гитлеровцев.

25-го числа немцы настолько сжали кольцо, что мы внутри крепости остались только в одном здании в подвалах, на первом этаже и периодами на 2-м этаже, а выше и на крышах, а также вокруг нас, везде были немцы. В этом здании до войны был расположен саперный батальон.

Наших бойцов 25-го числа в этом здании насчитывалось 150—180.

Немцы наше здание никак не могли взять из-за героической защиты. Тогда они прибегли к тому, что начали его подрывать, закладывая снаружи взрывчатые вещества.

Итак, рано утром 26 июня сорвали часть здания с восточной стороны, мы оказались с одной стороны открыты как на ладони. В этот момент во время обвала полковой комиссар тов. Фомин получил контузию обеим ногам и в голову. Голова была разбита камнем. Кровоточащую рану я, сидя рядом, также с контуженными ногами и раненой левой ногой, делал ему перевязку.

После этого ранения тов. Фомин стал очень плохо себя чувствовать, с жалобами на боли ног и головы прилег отдохнуть, а мне, раненому и контуженому, и младшему лейтенанту (о котором я вспоминал) поручил продолжать руководить защитой оставшейся части здания.

С открытой стороны подорванного здания нас было видно как на ладони. Бойцы, которые могли передвигаться, прятались в боковые комнаты и оттуда вели огонь. Во время взрыва было привалено кирпичом не меньше 50 чел. бойцов.

Немцы от нас находились очень близко (за стенами, на крышах), и в 11—12 часов дня последовал второй взрыв — подорвано наше здание с противоположной стороны. В этот момент гитлеровцы с криком, сильным автоматным огнем, навалом налетели со всех сторон подорванного здания на оставшихся в живых, раненых,

контуженых и изнуренных бойцов и офицеров и забрали всех в плен.

В этот момент было взято в плен всего 100—120 человек. Итак, 26 июня 1941 г. в 11 или 12 часов дня прекратилась героическая (а я говорю героическая потому, что сражались наши воины действительно героически) защита центральной части Брест-Литовской крепости.

Сразу же отогнали нас на свою территорию (кто как смог, кого вели, кого и несли), километра на 2—3 от крепости сделали привал возле одного вала. В тех валах, по-видимому, были склады. Вышел их переводчик и спросил, кто из вас говорит по-немецки. Минуты две молчания, и с нашей стороны выходит один бывший боец. Он оказался ст. сержантом 84-го полка, по национальности немец Поволжья, представился немецкому переводчику. Тот ему сказал, чтобы комиссары и евреи вышли наперед. Этот изверг объявил это и предупредил, что если не выйдете, то я сам выведу, ибо я вас знаю.

Рядом со мной лежащий комиссар тов. Фомин пожал мне руку, сказал: «Прощайте, товарищи, крепитесь» и пошел наперед больной, тихой, изнуренной походкой.

На вопрос немца-переводчика: «Ты комиссар?» — он ответил: «Я комиссар Фомин». Несколько минут молчания, у всех волосы дыбом (до горы), слезы на глазах... На вызов больше никто не выходил. Ровно пять минут прошло, подходят три гитлеровца с винтовками, скомандовали вперед полковому комиссару (нашему отцу, как мы его звали) тов. Фомину. Он поклонился, помахал рукой, сказал: «До свидания, товарищи» — и пошел вперед, куда его повели. Отвели от нас метров за 50, за небольшой бугорчик возле вала, и немедленно прозвучал один винтовочный выстрел...

Итак, 26 июня 1941 года в 1—3 часа гитлеровцами был расстрелян, после героической защиты Брестской крепости, верный своему долгу, верный Коммунистиче-

ской партии и русскому народу полковой комиссар 84-го стр. полка тов. Фомин. Вечная ему слава!

Этого же дня бойцы, которые были не ранены, выносили немецкие трупы из крепости на кладбище. В валах, по их словам, были слышны одиночные редкие выстрелы, а вечером гитлеровский самолет сбросил несколько небольших бомб на валы перед главным въездом в центральную часть крепости. Гитлеровские трупы наши пленные выносили дней 4—5 и все время говорили, что в валах, по-видимому, еще имеются отдельные бойцы, ибо бывают редкие выстрелы.

29 или 30.VI нас перегнали от крепости километров за 30 (в Белую Подляску), на польскую территорию. А 3 или 4 июля вывезли в центр Германии, куда прибыли 11.VII. Будучи в плену в Германии, слышал от позже прибывших товарищей, что были такие из Брестского гарнизона, что в июле месяце попали в плен, но мне лично не приходилось встречать таких товарищей и подробностей их пленения не знаю...

Будучи пленным, 11 июля 1941 г. я был доставлен с остальными пленными в центр Германии, в лагерь №304-1У/ Н, станция Якобсталь, село Цайтунг, 40—45 км от города Дрезден. В этом лагере-лазарете для военнопленных русских, больных, раненых и выздоравливающих, я находился до дня освобождения советскими войсками 23 апреля 1945 г. В лагере был как больной, временами как фельдшер.

После освобождения советскими войсками я полтора месяца был в контрразведке 52-го сборно-пересыльного пункта по выявлению бывших полицаев и др. неблагонадежных лиц из среды военнопленных. Месяц лечился в военном госпитале, затем был направлен в г. Баутцен, где был собран офицерский состав, откуда 2 сентября 1945 г. выехали на родную землю и 23 сентября приехали в Великие Луки в 1-ю Горьковскую запасную стр. дивизию.

В этой дивизии все время находился в госпитале и санчастях до 30 октября. Затем, как больной, был демобилизован, а 6 ноября 1945 года прибыл на родину, где живу и здравствую до настоящего времени...

Уважаемый Сергей Сергеевич!

Вы задаете вопрос: «В какой помощи нуждаетесь?» Тяжелый это вопрос, Сергей Сергеевич, после всего пережитого с первых дней начала войны и до последних дней ее окончания. А ведь пережитое после освобождения, особенно морально, превзошло все испытания и истерзания, пережитые в годы нахождения в плену.

Вы ведь сами знаете, Сергей Сергеевич, что куда не обратись — был в плену, как попал и где попал — этого никто не хочет знать. А ведь я с 13 лет учился в Советском государстве, сам бедняк из бедняков, отец с начала Советского государства был первым активистом, первым застрельщиком похода на кулака и создания колхозной деревни. Мне до войны было везде доступно, и заслуженно доступно, а мне сейчас зачастую приходится переносить моральную встряску из-за плена. Мне неодноразово отвечали, что вы можете быть членом Славной КПСС, но это только ответ, а моральная рана не зажила.

Вот это один большой вопрос, многоуважаемый Сергей Сергеевич, а второй вопрос и нужда — я оставил в плену половину здоровья. Я имею язву желудка, 12-перстной кишки, хроническое заболевание нервов поясницы и седалищных нервов. Вот это моя нужда и мое горе.

В настоящее время работаю фельдшером при Кировском медучастке Полтавского района и обл. По национальности украинец. Военное звание — лейтенант медицинской службы, запас 3-го разряда...

Хочу еще несколько слов написать о героической защите Брестской крепости русскими солдатами.

В первые минуты артиллерийского обстрела, бомбардировки крепость была настолько разбита, что не уцеле-

ло ни одного здания, ни одно приспособление, крепость полностью находилась в огне и дыму. Тушить огонь было нельзя из-за огня и контратак гитлеровцев. Гитлеровцы пошли в обход крепости, и наши части к концу дня были полностью отрезаны. Видя, что крепость им не взять спроста, гитлеровцы подключались к нашей рации, чем пытались обмануть нас. Через свои громкоговорители пытались обмануть нас тем, что, мол, тов. Молотов В.М. сдался в плен и призывает нас, сфабрикованную речь «его» передавали через громкоговорители, чтобы мы сдавались. Затея ихняя не удалася. Одни приписники с западных областей могли подвести нас, мы их называли «западники», которые служили в Брестском гарнизоне, но этих мы своевременно поняли и привели к общему порядку.

Хотя Брестская крепость вела оборону не так долго, но она первая приняла гитлеровскую навалу, первая приняла удар в первые минуты Второй мировой войны.

Я еще был молодой воин, впервые принял такую тяжесть военного похода, но таких, как я, было большинство. Я не могу передать Вам, Сергей Сергеевич, той тяжести, которую приняли на себя воины русской армии. Ведь нас выжигали из сооружений крепости струей огня в 30—40 м длиной (как струя воды), нас бомбили, подвергали артиллерийскому, минометному огневому шквалу. Все это создавало столько пыли, что нам тяжелее было от пыли, чем погибнуть. Наши бойцы бросались на медикаменты (медицинских и ветеринарных аптек) и пили медикаменты, лишь бы утолить жажду (попить любой жидкости). Мы имели много случаев отравления от жидких медикаментов.

О пище мечтали меньше всего. Многие бойцы погибли, пытаясь набрать воды в Мухавце, который днем и ночью обстреливался перекрестным огнем. Без воды отказывали пулеметы, погибали раненые и контуженые,

дети и женщины, которые были среди нас (а их было много, и большинство раненых-калек). Это испытание с честью выдержали русские воины, русские гражданские люди, воспитанные родной Коммунистической партией. Мы помнили слова «Ни шагу назад, ни пяди русской земли», а поддержки не было никакой.

Многоуважаемый, Сергей Сергеевич!

Хочу от всей души пожелать Вам успеха в начатой работе, которая покажет истину русской души при защите Советских рубежей.

Написал то, что осталося в памяти. Что от меня потребуется — всегда рад написать. Желаю еще раз счастья и успеха в Вашей работе.

С уважением к Вам Н.С. Гутыря.

15 сентября 1956 г.

АЛЕКСЕЕВ Денис Алексеевич,
командир отделения 84-го стрелкового полка.

Я, гр-н Советского Союза Алексеев Денис Алексеевич, 1919 года рождения, Смоленской обл., Велижского р-на, дер. Нивы.

В 1939 году был призван в армию, в строевую часть, 84-й стрелковый полк, 6-я стрелковая дивизия, в город Брест-Литовск, где проходил всю службу в крепости. С 1939 года, 12 февраля, и по 1941 год, 22 июня, где внезапно налетели на нас гитлеровские войска.

Мне пришлось с первого дня быть ком. отделения во втором б-не второй роты, пока выпустилась полковая школа. Потом меня направили на курсы, я вышел младшим сержантом и работал в своей роте ком. отделения. В 1941 году, в начале мая месяца, наш батальон выезжал в креп. район. Но прежде чем выезжать батальону, меня, как комсомольца, командира отделения, отправили первого со своим отделением выстроить все необходимое

для штаба батальона. Вскоре прибыл б-н, и меня вызвали в штаб ком. б-на, старший лейтенант, орденоносец, простите, фамилию забыл, и командир 2-й роты лейтенант Алексеенко, и направили меня для наблюдения за порядком в батальонных казармах и за конюшней, которая находилась за крепостью около моста через Буг.

22 июня в 4 часа утра началась война. Я спал в казарме на койке, но при первой бомбежке очутился на полу. Правда, ранить меня не ранило, но без памяти был, не знаю сколько. И я не знал, что делать. Но вскоре прибыл комиссар 84-го стрелкового полка Фомин, и поэтому я хочу очень Вас поблагодарить, Сергей Сергеевич, и нашу любимую партию Советского Союза о заботе, о воспоминании о героях-защитниках Брестской крепости.

Сейчас я хочу рассказать, что происходило дальше. Тов. комиссар Фомин находился в штабе полка, и когда началась война, Фомин побежал по казармам, чтобы найти живых солдат, и когда нас собралась небольшая группа, комиссар Фомин приказал, чтобы мы оделись, потому что мы были все в нижнем белье. Мы не знали, что нам делать, но здесь мы быстро выполнили приказ, вооружились, и по его приказанию я работал командиром взвода. Первые дни, 22 и 23 июня, мы держали оборону около военного госпиталя и полковой школы, не давали немцам прорваться через мост в центр крепости, но здесь не выдержали большого натиска. Нам пришлось отступить в сторону Бреста. Здесь нас собралось больше. Были и другие командиры. Но я их не знал, потому что они для меня были все новые. Но с комиссаром тов. Фоминым я был все время, выполнял со своим взводом все его указания и держали оборону 8 суток, пока от тяжелых бомб повалились наши стены. Много товарищей погибло под развалинами. Но нас несколько человек осталось в живых. Тогда тов. комиссар говорит,

сымите мне волос, и я нашел в разбитой комнате машинку, постриг его, нашли солдатскую форму, переодели, и вскоре вошли немцы. Но нам нечем было принимать бой, у нас не осталось ни одного патрона.

Немцы стояли с автоматами в руках и ждали, пока мы выйдем. Тогда комиссар тов. Фомин посмотрел нам каждому в глаза, и мы заплакали, потом приказал положить пулеметы и все оружие, чтобы не осталось немцам, вытащил из кармана документы и говорит нам: «Ну, товарищи, пришел конец нашей защите крепости, жгите документы». Мы вытащили, порвали и пожгли документы. Потом товарищ комиссар Фомин говорит: «Товарищи, вы, может, будете жить, но меня продадут, что я комиссар». Но мы его убеждали, что мы тебя никогда не выдадим, распрощались, и пришлось при напоре немецкого огня выйти из разбитой нашей крепости. Но тут же комиссар был продан, от нас его сразу взяли, и вели нас по разбитой, неузнаваемой крепости, а комиссара вели совсем отдельно и говорили всем, что это комиссар.

Когда нас перевели через деревянный мост через Буг, там был какой-то каменный склад, обнесенный проволокой. Нас уже было там много, и мы, измученные за 8 суток, очень хотели пить. Но нам принесли ведро воды на 200 человек. Комиссар стоял от нас отдельно за проволокой, его охраняло много гитлеровцев, и он просил пить. Нас никого к нему не допустили и тут же комиссара Фомина расстреляли. А нас погнали в глубь Германии. Через месяц после взятия в плен я был в лагере Закзенхаузен, был здесь два года. В начале 1943 года перебросили в лагерь Бухенвальд, где был до 1944 года. В конце 1944 года нас, военнопленных, стали перебрасывать в другой лагерь, но здесь мы услышали, что недалеко, в 12 км, наши войска, и мы ночью все разбежались и попали к нашим советским войскам. Здесь нам дали хорошо отдохнуть, и вскоре кончилась война. После

войны я ушел обратно в армию, в войска МВД, где прослужил до 1947 года. Демобилизовался на основании приказа и сейчас работаю плотником ОСУ 426 не в Смоленской обл., а в Крымской обл., гор. Симферополь.

Сергей Сергеевич Смирнов и наша руководящая партия Советского Союза, я очень с вниманием слушаю выступления по радио о защитниках-героях Брестской крепости, у меня не раз катится слеза, когда вспоминают о крепости. Смотрел кино «Бессмертный гарнизон» и, конечно, не раз вытирал слезы, потому что это мне известно, и я знаю каждый угол крепости. Еще раз большое спасибо. Сергей Сергеевич, простите, что оторву вас своим вниманием, я думаю, что-нибудь для вас будет новое. Простите, что плохо пишу. Пожелаю счастья и много здоровья вашей жизни, вашей работе.

Алексеев Денис Алексеевич.

2 октября 1956 года.

ЛЕУРДА Георгий Павлович,
красноармеец 84-го стрелкового полка.

Добрый день, Сергей Сергеевич!

Примите от меня привет и массу наилучших пожеланий, а еще желаю Вам счастья и многих лет жизни за то, что Вы трудитесь на благо нашего народа, за то, что Вы заботитесь о нас, защитниках Брестской крепости.

Конечно, это дело нелегкое, прошло уже много лет с того дня, когда это все происходило. Это кажется, как будто все во сне. Но ничего — что-нибудь вспомним. Хорошее никогда не забыть, а плохое никогда не забудешь.

А теперь, Сергей Сергеевич, опишу я Вам свою автобиографию. Я, Леурда Георгий Павлович, по национальности русский, родился в 1921 году в станице Гривенской Краснодарского края, где и сейчас проживаю. В 1938 году вступил в комсомол. Отец мой работал в рыболовецком

колхозе, и я работал до войны рыбаком. И в настоящее время работаю рыбаком в инвалидской бригаде...

Я в 1940 году, 1 октября, ушел в Красную Армию. С первых дней службы я попал в Брестскую область, город Высокое, где проходил курс молодого бойца. Прошел курс молодого бойца, послали меня в 84-й стрелковый полк, в Брестскую крепость, в роту ПВО. Наши зенитки стояли по границе, и как раз перед войной наш 84-й полк вышел на полковые стрельбы. Наша рота и мелкие подразделения никуда не выходили из крепости. Дежурным по полку был полковой комиссар товарищ Фомин. В субботу, 21 июня, была очень хорошая погода, мы пришли из кино в двенадцать часов ночи и легли спать.

Наверное, Вы знаете, Сергей Сергеевич! Какой солдатский сон, как уснешь, так спишь, пока не подымут. А я так и спал, проснулся от взрывов, да еще лежу и думаю: вечером была хорошая погода, а сейчас гроза. Я лежал и думал, что от грозы горит крыша крепости, а когда упала бомба в Мухавец и меня сбросило с кровати, тогда я понял, что это не гроза, а война.

Когда я выбежал в коридор, то полковой комиссар тов. Фомин спускался из штаба полка. Он увидел меня и говорит: «Быстрей одевайся, боец Леурда, Гитлер напал на нас». Я быстро оделся и последовал за полковым комиссаром т. Фоминым. Он мне говорит: «Вот, т. Леурда, вы заменяете командира роты. Приказываю Вам, т. Леурда, немедленно достать боеприпасы». Боеприпасы были доставлены. Дело в том, что не было патронов. Наше боепитание находилось за крепостью. Был у нас недалеко другой полк, недавно прибыл до нас в крепость, боеприпасы были привезены. Один раз был сброшен воздушный десант в середину крепости, он был весь уничтожен.

Посреди крепости стояла церковь и один из тех домов, в котором Владимир Ильич Ленин заключал договор. Там был из немецкого десанта немецкий полков-

ник. Его поймали наши бойцы и привели в штаб полка. Тов. Фомин знал немецкий язык и стал допрашивать его. Он говорит, что вы здесь заперты и вам отсюда выхода нет, наши главные силы уже Киев забрали и наши войска без сопротивления движутся по шоссе из Варшавы на Москву. Нам его не о чем было больше допрашивать.

Когда война началась, в крепости не было ни одного офицера, они были все в городе Бресте. И наш командир роты добежал до крепости, переплыл через Мухавец, вбежал в Восточные ворота, и его сразила вражеская пуля. Он упал, смотрим, «западник» тащит с него сапоги. Полковой комиссар т. Фомин и говорит: «Леурда, бей гада!» Я приложился и ранил его. Тогда я подошел к нему и говорю: «Что же ты, гад, делаешь? Своего брата обдираешь!» Так я ему еще раз дал и добил его, обдиралу.

Сергей Сергеевич! Вы, наверное, знаете, что в 1939 г. освободили мы Западную Украину от поляков. Вот мы их и называем «западниками». В 1941 году взяли приписной состав в кадровые полки и прислали до нас на обучение, и их война захватила в крепости.

Они, эти «западники», изменили нашей родине. Мы вели двойные бои: с немцами и с ними. Они стреляли нас в затылки. Они собирали разные трофеи и уходили домой. Но это неважно, что уходили, а то — стреляли нас в затылки. Тов. Фомин издал приказ: «Убрать всех изменников Родины»...

Полковой комиссар разрешил мне действовать с моим товарищем. Заняли мы оборону: край казармы 84-го полка, в складе, где лежало много ватной одежды. Пулемет у нас был учебный, кожух пулемета был прорублен, сверху дыра, где заливается вода. Но пулемет был хороший, бил правильно. Воды у нас было мало, закладывали туда вату и своею мочою мочили туда. Бывало, придет полковой комиссар Фомин, мы ему и говорим: «Т. ко-

миссар, может, у Вас найдется вода, то подбавьте нам в пулемет».

У нас с товарищем была очередь. Я за пулеметом, он отдыхает; он за пулеметом, я отдыхаю. И так же по очереди и ленты набивали. Наш пулемет не угасал ни день, ни ночь. Бывало, только зайдет рота или взвод, или машина появится на мосту, который немцы установили через Мухавец, так и полетит вверх ногами. И нам давали, что нам жарко было. Бывало, как начнет бомбить, мы — за пулемет и в подвал, артиллерия нам не страшна. Бывало, полковой комиссар т. Фомин и говорит: «Как подойдут наши части, так с вас смеяться будут, что вы из учебного пулемета немцев учите, как по нашей земле ходить». Если бы Вы видели, какой у нас был пулемет, то Вы бы сказали: «Как можно из него стрелять?» — а мы стреляли, не чуя усталости, недоедания и недопивания. Кушали пшенный концентрат невареный, на нас было страшно смотреть. Были мы все в саже, в копоти, оборваны, заросшие, но со своего места не уходили, а все дожидались своих братьев на помощь и задерживали врага. Нас погибло много, а их еще больше, потому что мы не давали им пощады.

Не стало у нас полкового комиссара т. Фомина. Напоследок где-то как в воду пропал. Додержались мы до 26 июня, и остались от крепости одни камни. Уже стен совсем не было, и редкие были перестрелки. 26 июня кто-то неизвестный подкрался и бросил гранату. Пулемет полетел на воздух, товарища тут же убило, а меня тяжело ранило в голову, и я был без памяти. Меня забрали «западники» в плен. Я проснулся на той стороне Буга, привязанный к носилкам. Подошел ко мне «западник» и говорит: «Что, довоевался, крас973ж...й...»

И лежал я там три дня, а потом, наверное, пожалели и отправили в лагерь 307. Пробыл я в этом лагере недолгое время, и отправили меня в глубь Германии. Этого

лагеря не помню названия. Там я встретил своего земляка Шмалька Алексея Федоровича, он умер с голода в том лагере. В том лагере нас было 2000 человек. За одну зиму нас осталось человек 500. Все умерли от голода и дизентерии. Нам давали кушать утром 100 гр. хлеба, в обед пол-литра баланды, а в ужин пол-литра кипяченой воды. Такое наше было пропитание.

Потом нас, 300 человек, отправили в Австрию, в город Блюдец, на работу, прокладывать дорогу в горах. Пробыл я там недолго, меня перевели на лесопилку. Я там неделю проработал и пустил вагонетку с лесом прямо в пилораму. Меня забрали и дали шесть месяцев концлагерей, которые я отбывал в городе Винзбурге. В том городе работали на раскопке вонючих фрицев из земли, где их американцы бомбили. Потом, после отбытия, меня отправили в город Брегенц на цементный завод. Там я пробыл немного до 1944 года. Весной я сделал побег в Швейцарию, но меня поймали и отправили обратно в концлагерь. Там я пробыл до зимы, и меня перевели обратно в город Блюдец. Там я был до 1945 г. 26 апреля нас забрал Красный Крест и отправил в Швейцарию. В Швейцарии я отдыхал, у меня было весу всего 41 кг.

Пробыл я в Швейцарии 3 месяца и за это время поправился, вес стал у меня 68 кг.

25 августа 1945 года я прибыл в запасной батальон. В запасном батальоне я прошел особый отдел или, как называли, фильтрацию. Направили меня в часть, в 246-й гвардейский полк 82-й гвардейской стрелковой дивизии. Прослужил я до 20 июля 1946 года...

До 1953 года работал я в морской бригаде, потом стал страдать головной болью, сырость отразилась на моей контузии.

Обратился я в свое правление колхоза с просьбой оказать мне помощь — облегчить работу. Но мне отказали. Говорят, какую мы дадим тебе работу, на ответствен-

ной работе тебе работать нельзя, ты был в плену. Я им рассказывал, где я воевал, как попал в плен, но они и слушать не хотели. Потом я поехал на комиссию ВВК, комиссия признала, что я не годен к тяжелой работе. Я обратился, чтобы мне установили инвалидность, мне сказали, что инвалида войны мы тебе не установим. Они мне говорят: давай мы тебе установим инвалида труда, но я с этим не согласился, и так я остался без всякой помощи. Если бы мне установили инвалида труда, то помощь не государство дает, а послали бы в колхоз, а у нас в колхозе никакой помощи не оказывают. Кто бы он ни был: инвалид труда, или старик — безразлично, потому что у нас колхоз рыбацкий, трудодней мы не получаем, а оплата у нас выдается на выловленный рубль. Когда я приехал с комиссии и предъявил справку, что на море работать не годен, меня направили в инвалидную бригаду, где я сейчас работаю. Заработная плата моя 200 руб. в месяц.

Прошу я Вас, Сергей Сергеевич! Если можно, то посодействуйте насчет какой-нибудь помощи. Я буду Вам очень благодарен. Я не щадил своей молодой жизни, бился до последней капли крови, я был членом ленинского комсомола, я потерял все свои мечты. Я думал честно отслужить своей Родине, но мечты мои не сбылись. Теперь я живу в глухом хуторке, без никакой культуры, кино у нас не бывает. Сергей Сергеевич, я сын всего нашего народа, пусть народ меня оценит, как хочет. Я свой долг перед Родиной выполнил...

Что непонятно, или чего не написал, то напишите. Я буду отвечать. Фотокарточки 1941 года у меня не сохранились ввиду того, что родные погибли во время Отечественной войны, и все погибло. С тем до свидания. Желаю Вам всего хорошего. Жду ответа.

К сему Леурда Георгий Павлович.

3/X — 1956 г.

ОСТАПЕЦ Григорий Федорович,
курсант полковой школы 84-го стрелкового полка.

Привет с Калининграда!

Уважаемый Сергей Сергеевич, с искренним приветом к Вам Остапец.

Вы меня извините, что я Вам долго не писал, я считал, что мое участис в обороне не имеет никакого значения, так как я исполнял свой воинский долг, и был бы на моем месте любой наш солдат, поступил бы так же, дрался до тех пор, пока не покинули силы и память.

Но когда Вы с таким упорством начали разыскивать оставшихся в живых участников обороны и начали выступать по радио, я с большим волнением слушал и плакал...

А теперь вернемся к прямому делу по существу.

Я был призван в армию Калининским райвоенкоматом Калининской области 15 октября 1940 г. и был направлен в г. Брест, где был зачислен в полковую школу, где и служил до начала вероломного нападения фашистской Германии на нашу священную Родину.

Как Вам уже известно, незадолго до начала войны основные силы крепости ушли на летние лагеря, в том числе ушел и 84-й с.п. Я с небольшой группой, вернее, из каждого взвода школы по одному отделению, были оставлены для несения караульной службы. В ночь на 22 июня я лично находился в карауле. Караульное помещение находилось в 100 м против костела.

22 июня ровно в 4 часа на головы обрушились тысячи бомб и тяжелых снарядов. Под свист осколков мы бросились из помещения по направлению к штабу своего полка. Сразу, как только мы выскочили, из костела по нас открылся пулеметный огонь, которым одного товарища убило, второго курсанта, Филатова, ранило в голову. Мы успели залечь, ползком и короткими перебежка-

ми перебрались до намеченного нами места, где сосредоточились много бойцов и командиров. По фамилии я их, конечно, не помню, уж как ни ломал голову, вспомнить не могу. Старшину Мейснера я запомнил, потому что он был всех веселей и бодрей, а также и находчивее всех. И я был под его командованием. Первого дня по приказанию ст. Мейснера я достал ст. пулемет Максимова и под прикрытием моего пулемета переформировали реку, которая разделяла нас от нашего госпиталя, где находились больные мирного времени. На них сначала наседали гитлеровцы. И когда наши больные отступили в глубь крепости, по ним бил немецкий пулемет. Я тут же со своим «максимой» с ними рассчитался. И так начал со своим пулеметом таскаться от развалин к развалинам. Но вскоре кончились ленты, и мне пришлось взять автомат, с которым не разлучался до конца. С каждым днем становилось все труднее и труднее отбивать по 3—4 атаки фашистов, которые наседали на нас с превосходящей численностью. Но, несмотря на их превосходство, каждая их атака была нами отбита, хотя наши ряды и редели. Но и ими уже была покрыта почти вся земля на подступах к нашим казематам.

Не помню, какого числа, нами был захвачен один гитлеровец. Мы хотели его убить, но старшина Мейснер не дал, нарисовал несколько карикатур Гитлера со свиным рылом, подписал под каждой надписью на немецком языке, оклеил почти всего и отправил туда, откуда пришел. Это был наш ответ на их листовки и радиотрансляцию, которые призывали нас к сдаче в плен. Но не о плене тогда думал каждый из нас, а думал, как бы больше продержаться в крепости, как бы побольше уложить в ней гитлеровцев и не пустить на свою родную землю.

После этого почтальона враг предпринял ожесточенную атаку, в которой ст. Мейснер погиб, но все же атака была отбита, хотя с большими для нас потерями.

Крепость одновременно штурмовалась со всех сторон, так как она была окружена с первых часов нападения. Нам отбиваться было трудно еще потому, что склады боеприпасов находились за крепостью и судьба их нам неизвестна. В крепости был лишь небольшой запас НЗ, так что с первого дня приходилось экономить каждый патрон и гранту, и приходилось отбиваться от наседавших гитлеровцев криком «Ура», штыками и прикладами. И это нас не пугало — идти в атаку — а наоборот, вдохновляло и больше обостряло наши сердца против фашистских захватчиков. Когда нас осталось совсем несколько человек, мы оставили оборонительный участок и перешли в восточную часть, где оборону держал 44-й с.п. под командованием гениального полководца майора Гаврилова. Хотя это уже был не полк, от него остались небольшие группы...

Все подробности храбрости и геройства отважных защитников крепости с первого дня мне не вспомнить, голова у меня работает плохо. Я на 19-е сутки, т.е. 11 июля, в одной из атак был тяжело ранен и был без памяти взят в плен. В плену после лечения я находился во многих лагерях: в г. Нюрнберге — не работал, Нордлинген — аэродром, Штраусбург — канал, Гинденбург — шахты, и где бы мы не работали, везде приносили вред фашистам. К примеру, работая в Нордлингене, подпилили ангары, и они от ветра упали, поломалось много самолетов. В Гинденбурге затопили шахту, за что нас очень наказывали, подвязывали вверх ногами к столбам, пороли плетками, считали вообще нас не за людей. Но русские люди все эти муки каторжных работ выдержали. Освобожден был американскими войсками, был переведен на территорию Чехословакии и передан советским властям, где прошел надлежащие фильтрационные комиссии. С 24 апреля 1945 года опять был зачислен в ряды Советской Армии, в 420-ю отд. роту охраны по репатриации

советских граждан. Демобилизован 20.6.1946 года и с тех пор нахожусь в Калининградской области. Вот такие мои сведения о моем прохождении. Здоровье неважное. Материально тоже неладно.

С искренним уважением, Г. Остапец.

МОРШНЕВ Петр Григорьевич,
красноармеец 84-го стрелкового полка.

Здравствуйте, тов. Смирнов.

Во-первых, извините меня, что я так, может быть, нескромно обращаюсь к Вам. Но я точного об вас не знаю и даже не знаю полностью Вашего имени и отчества. Но я хочу уведомить Вас, что недавно по радио услышал своими собственными ушами о крепости Брест-Литовск. Я не мог иначе поступить, как только написать вам письмо и поделиться тем, что я могу Вам рассказать.

Я МОРШНЕВ Петр Григорьевич, 1910 года рождения, служил в 84-м с/полку 6-й Краснознаменной дивизии. Полк наш стоял в крепости Брест-Литовска около запретной зоны границы, и о нашем 84-м с/полку я пока что ничего не слышал. Вот мне и хочется поделиться с Вами и рассказать, как я остался жив. Ведь того не может задеть за живое, который там не был. Но мне, тов. Смирнов, не забыть этих дней никогда.

Я, т. Смирнов, служил рядовым бойцом и с апреля 1941 года работал в КЭЧ техником-смотрителем зданий, но об этом неинтересно рассказывать. Мне хочется рассказать о тех, которые героически погибли, а ведь у них, наверное, остались отец, мать, жена и дети, и они до сих пор не могут знать, где он. Я, правда, не помню по фамилии всех, но вот был у нас в полку старшина Пеньков, который служил сверхсрочно, он много сделал на благо нашей Родины. Он отдавал все, что только мог, ведь командования у нас почти не оставалось, и ему пришлось

быть настоящим командиром. Он водил нас, бойцов, в атаки, при этом уничтожал врага, он все предпринимал для того, чтобы сохранить свою живую силу и обеспечить оружием и боеприпасами. Но только я не в состоянии подробно описать Вам, чтобы это было коротко и ясно. Об этом можно написать большую книгу, очень большую...

Вы очень много знаете, но я, в свою очередь, Вам должен описать все подробности, как я помню, что происходило на моих глазах, и что я пережил в Брестской крепости. Скоро вот только соберусь немножко с силой, а то что-то никак не соображу, как это все описать.

Но Петя Клыпа 333-го арт. полка должен рассказать один из эпизодов, как они на первый день обстреливали наш 84-й с/п из пушек, так как им разведка 333-го арт. полка сообщила, что 84-й с/п разбит и в ихнем корпусе находятся немцы. Петя Клыпа должен хорошо помнить, как мы под огнем 333-го арт. полка пытались прорваться через мост в крепости через Мухавец. Петя Клыпа должен помнить, как мы возле ворот корпуса выбили немцев из подвалов, и он же должен знать хорошо нашего старшину Пенькова, так как он действительно был смел и героически дрался с немцами. Он действительно героически погиб. Хорошие боевые товарищи были Анатолий Куличенко, старшина Козубский, шофер 84-го с/п Мельников, повар Байдулов, писарь транспортной роты Хасанов Аслан, азербайджанец, и ряд других товарищей, которых по фамилии не помню. Вот хочется описать ст. сержанта 84-го с/п из Карело-Финской ССР, которого фамилию никак не вспомню. Когда нас взяли в плен немцы, при у обыске нашли у него комсомольский билет, и его немцы вывели из строя, отвели недалеко от нас и на берегу Мухавца расстреляли из автомата. Я, как только вспомню его фамилию, сообщу немедленно.

Сообщу, о ком еще вспомню...

В мае 1943 года я с группой из 20 человек бежал из лагеря в партизанский отряд имени Ворошилова, бригада им. Сталина Брестского соединения, который размещался в лесах, в районе Малориты и Домачево. В конце 1943 года я был назначен для отправки 100 человек раненых в район ст. Сарны. Задание было выполнено. На ст. Сарны раненых сдали в госпиталь, а нас направили по частям Советской Армии. Я попал в танковую бригаду г. Горький, а затем во 2-й мех. корпус генерал-лейтенанта Свиридова в качестве командира орудия в 37-й танковой гвардейской бригаде. Воевал на танке Т-34. За боевые выполнения награжден орденом Красной Звезды. В 1945 году, в декабре месяце, демобилизовался, прибыл в г. Энгельс и приступил к мирному труду. В октябре 1949 года был арестован и осужден по ст.58-1б к 20 годам трудовых исправительных лагерей с поражением в правах на 5 лет Военным трибуналом Приволжского военного округа. 13 августа 1954 года освобожден пленумом Верховного суда СССР от 16/VII-54 г. со снятием судимости. В заключении ранен совершенно невинно, у левой ноги ниже колена перебит нерв. В коленном суставе левой ноги — осколки. Орден Красной Звезды отобран, осталась только билетная книжка, где обозначен № 503436, который желательно получить обратно. Пробыв в заключении 5 лет, считаю невинно, здоровье окончательно потерял. Вернувшись из заключения, рассчитался по месту работы, получил 200 руб. До ареста был инвалид по общему заболеванию труда 2-й группы, сейчас 3-я группа, пенсии получаю 99 рублей в месяц. Живу в полуподвальной сырой квартире, со стен течет зиму и лето. Семья состоит из двух малолетних детей и больной жены. Здоровье очень плохое, да еще гробит меня и семью моя квартира. Нуждаюсь в квартире, а также и материально.

Находясь в заключении, слышал от следственных органов, что Доценко Владимир, 125-й с/п, находится в за-

ключении, Власкин Петр находился в заключении и там умер, Куличенко Анатолий оставался в плену, последствий не знаю. Больше ни о ком ничего не знаю.

Работаю в школе № 12 завхозом с 15 сентября 1956 года, увольняюсь по состоянию здоровья. С военного учета снят совсем по состоянию здоровья. Беспартийный.

Простите, что много написал, да и, наверное, как-то не по порядку. Все хорошо помню, но вот изложить не могу, как-то трудно все это изложить.

Пишите ответ.

С приветом к Вам Петр Григорьевич Моршнев.

10 сентября 1956 года.

РОМАНОВ Алексей Данилович,
сержант, командир пулеметного отделения,
секретарь комсомольского бюро полковой школы
455-го стрелкового полка.

«...Если говорить объективно о тех, кто руководил боями на Центральном острове крепости, то скажу прямо: руководили те, кто не щадил своей жизни и умел повести или направить против врага людей туда, куда в данный момент это было всего нужнее, сообразуясь с беспощадной логикой боя. Необходимо еще иметь в виду, что бои в крепости были необычными не только по своей жестокости. Приказавший, независимо от звания и должности, подчас погибал, едва успев приказать, а исполнителей приказа рассекал свинцовый вихрь, куда-то отбрасывал или всех уничтожал.

Сотни примеров можно привести из истории войны, когда вместо погибших командиров поднимались безвестные рядовые с криком «Слушай мою команду! За мной, вперед!».

Приказы в таких случаях не писались, хотя при «нормальных условиях» ведения войны действовали штабы и

иные военные органы, от самых низовых до главных, генеральных и верховных.

Впрочем, в Восточном форту, на Северном острове у П.М. Гаврилова, тоже не писали приказов, а товарищи Касаткин, Скрипник и другие числятся назначенными исполнять те или иные обязанности и самоотверженно их исполняли.

Я говорю об этом потому, что вокруг приказа № 1 десятки лет ведутся, на мой взгляд, подчас бессмысленные, беспочвенные, искажающие суть дела «дебаты». (Точно так же, как они велись вокруг священной клятвы защитников крепости: «Умрем, но из крепости не уйдем».) А давно известно, что кощунствующие осквернители могут исказить великое событие, жонглируя документиками и «фактиками».

И я, с полной партийной и гражданской ответственностью, утверждаю: был приказ № 1 или не было бы его, перечислены в нем фамилии или совсем этого не было — руководили боями и воевали те, кто эти действия зафиксировал своей кровью и, чаще — жизнью.

Судить о них могут и должны люди с чистой совестью и те, кто «изучал предмет», пройдя сквозь кровавую круговерть войны.

Все это я сказал Вам, выполняя просьбу, написать объективно.

Теперь более конкретно о тех, кто «связан с руководством обороны» (пользуюсь вашей терминологией). О том, что создан штаб, я услышал ночью под 25 июня от покойного сержанта Александра Автономова: он ползал от Белого дворца к казармам нашего полка («Авось пожрать что найду и встречу кого из уцелевших наших»).

Вернулся от оттуда вместе с помощником командира стрелкового взвода нашей полковой школы Лигостаевым и, кажется, с Васильковским из химсклада. Автономов сказал: «Слава богу, появились большие командиры; го-

ворят, полковой комиссар, капитаны, политруки, наш Красавчик (так мы между собой называли А.А. Виноградова) сколотили общий штаб». Те, что пришли с Автономовым, что-то сказали А.М. Ногаю, говорили с разными группами бойцов, лазили в подвалы. Вскоре из разных мест слышалось: «Из какого ты полка, товарищ? Какое звание? Штаб приказал».

Переписывали, кто из какого подразделения, какое у кого оружие, сколько кто имеет патронов, гранат, сколько годных пулеметов, составлялись списки раненых, устанавливались фамилии убитых, умерших от ран. Словом, начал действовать какой-то орган.

Комиссара Е.М. Фомина я не знал и во время боев в крепости не видел (Если бы увидел, наверное, запомнил бы, так как память на лица у меня неплохая). Капитана Зубачева, не зная его фамилии (там было не до знакомств и уж, конечно, никто из нас не думал о спецпроверках и перепроверках... с пристрастием), видел один раз 24 июня, когда он пробегал от Трехарочных ворот к входам в помещения 33-го инженерного полка. Запомнил его и узнал потом на фото по высокому лбу и облысевшей голове, т.к. 24/VI видел его без головного убора.

Туда же через некоторое время пробежал Виноградов, потом — смуглый человек, в котором после войны я узнал Петра Павловича Кошкарова. Анатолия Александровича Виноградова я знал до войны как начхима 455-го с.п., проходил у него химподготовку, видел его на полковых партсобраниях (он был тогда кандидатом в члены ВКП(б). Как и многие, восхищался нашим красивым командиром с орденом Красной Звезды на груди: орденоносцев тогда было мало, мы знали, какой ценой завоевана боевая награда и преклонялись перед такими людьми.

Видел я А.А. Виноградова в полной форме, со Звездой на груди, утром 22 июня под Трехарочными ворота-

ми, когда мы — несколько человек, оставшихся в живых, — вернулись из-за Мухавца, куда плавали утром под огнем врага в склады за оружием.

Под арками ворот А.А. Виноградов, политрук П.П. Кошкаров — с лицом в кровоточащих порезах, лейтенант Александр Попов, прибывший в крепость перед самой войной и назначенный командиром стрелкового взвода нашей полк. школы — сильно заикающийся, с крупным носом молодой человек, лейтенант А.М. Ногай — командир минвзвода нашей школы, какой-то человек в нательной рубашке и зеленой фуражке пограничника, 2 офицера, которых я ни до этого, ни после никогда не встречал, — командовали примерно так:

— Вы, товарищи, — 7 человек — займите позиции у окон на 2-м этаже в сторону реки.

— Эта вся группа (Виноградов будто отсекал жестом руки) — к Тереспольскому мосту, там обязательно скоро полезут фашисты!

— Вы, товарищ лейтенант (это Кошкаров — Попову), остаетесь с группой в этих воротах, делайте завалы, организуйте огневые точки.

Выбегающих из подвалов нашей кухни бойцов Виноградов и Кошкаров рассылали в разные места казарм 455-го с.п., потом и сами нырнули в дым и пыль помещений казарм.

А.М. Ногай повел нашу группу, невзирая на бомбежку, к Тереспольским воротам, с нами побежал и человек в фуражке пограничника... потом мы отошли под натиском фашистов с боем к Белому дворцу. Часов в 8—9 утра 22 июня шла пальба по фашистам, прорвавшимся к костелу, наступающим на Инженерное управление и Белый дворец. Вскоре из казарм 84-го полка (наиболее мощно) и из других мест на фашистов с криком и руганью бросились в контратаку. Бросились от Белого дворца и мы, и солдаты других подразделений, а от Трехарочных во-

рот пошла в контратаку большая группа красноармейцев, и среди них я опять увидел Виноградова и Кошкарова. На территории между Инженерным управлением и Белым дворцом произошло кровопролитное побоище, закончившееся паническим бегством фашистов и большим количеством убитых с обеих сторон. Победа воодушевила, только радость была недолгой: атаки фашистов, как волны, покатились одна за одной. Наши потери не восполнялись.

И 23 и 24 июня от Трехарочных ворот к Белому дворцу прибегали бойцы, прося немедленной помощи: «Скорее на помощь! На мосту танки!» Туда бросались с пулеметами, гранатами. 24 июня в отражении танковой атаки поучаствовал и я; потери для нас были тяжелыми, хотя танки подбивали и танкистов уничтожали.

Там я видел плачущего над раздавленными и убитыми товарищами лейтенанта Попова, Кошкарова со связкой гранат в руках и чего-то выкрикивающего Виноградова.

25 и 26 июня чувствовалось, что боями отдельных групп руководят: прибегают и приползают связные, в наиболее опасные места подоспевает помощь. Так, например, 25 июня вечером трем пулеметным расчетам, где были и мы с Гребенюком, было приказано скрытно подобраться к дымящимся развалинам Инженерного управления и оттуда поддержать огнем, а при необходимости штыками поддержать товарищей, которые будут выбивать фашистов, захвативших столовую комсостава. Мы пробрались к Инженерному управлению; вскоре со всех сторон начался штурм столовой, бой был жарким и коротким, потом грохотали взрывы и от столовой остались развалины.

Ночью 26 июня из развалин Белого дворца по приказу штаба к Трехарочным воротам малыми группами уводили наиболее боеспособных бойцов (сносно держались

на ногах, не истекли кровью), предварительно вооружая их всем лучшим, чем мы тогда располагали. А.М. Ногай послал туда Автономова, курсантов Ветрова и, если не ошибаюсь, Неустроева, и меня, приказав захватить станковый пулемет.

У Трехарочных ворот, в разбитых помещениях нашей полковой школы, было уже несколько десятков бойцов. Человек с перебинтованной головой приказал нам установить пулемет на перекрытии первого этажа, у окна, выходящего в сторону Мухавца, недалеко от Трехарочных ворот. У других окон и пробоин, среди камней и трупов, также создавались огневые точки.

Ночью эти огневые точки проверял П.П. Кошкаров с тремя автоматчиками; руки у него были перевязаны грязными тряпками, телогрейка разорвана, прожжена. Зловеще все это выглядело в отсветах фашистских ракет, взлетающих в небо сериями. Нам объяснили, что утром 27 июня от Трехарочных ворот через Мухавец будет прорыв нашего головного отряда и что нужно поддержать огнем этот отряд прорыва: таков приказ штаба. Ночь тянулась гнетуще медленно, с валов на правом берегу Мухавца, занятых врагом, время от времени по нашим казармам строчили вражеские пулеметы. Мы не отвечали: у нас все патроны на счету, и стрелять было запрещено.

27 июня, приблизительно в 12 часов дня, из-под Трехарочных ворот по мосту и воде Мухавца бросились наши. Что-то было похоже на психическую атаку наоборот: не парадным шагом шли... В какие-то секунды я увидел бегущего по мосту Анатолия Виноградова.

Фашисты открыли шквальный огонь, мы — по ним — не менее интенсивный. На правом берегу Мухавца начались рукопашные схватки, виноградовцы с боем прорывались в сторону Варшавского шоссе... После этого я увиделся с А.А. Виноградовым лишь после войны на первой встрече участников обороны крепости в Театре

Советской Армии, и мы дружили с ним братской дружбой до конца его жизни.

Ни одна из наших многочисленных встреч не обходилась без воспоминаний о боях в крепости, о погибших и живых товарищах. И всегда А.А. Виноградов высоко отзывался о боевых действиях комсомольцев-курсантов и сержантов полковой школы 455-го с.п. и о Петре Павловиче Кошкарове.

«Без Петра, — говорил он, — мне лично и нашему штабу крепости фунт лиха достался бы потяжелее: воином он был решительным, и для штаба у него голова работала исправно».

27 июня во второй половине дня я последний раз видел злого, осунувшегося П.П. Кошкарова. Он двигался, шатаясь, по грудам камней между трупами, всматривался в лица убитых, приказывал всем, пришедшим с других участков на поддержку группы прорыва, вернуться на свои участки.

— Что же делать дальше, товарищ начальник, — спросил его кто-то.

— А что ты до этого делал? — зло переспросил Кошкаров.

— Ну... стрелял... с вами вместе немцев из столовой выкуривал.

— Вот и продолжай дальше стрелять и выкуривать.

— Чем? Ни патронов, ни гранат...

— Хватит, довольно! — резко прервал Кошкаров. — Штык есть, руки есть и солдатская честь есть, воюй! — Потом добавил мягче: — Мы подскажем.

Отбивать натиск фашистов становилось все труднее: голод, жажда, отсутствие оружия и боеприпасов доводили людей до безумия, а фашисты усиливали огневые налеты и бомбежку. Защитники Цитадели гибли, истекали кровью, оставаясь непокоренными, и искали пути для продолжения борьбы.

В ночь на 28 июня послали и меня с группой товарищей искать такой путь. Как он мне достался — Вам известно.

В заключение хочу сказать то, что испытал лично и знаю десятки других примеров: выжившие защитники Брестской крепости, идя по кругам фашистского ада, продолжая борьбу в тылу врага, на допросах и пытках никогда не говорили правды врагу, если такая правда угрожала жизни товарищей.

К великому несчастью, эта святая и священная ложь врагу, зафиксированная фашистами или их прихвостнями в разных фашистских картотеках и анкетах, была использована врагами советского народа, бериевцами и их последышами, для «уличения», «разоблачения» и жестокой физической и моральной расправы над настоящими людьми, патриотами Родины, коммунистами-ленинцами.

Остерегайтесь таких «первоисточников». «Разоблачители» и «уличители» действуют до сих пор: совсем недавно они оплевывали в многочисленных тиражах книг святые имена героев — Олега Кошевого, Александра Матросова, Муссы Джалиля... Не один уже был сделан плевок на живых и мертвых защитников Брестской крепости.

С глубоким уважением Алексей Данилович Романов.

9 октября 1975 г.

ЧЕСНОКОВ Василий Сергеевич,
командир батареи 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

Ответы на краткий вопросник участника обороны Брестской крепости. Чесноков Василий Сергеевич — Смирнову С.С.

1. Краткие биографические данные.

Родился в 1914 году, 26 января, в деревне Барановской Свердловского района Орловской области, в семье крестьянина-бедняка. Отец все время занимался крестьянством. До 1928 года учился, с 1928 по 1930 г. пас скот в своей местности, а зимой самостоятельно учился. С 1930 по 1936 год находился в колхозе, общее образование — 8 классов. С 1936 по 1937 г. был курсантом полковой школы при 16-м стрелковом полку 6-й стрелковой дивизии в г. Орле. С 1937 по 1938 г. был старшиной по школе, с 1937 по 1939 г. занимался на курсах м/лейтенантов, в 1939 г. 10 сентября получил срочно звание и был назначен командиром батареи 45-мм пушек при 98-м артдивизионе 6-й стрелковой дивизии. С 1939 г., с 17 сентября, по 1941 год, по 5 июля, был в городе Брест-Литовске по день пленения.

2. В какой части, с какого времени, в каком звании и должности служил?

Ответ:

При 6-й Краснознаменной стрелковой дивизии в 98-м отдельном артдивизионе 45-мм пушек, в звании лейтенанта, должность — командир батареи ПТО.

3. На каком участке обороны, с какого и по какое время сражался, под чьим командованием?

Ответ:

98-й артдивизион располагался в районе Восточного форта и на этом участке вел оборону с 22 июня 1941 г. по 26 июня 1941 г. Командовал комиссар дивизиона НЕСТЕРЧУК, после его тяжелой контузии, а потом и гибели, командование принял лейтенант АКИМОЧКИН, после смерти АКИМОЧКИНА командовал группой я, после моей контузии и ранения — это было 4 июля 1941 г. — не могу сказать, кто остался, но, по-моему, из нашего дивизиона никто.

4. Все боевые эпизоды, которые запомнились в ходе

обороны, все фамилии и другие данные о людях, которые сражались на этом участке и их судьбы?

Ответ:

В силу того, что прошло уже 15 лет с того времени, всех фамилий сражавшихся бойцов вспомнить не могу, но командный состав помню некоторых. Старшина батареи ЛЕВИЧЕВ, которого я встретил в плену в лагере Бело-Подляске примерно в середине июля, вероятно, жив. Он дрался с нами вместе, а когда он попал в плен, не могу точно сказать. Лейтенант КОГАНОВИЧ — командир 3-й батареи погиб при мне, его жена и мать остались в Бресте, судьбу не знаю. Лейтенант Акимочкин погиб при мне от разрыва гранаты, политрук ОКСТЯКОВ на 2-й день войны пропал, и до сего времени никто не знает, где он, вероятно, погиб. Замполит ШТРЯЕВ погиб, замполит ГЕРАСИМОВ погиб, командир батареи ЧУПОХИН жил в городе и в крепость не показался, не знаю где, но он жив. Командир 98-го артдивизиона НИКИТИН в первый день пропал, до сего времени не знаю, где он, жена его, Анна НИКИТИНА, жива, у нее двое детей — девочка и мальчик.

6. Когда и при каких обстоятельствах пленен?

4 июля был ранен в голову и контужен снарядом, 5 июля был захвачен немцами в районе форта.

7. Где был в плену и когда вернулся?

Лагерь Бело-Подляска (Польша), Гамельсбург (Германия), Анзбах (Германия), Разендорф (Германия). 20 апреля бежал из плена с САСЕДЕНЫМ Николаем и СОКОЛОВЫМ Вениамином. 22 октября 1945 г. прибыл после проверки в Чубоскорскую дивизию, откуда был демобилизован домой в запас.

8. Кого из защитников крепости встречал в плену?

Старшину ЛЕВИЧЕВА, судьбы не знаю, но предполагаю, что он жив, постараюсь разыскать его. Говорят, он

тоже Орловский. Лейтенанта ХОВИРЬ встречал, судьбы не знаю.

9. Что слышал от других об обстоятельствах и сроках обороны крепости?

Меня интересует зенитно-пулеметный дивизион, который сражался у Центрального входа крепости, и говорят, что его защитники держались до 29 июля 1941 года, поражая своим огнем пехоту врага и самолеты. От нашего района, т.е. Восточного форта, можно было видеть этот район, и мы видели, как этот дивизион расстреливал «мессершмиттов». До 29 июля я слышал, что крепость держалась, дальше не знаю.

10. Краткая послевоенная судьба.

В 1945 г., 22 декабря, прибыл в Орловскую область, в Свердловский район. Вначале работал налоговым инспектором, а сейчас работаю машинистом башенного крана на строительстве в г. Орел.

11. В какой помощи нуждаетесь?

Ответ:

Восстановить прежнее положение сейчас, вероятно, невозможно, особенно если бы совершилось мое 15-летнее мечтание быть вновь в рядах нашей родной партии, из которой я выбыл по несчастью плена. Но об этом, вероятно, приходится забыть.

12. Кого из бывших защитников крепости знаете сейчас?

Ответ: старшину батареи ЛЕВИЧЕВА Андрея знаю, который остался в живых, сейчас находится в Крамском районе. Если Вы приедете, то мы можем поехать к нему.

А теперь опишу несколько эпизодов, которые случались в процессе обороны...

22 июня 1941 года в 4 часа открылась первая канонада по нашей территории, т.е. огнем артиллерии и самолетов сверху. Крепость очутилась в огневом кольце, начали рушиться казармы, где спали красноармейцы, смешались с

камнями кровь и тела людей. Никто не мог понять в этот момент, что происходит на территории крепости, редким удалось выйти из крепости на простор. Но не прошло 3 часов, как многие форты приняли решение — оборонять крепость до последнего патрона, так поступил и наш 98-й отдельный артдивизион. В 6 часов утра 22 июня на совещании командиров НЕСТЕРЧУК совместно с командирами решил выехать из крепости в район г. Бреста и там вести оборону. Но когда мы сели в танкетки и только переехали ворота Восточного форта, как нас встретили немцы ураганным огнем противотанковой артиллерии. Первые машины загорелись, создали пробку, начали в объезд ехать — некуда, пришлось давать команду спасаться и занимать оборону в кювете и отходить обратно в крепость. В этой первой схватке с врагом солдаты 98-го артдивизиона показали мужество: помполит ШИРЯЕВ со своей группой прикрыл отход 2-й батареи, которая под прикрытием благополучно заняла оборону в районе своих казарм. На 3-й день войны немцы придумали хитрую тактику. В наш район 98-го артдивизиона в ночь на 24 июня были переброшены несколько десятков снайперов. Утром мы начали нести большие потери от снайперов, на расстоянии примерно 150 метров они били почти без промаха, надо было уничтожить группу снайперов. Под моей лично командой было решено выкатить на открытую территорию пушку и бить по месту, где засели в кустах и камнях немецкие снайперы. Командир орудия ЗАЙЦЕВ Александр дал расчету команду, расчет под градом пуль смело выкатил на ОП пушку под прикрытием бронещита и открыл огонь осколочными снарядами. Через короткое время снайперы были уничтожены, а часть бежали. Но немецкая артиллерия засекла нашу пушку, и на обратном пути прямым попаданием под лафет пушка и расчет были уничтожены.

Этот геройский поступок артиллеристов в памяти тех,

кто видел, будет храниться вечно. Примерно 27—28 июня немцы сосредоточились в тире 98-го артдивизиона, и черт знает что им вздумалось, вероятно, чувствуя успех своего положения, решили устроить передышку в честь успехов. В это время я и ряд бойцов находились в подвале внизу. Старшина ЛЕВИЧЕВ обнаружил бойницу, которая давала обзор в район тира, где фашисты расположились пировать. Мне об этом сказали, мы решили сорвать их пир. Установили в бойницу пулемет и грянули очередь по фашистским гадам, которые не ожидали, что так может случиться. В ходе стрельбы они начали прятаться, кто за что, бежать было некуда, и почти все были уничтожены. На 2-й день после этого они решили взорвать подвал в районе 98-го артдивизиона и усиленно начали подкапывать стену вала. На другой день все было готово к взрыву нашего подвала, под крепостной стеной все бойцы об этом знали, я всех осведомил о том, что нас хотят подорвать. Но дух патриотизма во всех нас был настолько велик, что никто даже не дрогнул, а сошлись вместе в ожидании смерти, т.е. взрыва. Помню, еще шутил, что, мол, фашисты не смогут взорвать вал. И после этого последовал страшный оглушительный взрыв. Содрогнулся весь подземный ход, но крепостная стена не поддалась взрыву. Затея фашистов провалилась. После чего они отбили у нас проходные ворота, и мы были вынуждены уйти в подземелья, а немцы завалили вход всякими железными подбитыми машинами. 2 дня мы старались выйти из подземного хода, но безуспешно. У нас не было воды, хлеба и патронов. Делать было нечего. Пришлось искать инструменты и рыть колодец, но пробить бетон не так просто. Вырыли просто ямку, но вода собиралась настолько медленно, что нам ее не хватало даже по столовой ложке. На 3-й день, к нашему счастью, немцы приняли решение разгородить нас, вероятно, думали, что мы там уже умерли. Подойдя к выходу, мы не смогли

выйти в силу того, что немцы стали бросать к нам гранаты. Только ночью мы смогли выйти из подземного хода наверх в казармы, где я встретил лейтенанта КОГАНОВИЧА со своими бойцами, которые оборонялись в казармах крепости и помогли нам выбить немцев из Центральных ворот Восточного форта, где мы и укрепились. О гибели ст. политрука НЕСТЕРЧУКА и лейтенанта АКИМОЧКИНА, лейтенанта КОГАНОВИЧА, замполитрука ШИРЯЕВА и других товарищей сообщу во второй тетрадке, которую пишу.

Знамя дивизиона закопано в крепости у Восточного форта под одной стеной в железном ящике, и там же со знаменем хранятся секретные документы. Если бы я имел средства поехать в Брест-Литовск, я бы мог съездить, но меня, вероятно, одного не допустят туда. Вот все, что мог припомнить. В следующей тетрадке постараюсь подробно описать все и побольше.

С приветом к Вам, Василий Сергеевич ЧЕСНОКОВ.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин В.И. Брестская крепость — крепость-герой. М., 1985.

Археалогія і нумізматыка Беларусі. Минск, 1993.

Брест. Энциклопедический справочник. Минск, 1987.

Бешанов В.В. Десять сталинских ударов. Минск, 2003.

Бобренок С.Т. Слово о товарищах. М., 1961.

Витте С.В. Воспоминания. Т. 1. М., 1960.

Вместе с Карбышевым (Воспоминания русского офицера В.М. Догадина) // Отечественные архивы. 2002. № 1—2.

Героическая оборона: Сб. воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне—июле 1941 г. Минск, 1971.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.

Каландадзе Л. Дни Брестской крепости. Тбилиси, 1964.

Карель П. Гитлер идет на Восток 1941—1943. М., 2003.

Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2, 3. М., 1993.

Краснознаменный Белорусский военный округ. Минск, 1973.

Куль-Сядьверстава С. Брэсцкі кадэцкі корпус // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 3.

Лавровская И.Б., Кондак А.П. Брест. Путешествие сквозь века. Минск, 1999.

Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и историков: в 2 т. М., 2002.

Памяць. Брэст: в 2 т. Минск, 1997.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 год. Гродно, 1866.

Полонский Л. В осажденном Бресте. Баку, 1962.

Сандалов Л.М. Первые дни войны. М., 1989.

Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. Минск, 1990.

Смирнов С.С. В поисках героев Брестской крепости. М., 1959.

Смирнов С.С. Брестская крепость. М., 1970.

Смирнов С.С. Рассказы о неизвестных героях. М., 1985.

Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1933. .

Ткачоу М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Минск, 1978.

Ульянов И. Регулярная пехота. 1801 — 1855. М., 1996.

Ульянов И. Регулярная пехота. 1855 — 1918. М., 1998.

Фомин Ю. Человек из легенды. Киев, 2001.

Хаметов М.И. Брестская крепость-герой. М., 1988.

Хмелевский Я.М. Справочник-календарь гор. Брест-Литовска на 1913 год.

Яковлев В.В. История крепостей. Санкт-Петербург, 1995.

Waszczukowna-Kamieniecka D. Brzesc nezapomniane miasto. London. 1997.

Sroka J. Brzesc nad Bugiem. Biala Podlaska, 1997.

Sroka J. Obroncy Brzeskiey Twierdzy. Biala Podlaska, 1992.

Geresz J. Twierzdza nieponana. Biala Podlaska, 1994.

Fortyfikacja. T. XI/ Warszawa, 2000.

Фонды Брестского областного краеведческого музея.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Бешанов

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.09.2009.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 4000 экз. Заказ № 6834

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Этот подвиг был забыт на долгих двадцать лет – страна узнала о героях Брестской крепости лишь в начале 1960-х. Эта оборона стала символом стойкости и самопожертвования советского солдата. Именно здесь блицкриг дал первый сбой – по планам немецкого командования, на захват Брестской крепости отводились считаные часы, но ее гарнизон продержался более двух недель, а последние защитники продолжали сражаться до поздней осени 1941 года.

Теперь эти факты общеизвестны – однако в истории Брестской крепости еще немало спорных моментов и «белых пятен», а вопросов куда больше, чем ответов. Почему немецкое нападение застало ее защитников врасплох? Зачем накануне войны из крепости был выведен практически весь гарнизон? Каково было соотношение сил и потери сторон? И почему правду о «бессмертном гарнизоне» вычеркнули из народной памяти на два десятилетия?

В новой книге популярного историка даны ответы на самые острые и «неудобные» вопросы. Это – первая полная летопись Брестской крепости, освещающая не только события 1941 года, но всю ее полуторавековую историю.

ISBN 978-5-699-37456-4